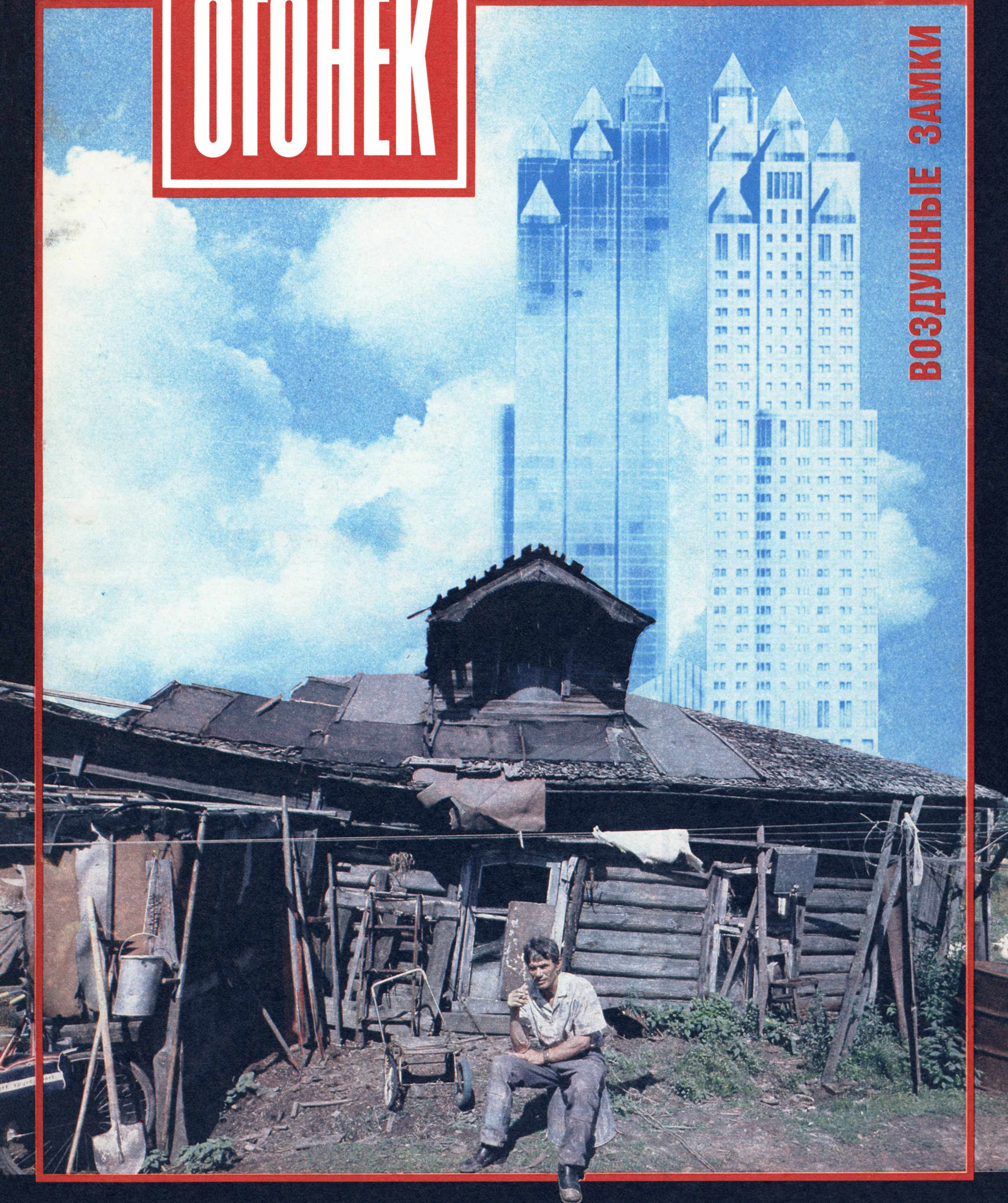
ISSN 0131—0097
СЕНТЯБРЬ № 38 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 38 (3348)
14 — 21 сентября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Сергея ПЕТРУХИНА. (См. в номере материалы на стр. 12—23.)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
и Н. П. КАЛУГИНА (стр.12—23)
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 26.08.91. Подписано к печати 10.09.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 825. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ

Анатолий ГОЛОВКОВ,
обозреватель журнала «Огонек»
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Кремлевский разъезд был веселым.

После напряжения четырех дней господа и дамы, а также отдельно взятые «товарищи», которых Президент никак не мог отогнать от микрофонов в зале, шумно пили кофий, фотографировались на память, травили анекдоты. Будто и не катилась по стране чумовая волна путча, не грохотали танки, не было баррикад. Будто те же сторонники агрессивно-послушного большинства не заискивали перед диктаторами-неудачниками, не отсиживались по городам, ожидая «вызова в Москву». Отчитавшись, что именно каждый из них (по часам, по минутам!) делал в дни переворота, как они переживали за Горбачева и как любят Ельцина, слуги народа теперь чувствовали себя вполне празднично — пронесло!

Так закончился V внеочередной съезд народных депутатов СССР, страны, которую наши избранники дружно похоронили под жидкие аплодисменты.

Это был, пожалуй, единственный съезд, где залу был предложен жесткий диктат. А за кремлевскими стенами — москвичи, сделавшие выбор. И штаб «Демократической России», который способен в мгновение ока собрать на Красной площади сотни тысяч людей... Шевелил усами генерал Макашов, на сей раз в гражданском, что не совсем соответствовало торжественности момента. Притихла «партийная сотня». Хитро щурился Лигачев, возможно, воздавая себе должное — все-таки вовремя удалось уйти с политической арены и не оказаться в ловушке; грузный Воротников, потупившись, смотрел в пол... Для полного набора не хватало ловца аппаратных душ, поэта Анатолия Лукьянова.

Итог этого съезда, возможно, последнего, был предрешен. От бывшей сверхдержавы остались армия, загнанная обратно в казармы, общее географическое пространство да упрятанные под землю ядерные мегатонны. Ломать — задорное дело, господа-товарищи, не так ли? А разрушив, можно даже не дожидаться, пока пыль осядет,— сразу по рюмочке за новое будущее, которое даже астрологи себе не представляют.

Один Явлинский знает. У Аганбегяна не получилось в 86-м, у Абалкина — в 89-м, Шаталин махнул на все рукой в 91-м... Да и был ли кто-то в состоянии

соединить правящую КПСС с капиталистическим способом производства? Разве что Николай Иванович Рыжков? Да вот, и того не поняли... Явлинский уверен в себе как никогда: власть плюс идея — может ли быть удачнее другое сочетание для специалиста? Но ведь именно эти условия — «власть плюс идея» — помогли академику Александрову посадить свой атомный реактор на Чернобыльской станции. А он возьми да рвани! До сих пор опомниться не можем... Младой Явлинский улыбается нам с телеэкрана: ничего, прорвемся! Ничего, что Ельцин второпях подписал Указ, дав карт-бланш московской мэрии, а предприниматели готовы покинуть столицу. Победителей, как говорится, не судят.

Кремлевский разъезд поломал чьи-то планы на заграничные вояжи с пятизвездочными отелями и бесплатным «брекфестом», похожим на коммунизм. Прощайте, белые пароходы, синие острова, предупредительная уважительность обслуги. Прощайте, интервью западным корреспондентам, когда от движения собственных извилин дух захватывало. Не будет больше мелькания на экранах с последующим узнаванием тебя толпою, служебной московской квартиры, права на черную «Волгу». Прощайте, бесплодные дебаты в комитетах и комиссиях, статьи в газетах, пустые словопрения, интрижки одной депутатской группы против другой, подметные письма, друзья и враги... Все понимающие и видавшие виды кремлевские буфетчицы советовали какой-то испуганной депутатше из Средней Азии: «Да ты бери побольше конфеток-то, не стесняйся, небось детишки дома...»

Игра закончена, господа! Не расстраивайтесь, Оболенский, что так и не удалось вам стать президентом. Обнимитесь, Ивашко с Дзасоховым, Коган с Суховым, Петрушенко с Алкснисом: Бог весть, когда еще придется свидеться... А миллионы простых смертных, избирателей, которым вы привычно лгали, но которые верили вам, надеялись на вас, осыпали вас милостями, заваливали телеграммами, раскаляли докрасна ваши телефоны, полюбуются. Спокойно ли у вас на душе?

Утонули в вашем гвалте, в панике вашей, которая сродни панике тонущего корабля, одинокие голоса тех, кто ЗА ВАС принял на себя тяжелую ношу. И КТО принял?! Конечно, Заславский — со своей великой болью за людей... Конечно, Самарин, воспитанный временем... Конечно, честный Собчак; бесстрашная Старовойтова; конечно, Адамович, Белозерцев, Яблоков, Емельянов, Святослав Федоров... Спасибо всем. За то, что расшатали время, очистили пространство для лучшего будущего детей наших.

...Союза Советских Социалистических Республик, одной из самых свирепых империй в мировой истории, больше нет. Ее бывшие вотчины пошли каждая своим путем. Слово «свобода» стало одним из наиболее часто употребляемых в печати. Но что же взамен?

Профессиональная осторожность политического наблюдателя не может нынче охладить чувства радости за прибалтийские государства, которые признала (наконец-то, пусть и в числе далеко не первых!) Москва. Все эти годы «Огонек» последовательно отстаивал их право на независимость, поддерживал их борьбу, был с ними в страшные январские дни 1991 года. На рижских баррикадах реяли и российские флаги, у «Белого дома» — прибалтийские. И сегодня — наши поздравления друзьям.

Размышляя о будущем тех, кто избрал независимость, и о тех, которые станут партнерами по конфедерации, становится тревожно: как бы не забыть о той главной общности взглядов, которые в итоге победили тоталитарный режим. Ни территориальные споры, ни разногласия в выборе государственного устройства, ни отношение к роли центра не столь важны, как сама демократическая идея. Если она позволит сцементировать отношения между Россией и другими республиками, путь к цивилизованному будущему будет открыт. Ибо не столько торговля, экономические выгоды, сколько именно понимание новой общности на новом пути определит это будущее.

Несколько лет назад, когда вспыхнули первые митинги в Степанакерте, мне уже доводилось писать о том, что без солидарности демократических сил из разных республик любое движение за национальную независимость успеха не добьется. Увы, эта тема актуальна и по сей день.

Поэтому должен быть услышан голос российской демократической общественности, которой не все равно, что льется кровь в Закавказье. Что в Узбекистане реставрируется тоталитаризм. Что в Баку Народный фронт Азербайджана (который был готов победить еще в январе 1990 года и отступил только перед танками Язова) теперь вынужден уступить власть большевику Муталибову. Что Назарбаев сделал все для того, чтобы спасти казахстанскую компартию. Успехи российской демократии не будут закреплены, пока взрывоопасна Молдова. Пока украинский дремучий партаппарат, используя подавление путча в своих целях, выбрасывает лозунг «Лучше под коммунистами, чем под москалями!». Пока между обломками империи бродят целые народы, ища себе место под солнцем,— поволжские немцы, турки-месхетинцы, курды, осетины... Не говоря уж о сотнях тысяч беженцев, о «русских меньшинствах» в республиках, ставших суверенными.

Империя Ленина — Сталина развалилась, и ей исторически суждено было рухнуть. Не трагично, а, скорее, драматично то, что снесено уродливое строение на одной шестой части земного шара, начиненное к тому же ядерной взрывчаткою. Не о чем тут жалеть. Но теперь, призвав мудрость и долготерпение, предстоит и взрывчатку обезопасить, и жильцов расселить по их желанию. Да так, чтобы политика Кремля не повлекла за собой новых унижений. Увы, время не подгонишь. Впереди долгий путь.

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Давно известна классическая диспозиция. Впереди преследующей вора толпы бежит виновник происшедшего преступления и громче всех кричит: держите вора!

В похожей ситуации оказались многие высшие деятели КПСС. Обвиняя демократов в экстремизме и стремлении захватить власть, они оказались в положении того впереди бегущего. События 19—21 августа убедительно подтвердили это.

Э. ЛЕЩИНСКИЙ
Ленинград

Узнал, что внук Брежнева продает саблю, подаренную Саддамом Хусейном, с надписью: «Л. И. Брежневу за борьбу с империализмом».

Предлагаю демократам скинуться по трешке, выкупить саблю и подарить ее народам Прибалтики. Мне кажется, это будет достойный подарок народам, успешно завершившим борьбу против брежневской империи.

С. КОРЧАГИН
Ереван

Живу в Австралии, в Мельбурне. В Москве живет моя 70-летняя мать. Из-за болезни она уже несколько лет не выходит из дома. Единственная радость в ее жизни — это мои письма. Я их пишу регулярно, каждый понедельник опускаю в ящик письмо. Однако она не получает их месяцами! Интересно, где и почему так долго лежат мои письма?

Е. ГВИРЦМАН
Австралия

Хочу поделиться своими впечатлениями от демонтажа памятника «железному Феликсу». В первые секунды было удовлетворение, даже злорадство. Но потом, подумав, я решила, что памятник нужно было оставить, написав, кем был этот человек и какие дела творил. Пусть рядом с ним будет памятник жертвам тоталитарного режима. Чтобы внуки наши знали все.

Л. ЗАЙЦЕВА
Москва

Что вы скажете о стране, в которой на кладбище проводят шоу, веселятся, танцуют и поют радостные песни? Наверное, вы ответите, что это безнравственно. Однако в нашей стране такое кладбище есть — это Красная площадь. Самое печальное, что мы этого кладбища не замечаем.

Н. ФИЛИМОНОВ
Ленинград

В Минске при получении продовольственных талонов на второе полугодие, кроме паспортов, требуют еще и визитные карточки. Судя по всему, какой-то партократ-бюрократ изобрел еще один «метод борьбы со спекуляцией». До каких пор нас будут унижать?

А. КРУПОДЕРОВ
Минск

Совершенно очевидно, что попытка мятежа, так быстро окончившегося провалом, навсегда покончила с компартией. Причина этого не только в идиотских действиях руководителей переворота. В последние годы компартия падала все глубже и глубже и, наконец, плюхнулась в глубокую грязную яму, из которой ей не выбраться никогда.

А. ПАНЮТИН
Москва

■

Кто отказался бы на 74-м году советской власти, в преддверии светлого будущего, от снижения цен, как и было обещано? Помните: «Бесплатный проезд на всех видах транспорта», «Бесплатное общественное питание» и, наконец, самое торжественное из уст Никиты Сергеевича: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Увы, светлым надеждам не суждено было сбыться. Но пусть я был обманут в своих надеждах, пусть утопической оказалась эта мечта, но она была прекрасна, с нею и дышалось, и работалось легче, несмотря на «волюнтаризм» и серьезные промахи экономической реформы.

Всякий раз, уезжая на шахту и возвращаясь домой, читал я напутствие с красочного щита на одном из домов: «Верной дорогой идете, товарищи!» И я верил, что иду верной дорогой. Еще при жизни Леонида Ильича все откладывал деньги на покупку цветного телевизора, ждал, когда наши станут не хуже японских, надеялся на удешевление. Но семейный бюджет затрещал по швам. В 1981 году, имея общий трудовой стаж 35 лет, из них последние 24 года на шахте в должности геолога, схлопотал я инфаркт, получил удостоверение пенсионера и «потолок» в 120 рублей. Уточняю — 120, а не 1200 и дачу в придачу.

А весной 1985-го получил удар под самое дыхло, когда узнал, что годы активнейшего труда моей жизни обозваны застойными, что к светлому будущему шел я не той дорогой.

Ну а в чем же вина моя, рядового беспартийного, у руля не стоявшего? Будучи доверчивым и дисциплинированным, я делал свое дело, как и многие миллионы сограждан. Но это же не вина, это труд, которым гордиться не стыдно. И беспокоит мысль: неужто шестьдесят лет жизни прожиты ради сегодняшнего бардака с немыслимыми ценами и липовыми компенсациями? Значит, попусту жил, зря землю топтал?

Мое поколение — это дети войны. С 9 до 18 вкалывал я в тверском колхозе за взрослого мужика. Помню, летом 1943-го предложила мне учительница путевку в пионерский лагерь за отличную учебу. Мать в слезы: «Как же мы без мужика-то?» Не поехал я, так и не узнал, что такое пионерский лагерь. Но зато за 24 шахтных года «потолком» в пенсии наградили чиновники-благодетели. Так кому же спасибо говорить за несостоявшееся светлое будущее, за обесцененный труд и такой вот печальный финиш? Почему за ошибки рулевых расплачиваюсь я, а не рулевые?

Л. БЫЧКОВ
Днепрорудный Запорожской обл.

■

Прочитал в «Литературке» про иностранца, который во время защиты российского «Белого дома» наблюдал за всем происходящим со стороны. И обидно стало, потому что не все иностранцы вели себя так.

О событиях 19 августа я узнал, когда был в Калуге. Мы всей семьей сразу же вернулись в Москву. Утром 20-го я был в своем офисе, недалеко от Краснопресненской набережной. Пошел к «Белому дому». Узнал, что в 12 состоится митинг, и решил: пойду.

После митинга мы с женой и дочерью взяли несколько банок кофе, купили целую сумку хлеба и приехали в офис. Здесь, на кухне, стали делать бутерброды, готовить чай, кофе и выносили все это на улицу защитникам.

Эту страшную ночь с 20-го на 21-е мы провели вместе с москвичами. И не только еду раздавали, но и баррикады строили...

Больше всего меня поразили лица защитников «Белого дома». Еще утром это были хмурые, угрюмые люди, а вечером — прекрасные, одухотворенные лица, как будто все — братья и сестры. Ночью, помню, мужчина лет 60 обратился к стоящим рядом: «Товарищи, дайте кто-нибудь двушку, домой надо позвонить...» В другое время, знаете, что бы ответили? А тут к нему бросились люди и стали давать монетки.

Я воспитывался в Ивановском интернациональном детском доме и по духу считаю себя советским человеком. Но я иностранец и хочу, чтобы вы знали: не все иностранцы приехали сюда как туристы, не все были равнодушными наблюдателями.

Фернандо Бернальдо де Кирос,
представитель в СССР
фирмы «Тудор»
Испания

■

Я присутствовал на митинге 21 августа, который проходил возле баррикад на перекрестке Садового кольца и Новоарбатского проспекта. На мостовой еще оставались не смытые дождем следы крови погибших в прошлую ночь москвичей. Конечно, среди присутствующих было немало молодежи, но было много и пожилых людей. Это несмотря на позорное обращение Всесоюзного Совета ветеранов о поддержке действий ГКЧП. Важно понять, что ветераны бывают разные. Не все подвержены консервативным веяниям.

П. САКУН,
ветеран труда
Москва

■

За годы перестройки мы многое узнали о преступлениях созданного в октябре 1917 года тоталитарного режима, но когда речь заходила об участии в этом основателя социалистического государства, нам закрывали рот: «Руки прочь от Ленина». И все преступления сваливают на его единомышленников, оставляя Ленина в тени, мотивируя это тем, что организатор коммунистической тирании ничего не ведал, не знал, что творил.

Оглянитесь вокруг: всюду разруха, запустение, смятение в душах людей, все лишено здравого смысла, перевернуто с ног на голову, доведено до абсурда. Кто же создал этого тоталитарного монстра? В благодарность за нашу кошмарную нищенскую жизнь по всей необъятной стране установлены бесчисленные убогие памятники Ленину, который в закостеневших мозгах коммунистов и сейчас живее всех живых. Предприятия и учреждения до сих пор наводнены нелепыми плакатами с пустыми ленинскими изречениями. Обожествленное его имя тоже стало абсурдом, опиумом для народа.

Ульянов-Ленин совершил незаконный государственный переворот, нарушил естественный путь развития страны. С его ведома грабили крестьян, расстреливали десятки тысяч доблестных русских офицеров. Он создал общество стукачей и доносчиков. Давно пора освободиться от этого повсеместного дурмана, стать нормальными людьми. И чем раньше мы это сделаем, тем быстрее общество придет к подлинной демократии.

Э. ТОЛКУН,
бывший командир
подводной лодки
Севастополь

■

Объясните мне, пожалуйста, когда мы избавимся от этого оголтелого большевизма? Когда перестанем пугаться насмерть и пугать других?

Да, в стране была попытка государственного переворота. Это, бесспорно, преступление, и непосредственные организаторы путча должны быть наказаны по закону.

Но что происходит сейчас? Почему наши опьяневшие от победы демократы способствуют новому витку морального падения общества? Уже забыли про бездарный ГКЧП. Давайте дальше ловить предателей, пособников и равнодушных. Волна доносов и разносов катится по стране. А вот и они, виноватые: дикторов ЦТ — к ответу, председателя сельсовета в какой-нибудь забытой Богом Потеряихе — долой за то, что не высказался 19-го, а 22-го — поздно. Коммунистку тетю Машу вон из домового комитета за приверженность к коммунистической идее.

Ну, скажите на милость, кто виноват, что в нашей стране много десятилетий культивировалась только одна черта — исполнительность? Исполнители назначались на все ответственные посты. За примером далеко ходить не надо — Кравченко. Вина-то его, наверное, только в том, что уж очень старался исполнять. А тысячи секретарей обкомов, райкомов вообще своего мнения никогда ни о чем не имели. За что их винить? За то, что, как всегда, сказали: будет сделано?

Я никогда не выписывала «Правду», но даже временное закрытие газеты считаю актом чисто большевистским. Мне забавно наблюдать за выступлениями Бориса Гидаспова, но если он не имеет отношения к перевороту, дайте ему возможность что-нибудь делать. Кто-то из журналистов обвинил Николая Губенко в трусости, а мне его жаль, потому что не понимаю, в чем он виноват. Только в том, что не пошел на баррикады? Ну а Невзоров, его-то зачем убирать с экрана? Это же явление, он ведь и в будущем нам может снова рассказать о подготовке следующего путча. Он это умеет.

Л. СЕМЕНОВА
Московская обл.

ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ

В № 9 журнала за 1988 год была опубликована статья бывшего сотрудника «Огонька» Б. Рязанцева «SOS «Лосиного острова», в которой приведенные автором сведения о том, что В. М. Строганков является браконьером и что он «промышлял в заповеднике», не соответствуют действительности. Редакция приносит извинения В. М. Строганкову.

Ирина ПЕТРОВСКАЯ

ТАНКИ В ОСТАНКИНЕ

Я живу на улице, известной большинству соотечественников по задушевным призывам, изо дня в день раздающимся с телеэкранов: «Пишите нам! Наш адрес: Москва, Улица академика Королева». 19 августа таксист, отказавшись везти меня домой («Вы что, с ума сошли? Там же танки!»), в ответ на мое «Живу я там» посочувствовал: «Угораздило же вас!» А еще год назад, когда переезжала я на новую, долгожданную квартиру, друзья и знакомые поздравляли: «Повезло. Хорошее место». «Хорошее,— соглашалась я,— и до работы полчаса, и телецентр, на котором бываю через день, в трех троллейбусных остановках...» «Ничего хорошего,— возражал муж.— Под боком стратегический объект. Танки пойдут — спать будут мешать». Мы смеялись тогда — ну ты сказал! Еще не было Вильнюса, и прогнозы такого рода воспринимались как черный юмор, не более. Вечером 19 августа, добравшись до Москвы на перекладных из глухой калужской деревни, я стояла на балконе и смотрела на колонну танков и БТРов, идущую к телецентру. Я и сейчас вижу словно на стоп-кадре: мрачный, серый, беспросветный вечер, люди, замершие на тротуаре, машины, прижавшиеся к бордюрам. Я уже знала, что в ночь с 18-го на 19-е спецчасти КГБ заняли телецентр.

Ольвар КАКУЧАЯ, главный редактор студии информационных программ («Время»):

— В половине второго ночи у меня в квартире раздался звонок. Звонил Кравченко: «Ольвар, какой у тебя адрес?» Продиктовал ему адрес. «А код? А этаж?» Я говорю: «Вы что, хотите кого-то ко мне прислать?» — «Да, хочу прислать машину. Надо срочно ехать на работу».— «А в чем дело?» — «Это я тебе скажу на месте». Да, он еще добавил, что программу «Утро» придется сильно изменить. Я спрашиваю: дикторы понадобятся? Я ж понимаю, что значит «изменить»,— или траур, или еще что-то такое, а у нас в программе рок. Он говорит: да, дикторы понадобятся. Я сказал, что машину присылать не надо, приеду на своей.

Приезжаю и звоню программному директору Осколкову, он уже на месте. Говорю: надо двух дикторов — мужчину и женщину. Он спрашивает: а кого бы вы хотели? Я отвечаю: надо, наверное, исходить из того, у кого есть машина. У Ермиловой, я знаю, есть. А из мужчин — давайте того, кто ближе живет. По внешним данным, по возрасту, говорю, больше к ней Петров подходит. Он четко мои рекомендации выполнил. Через час примерно появляются дикторы, мрачные, невыспавшиеся. Тут почему-то мне изменяет память — то ли это было в три часа, то ли в четыре. В общем, звонит Кравченко из машины по «кремлевке»: «Мы едем, выйди вниз, я дам тебе тексты, которые надо читать». Я спрашиваю: «Вы через сколько минут будете, где вы сейчас находитесь?» Он: «Минут через семь». Но не прошло и полутора минут, я вижу, его машина мчится по пустой улице Королева. Я пошел к лифтам, а навстречу уже выходит Кравченко, весь белый, лицо одутловатое. Ну, он мне сказал, что не спал совсем, только стал ложиться, звонит Манаенков: «Срочно приезжайте на Старую площадь». Кравченко спросил: «Может быть, утром?» — «Никаких «утром». Приезжайте». Когда он приехал, ему дали документы, но он сказал, что у нас так не полагается, мы такие документы получаем через ТАСС. А ему говорят: ну, и везите сами в ТАСС, оформляйте, как положено, но надо передать сразу: в 6 утра по радио и в 6.30 — по телевидению. Он поехал в ТАСС, зарегистрировал там документы и привез сюда. И вот, когда он у меня был, подъехали грузовые машины и перед нашими окнами началось кино. Окна большие, площадь перед нашим зданием освещена, и мы видели, как легкие на ногу, хорошо вооруженные, в касках и бронежилетах здоровые ребята спрыгивали с машин и бегом оцепляли здание, блокировали все входы и выходы. Неприятная сцена, скажу я вам: непонятно, то ли тебя берут, то ли охраняют. Но на охрану непохоже. Кравченко ничего не сказал, был, по-моему, в состоянии внутренней дрожи, и это его состояние передалось дикторам. Они первыми взяли тексты, им же читать. Мне показалось, что пауза была минут в сорок, хотя не прошло и десяти. На них было жалко смотреть. Я не выдержал, попросил посмотреть. Таких документов я никогда в жизни не видел. Мы же обычно имеем дело с тассовками, а тут: живая подпись Янаева, число 18-е стоит, напечатано на машинке, на обыкновенном листе бумаги, то есть я держу в руках первый экземпляр Указа № 1, он, наверное, даже у них не остался. И от руки каллиграфическим почерком написаны несколько страниц заявления Лукьянова, чего я тоже никогда не видел. Так же и остальные документы. Кравченко пошел к себе, в здание через дорогу, и я вижу, что его задержали; он что-то объясняет, удостоверение показывает. Минут пятнадцать, наверное, они что-то выясняли, по рации переговаривались. Потом пустили, он мне позвонил: «По улице не ходить, пользоваться подземным тоннелем, у них приказ — никого не пускать и не выпускать».

А где-то около шести пришли танки, штук тридцать я насчитал, цепочкой окружили все здание. Я вызвал редактора с программы «Утро» и велел предупредить всех приглашенных, чтобы они зря не ехали. И, как всегда бывает, рядом с трагическим — смешное: на программу был приглашен внук председателя Государственной Думы Родзянко, приехавший на Конгресс соотечественников. Но у редактора не оказалось его телефона, так что внук Родзянко увидел 19 августа 1991 года то, что его дедушка видел 25 октября 1917-го.

Что касается меня самого, то у меня ощущения были особые. Я уже видел подобное в Грузии, после 9 апреля, и, как потом убедился, там все было гораздо грубее. Ко мне был приставлен капитан, когда я подходил к зданию телерадиокомитета, солдат приставлял автомат к моему животу, второй солдат вызывал офицера, тот проверял документы и приказывал пропустить. И солдат не снимал пальца с курка, пока не получал приказ. Напротив кабинета председателя сидел комендант-капитан, который отсматривал все материалы. А здесь в первый день, кроме солдат, которые ходили по двое по коридорам, никого не было. Я все время ждал, что сейчас войдут и скажут: давайте вместе смотреть, что вы сегодня даете. Никто не зашел, это мне показалось странным.

Я сутки не выходил из здания, и мне рассказывали: они только один вход оставили и проверяют всех аж за сто метров; с временными пропусками не пускают, у работников ТВ и радио России удостоверения отбирают, все съемки отменены, камеры арестованы, ничьи подписи не действительны. Наверное, полдня прошло, пока разрешили мне подписывать заявки на съемки, одному мне в редакции, видимо, им так легче было запоминать. Режим то слабел, то усиливался. Вдруг неожиданно танки ушли, в 11 часов утра их уже не было. А вечером, часов в шесть, они вновь пришли и встали к пруду. Но такого накала, как в шесть утра, уже не было. Наверное, когда танки впервые появляются, всегда неприятно, я не из трусов, но неприятно.

Один журналист рассказывал мне, как утром 19-го, подъехав к телецентру на машине, он хотел было поставить ее, как обычно, на стоянке рядом с зданием. Шел сильный дождь. Навстречу ему выбежал здоровый солдат с автоматом, закричал: «Поворачивай, здесь стоять нельзя». Тот замешкался, тогда солдат, свирепея на глазах, вздернул затвор. «Что мне было делать? — улыбнулся коллега.— Я тут же отъехал». По рассказам очевидцев, оккупанты вели себя довольно мирно, заходили в бар, расплачивались — все — новенькими пятидесятирублевками. На вопрос, сколько дней они проведут на телецентре, один ответил: довольствия у нас на пятнадцать суток. Развлекались солдатики своеобразно: в новых финских лифтах одним ударом пальца выбивали нежнейшие сенсорные кнопки. После их ухода кнопки заменили, слава богу, нашлись запасные.

И еще один штришок: на дверях комнаты, где размещается радио России, появилась записка «Что, съели?», автор которой пожелал остаться неизвестным.

Сергей МЕДВЕДЕВ, обозреватель программы «Время»:

— В тот день по графику я должен был вести программу «Время». Сразу же решил отказаться, но, как выяснилось, в моих услугах не нуждались, все сообщения читали дикторы. Около трех часов дня я решил: нужно что-то делать. Я уже видел по Си-Эн-Эн, как по Кутузовскому идут танки. Пошел к главному редактору, он подписал заявку на съемку. В заявке написали тему: «Москва сегодня». С оператором Ю. Чечельницким сели в машину, поехали в город. После митинга на Манежной площади пробрались к «Белому дому». Сняли строительство баррикад, поговорили с добровольцами, которые пришли защищать здание парламента России. На студию особо не торопились, были уверены, что наш материал в эфир не пустят.

О. КАКУЧАЯ:

— Часа в три пришел Медведев, говорит: «Я поеду». «Ладно,— говорю,— езжай». Больше никто не просился, должен сказать. Никто! Хотя народ был, и многие потом говорили, что они демонстративно не работали или не пришли.

Олег ТОЧИЛИН, заместитель главного редактора студии информационных программ:

— Часам к трем мы вдруг спохватились: а что в стране-то делается? Информации ноль, «Маяк» читает то же, что и мы. Радиоголоса заглушены, Си-Эн-Эн дает одну и ту же картинку, видимо, из окна своего офиса,— статичный план Кутузовского проспекта, по нему движутся танки. Я занимаюсь союзной информацией; вызываю своих ребят и говорю: давайте звоните и, откуда возможно, в первую очередь из столиц, из Ленинграда, заказывайте материалы, пусть снимают, что есть, объективную информацию. И получили мы в тот день четыре материала: из Риги, из Молдовы, из Киева и Донецка. Сюжет из Риги заключался в том, что Рубикс и компартия приветствуют ГКЧП, а На-

родный фронт Латвии резко отмежевался и заявил, что это дело другого государства. Материал из Молдовы: в Кишиневе все спокойно, по местному ТВ выступил президент Снегур, который резко осудил ГКЧП. Этот материал тоже прошел. Третий был из Киева. В студии сидел председатель Верховного Совета Украины Кравчук и отвечал на вопрос: что вы можете сказать о ситуации? Он ничего не мог сказать. Первая часть его выступления сводилась к тому, что надо работать, потому что не будет хлеба, надо сохранять спокойствие, а вторая, что Украина — суверенная республика и ничего подобного там произойти не могло. Ну, и донецкий корреспондент сообщал, что там все спокойно, люди работают, ходят по улицам и т. п. К вечеру пришел зампред В. Лазуткин, отсмотрел все материалы, Кравчука сократил и разрешил давать в эфир. В пять часов мы начали передавать пресс-конференцию членов ГКЧП.

Елена ПОЗДНЯК,
режиссер программы «Время»:

— Пресс-конференцию монтировала я. Ольвар Варламович передал мне указание Кравченко: если возможно технически, убрать трясущиеся руки, смех в зале, реакцию корреспондентов. Я сказала: «Вот им (Елена показывает известную конфигурацию из трех пальцев), пусть все увидят!» Хотя технически сделать это элементарно. Я умею монтировать такие вещи ювелирно, научилась на Брежневе. У него было любимое слово «компеНтентность». Я умудрялась лишнюю букву «н» убирать так, что никто ничего не замечал. Бывало, что по всему докладу искали, где он какое-нибудь слово произносил правильно, а потом вставляли его вместо неправильно произнесенных. Но 19-го я отказалась это делать. Я сделала одну вырезку совершенно сознательно, потому что, кроме всего, я женщина, и у меня есть чувство жалости к моим коллегам. Я вырезала обращение Янаева к Ломакину: «Сережа, повтори, я забыл твой вопрос». Я сделала это, потому что знала: «Сережу» может разорвать толпа.

О. КАКУЧАЯ:

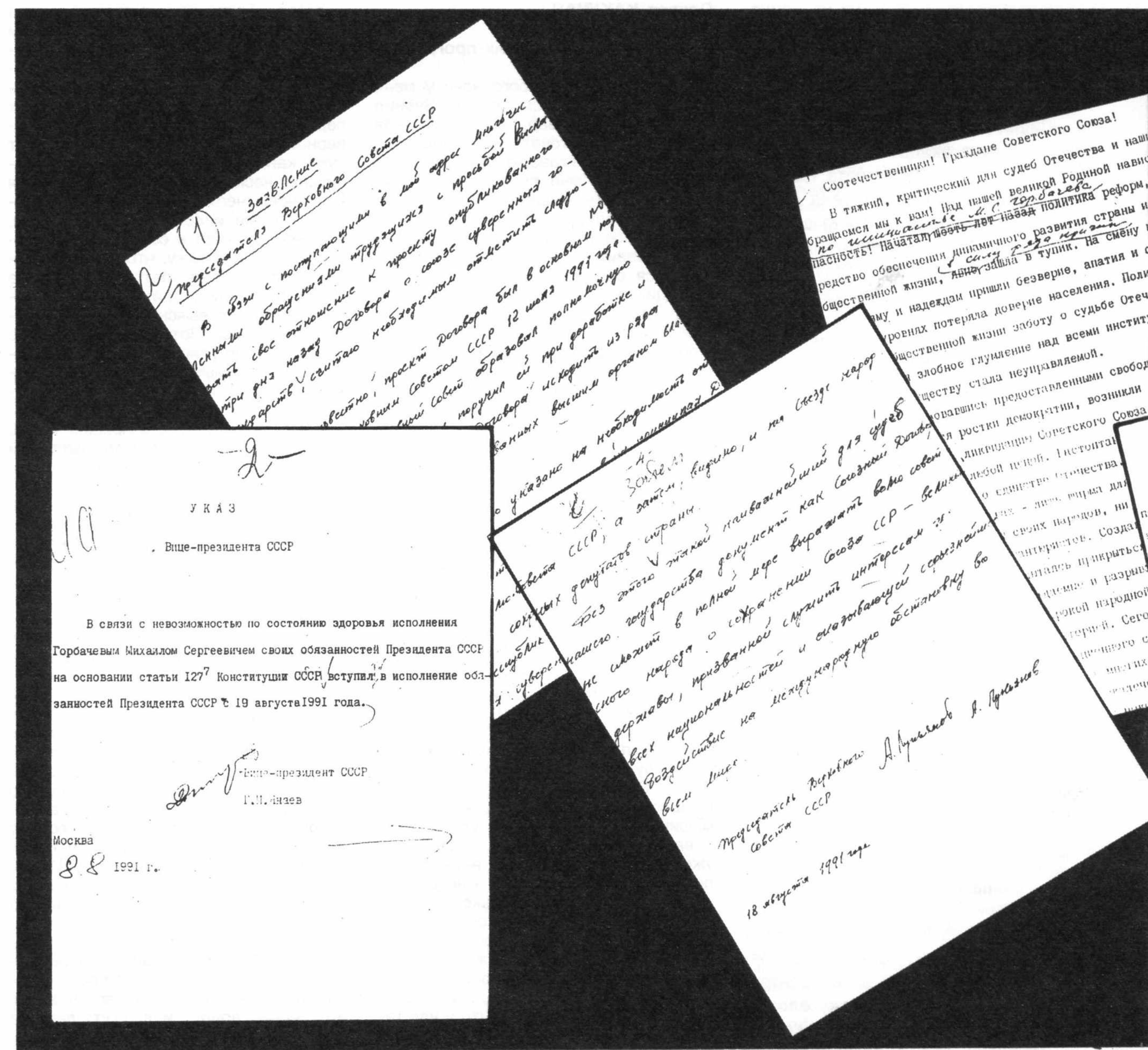
— Кстати, как там появился Ломакин, непонятно. Мы послали на пресс-конференцию Стефанова и Любовцева. Меня и Кравченко спросил: «А что там делает Ломакин?» Я ответил: «Ну, он политобозреватель (его два месяца назад назначили), он не должен у меня разрешения спрашивать. Поехал сам по себе».

(Рассказывают, что Ломакин поехал потом к «Белому дому», на баррикады, откуда его прогнали.)

Примерно за час до программы «Время» вернулся Медведев, рассказал, что удалось снять. Пленку с выступлением Ельцина у «Белого дома» мы взяли, по-моему, из Си-эн-эн и договорились, что он вставит ее в свой репортаж. Медведев пошел монтировать, в половине восьмого появился Лазуткин. Мы вместе отсмотрели материалы, и он побежал в аппаратную к Медведеву. Приходит, говорит: «Все в порядке, я материал принял». Началась программа «Время». И только прошел материал Медведева, посыпались звонки. Лазуткин брал трубку, я слышал его ответы: «Я виноват, нет, только я. Я смотрел, я принимал, я все видел, я все знал». Первым позвонил Кравченко. У меня создалось впечатление, что сам он не видел. Спросил: «Что вы там натворили, у меня раздалось шесть звонков, говорят, что вы выдали чистый инструктаж, как вести себя, куда идти». После Кравченко позвонили Дзасохов, Шенин и Прокофьев. И что интересно — наутро Прокофьев снова позвонил: «А, пожалуй, я зря вчера ругал вас за этот репортаж, ну и что, вы дали разные мнения». А одновременно начались звонки вплоть до Пуго: каким образом Ленинградское ТВ продолжает вещать? Оказывается, было указание вырубить Ленинград. Кнопку нажали, но ленинградский канал отключился только в Москве, все остальные города, которые его принимали, продолжали его принимать. Лазуткин отвечает по телефону: «Я сейчас позвоню в Ленинград, узнаю». Позвонил на студию, спрашивает: как дела? И ничего больше не передал. Я понял, что он играет свою игру.

О. ТОЧИЛИН:

— Лазуткин сидел черный, по сути, он всю вину взял на себя. А потом говорит нам: видите, как получается. Мы показали самую малость, и то получили нагоняй. А если мы чуть больше дадим, на это место (четкое выражение Лазуткина, я его запомнил) посадят генерала с кусачками. Я могу сказать одно: за программу 19-го мне и сегодня не стыдно. В тех условиях большего было сделать нельзя.

Заявление Председателя Верховного Совета СССР

-2-

УКАЗ

Вице-президента СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127⁷ Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР
Г.И.Янаев

Москва
18.8 1991 г.

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

Валентин ЛАЗУТКИН,
первый заместитель председателя ВГТРК
(Из выступления на собрании коллектива 27 августа):

— Я считаю, что удалось, особенно 19-го, разорвать информационную блокаду. Все увидели, что Ельцин жив, он на свободе, действует, а это значит, что есть надежда. И еще: после этого репортажа к «Белому дому» пошли люди, много людей. Пошел туда и мой сын Сергей.

С. МЕДВЕДЕВ:

— Лазуткин до конца не знал, что будет в моем репортаже, он не видел его полностью смонтированным и озвученным. Но он знал, что будет Ельцин, баррикады, он знал тон репортажа. И он взял на себя решение выдать его в эфир. А Какучая сказал (ведь от него требовали меня уволить, понизить в должности): «Мы тебя спрячем, закроем, уходи в отпуск, чтобы в течение двух-трех недель тебя здесь не было». Я не услышал от них ни слова упрека, хотя другие начальники кричали: «Ты нас предал, ты нас обманул».

О. КАКУЧАЯ:

— На второй день, 20-го, стало ясно, что больше нам этого не позволят, за Лазуткиным стал всюду ходить полковник из КГБ. Он спросил: «Зачем вы за мной ходите?» — «Для вашей безопасности». Этот полковник сидел у нас, вслушивался в разговоры, вглядывался в мониторы. Прессинг ощущался. С утра 20-го Кравченко провел совещание, на котором я даже не смог ничего записать, потому что нечего было записывать: он говорил, что надо все четко выполнять, сейчас такое опасное положение, все какие-то общие слова. Был такой же взвинченный, серый. Недолго все это длилось, мы молча выслушали, встали и ушли. Пытались в тот день дозвониться до Павлова, чтобы он выступил, прояснил ситуацию. Кравченко обещал дозвониться до Лукьянова, но так никого и не нашли.

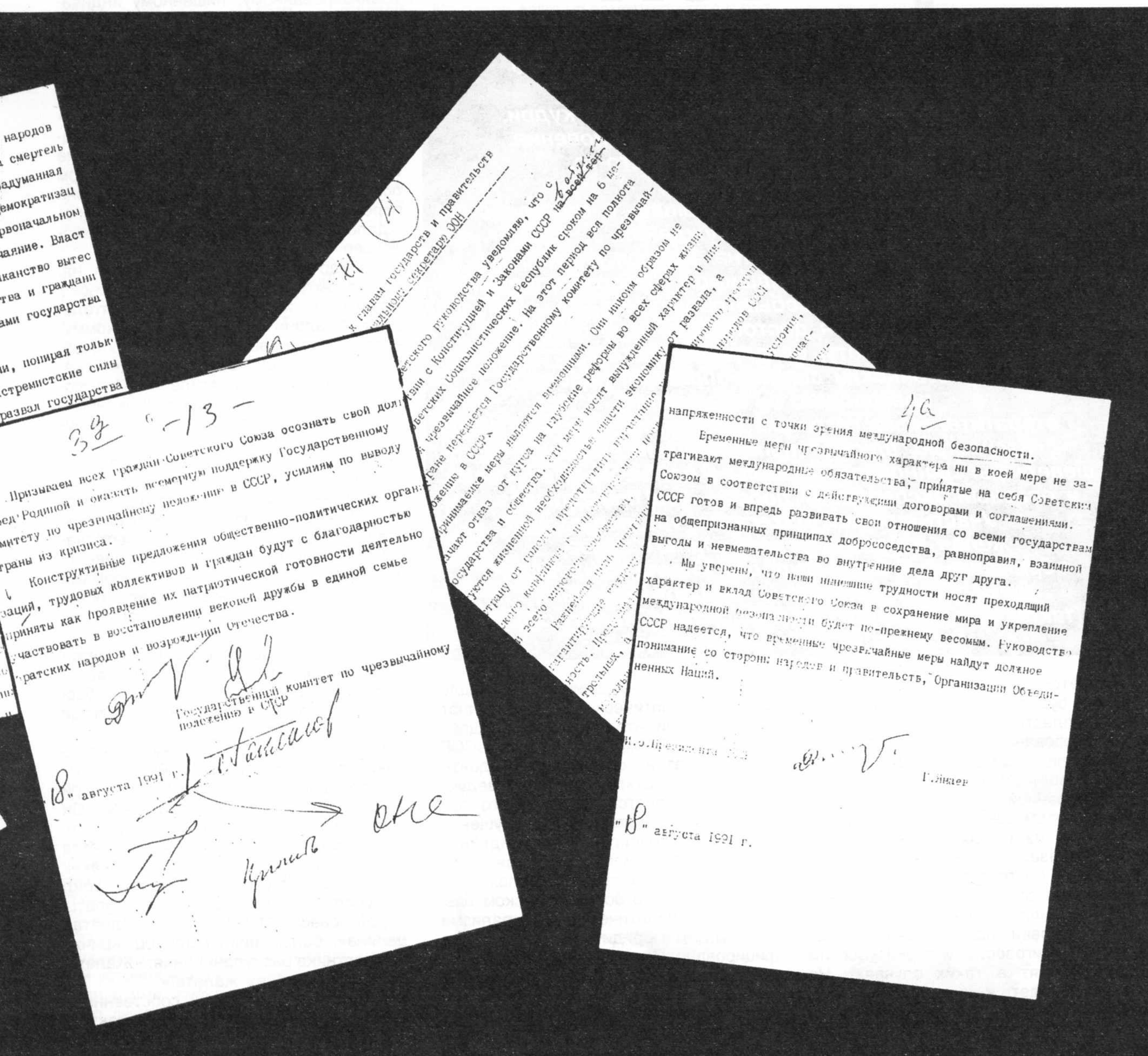
О. ТОЧИЛИН:

— На совещание к Кравченко я опоздал и не пошел. Снова заказали города: Ленинград, Йошкар-Олу, Алма-Ату. Опять просили: снимайте то, что у вас происходит. Единственный корреспондент, который снял и прислал нам материал по собственной инициативе,— Сысоев из Красноярска. От многомиллионного Красноярска говорил один какой-то ветеран: «нужен порядок» и т. д. Мы получили блестящее выступление Назарбаева, из Ленинграда — многотысячный митинг и из Тбилиси материал такого рода: «По ТВ выступил президент Гамсахурдиа, который сказал, что все это происходит в другой стране, нас не касается», и два интервью с резко отрицательной оценкой переворота. В тот день все материалы уже смотрел Кравченко, который распорядился: Назарбаева не давать, Ленинград не давать, интервью из Грузии не давать. Тут прошел слух, что вводится комендантский час. Я послал корреспондента к Калинину. Тот сказал так: «Вы зададите вопрос, остальное я зачту по бумажке». Элин в этот день появился впервые после командировки. По графику должен был вести программу Крутов, но он позвонил и сказал: «Мне как депутату неудобно, я не буду». Время отпускное, никого нет. Медведева отстранили, Стефанову Кравченко поручил сделать комментарий, он ходил черный, что-то рожал, писал. А Элин не отказался, и почему решили, что вести должен он, а не диктор,— непонятно. И вот эти три вещи — Элин, Стефанов и сюжет из Йошкар-Олы — совершенно идиотский — скомпрометировали нас напрочь.

Леонид ЭЛИН,
комментатор программы «Время»:

— Сейчас я понимаю, что категорически должен был отказаться от ведения программы 20-го числа. Но понимаю это сейчас. В тот день, по-видимому, сработал стереотип: если заставляют, значит, надо. Я же профессионал. Не нашлось у меня мужества в тот момент не вести программу. Но я не могу согласиться с тем, что некоторые средства массовой информации называют меня

подонком и «попутчистом». Ни один человек не может осудить другого больше, чем он сам. Я здесь проработал 28 лет, я не чурался никакой работы, да, я виноват и несу моральную ответственность прежде всего перед самим собой. Я принял тогда единственно возможное решение: читать только тассовские материалы, всем своим видом показывая тревогу. И когда приехал генерал Овчинников, я задал ему три вопроса: какие части находятся в столице? Действительно ли некоторые из них не подчиняются командованию? И третий вопрос, самый важный: будет ли штурм госучреждений? То, как он отвечал, вселило в людей еще большую тревогу и сомнения. То, что произошло со мной, могло произойти с любым моим коллегой.

33 -13-

...Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР

"18" августа 1991 г.

4а

напряженности с точки зрения международной безопасности.

Временные меры чрезвычайного характера ни в коей мере не затрагивают международные обязательства, принятые на себя Советским Союзом в соответствии с действующими договорами и соглашениями. СССР готов и впредь развивать свои отношения со всеми государствами на общепризнанных принципах добрососедства, равноправия, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Мы уверены, что наши нынешние трудности носят преходящий характер и вклад Советского Союза в сохранение мира и укрепление международной безопасности будет по-прежнему весомым. Руководство СССР надеется, что временные чрезвычайные меры найдут должное понимание со стороны народов и правительств, Организации Объединенных Наций.

И.о.Президента СССР Г.Янаев

"18" августа 1991 г.

Владимир МОЛЧАНОВ, ведущий программы «До и после полуночи», студия «ТВ-прогресс»:

— Мы в «Белом доме» выходили в тамошний эфир вместе с Сашей Любимовым, Сашей Политковским, вместе с Беллой Курковой. Нам страшно не было, действительно, страшно совершенно не было, хотя в каких-то случаях было неприятно. А этим, видимо, было страшнее, раз они согласились. Вот я себе представляю, если бы я еще работал на ЦТ и меня сюда привозят и говорят: ты идешь в эфир и будешь читать то, что мы тебе дадим. Я бы точно не пошел. Я бы придумал кучу способов этого не сделать: расстройство желудка, плохо с сердцем, я бы сбежал. Вообще, слава Богу, что я отсюда уволился.

Владимир СТЕФАНОВ, политобозреватель программы «Время»:

— В тот день, 20-го, я был в каком-то страшном напряжении. Днем нас с коллегой вызвал Кравченко и сказал, что нужен комментарий, в котором должна прозвучать такая мысль: все члены ГКЧП назначены на свои посты высшими государственными органами. Мы пытались отнекиваться, но Леонид Петрович был непреклонен. И вот в тот момент — я вас очень прошу понять, что я говорю искренне и ни в коем случае не пытаюсь себя защитить,— вдруг меня осенило, я понял, что могу использовать фразу о законности для того, чтобы сказать совсем о другом. Текст я написал на одном дыхании. Моя логика была такова: да, члены ГКЧП, и этого никто не может отрицать, в свое время были назначены на высшие государственные посты высшей законодательной властью. Кому, как не этим органам — съезду, Верховному Совету,— дать оценку тому, что они делают, и таким образом политическим путем разрешить кризис, не доводя до крови. И весь смысл сказанного как раз в этом: ребята, давайте подождем, пока решение там будет принято, Бога ради, только не кровь! В общем, хотите верьте, хотите нет, речь шла об этом. Я писал комментарий 20-го днем, мне потом говорили: что же ты, не знал, что там затевается? Я не знал, лично я не знал.

Кравченко прочитал, сказал, что в принципе все нормально, но у него есть некоторые замечания. У меня было так: «И вот я, гражданин, читаю Указ, и что видят мои глаза: «путчисты, государственные преступники». Ведь это слова Президента республики, избранного народом, слова, обращенные к народу, способные толкнуть на действия, на необдуманные действия». Кравченко сказал: «Слова «Президента республики, избранного народом» надо вычеркнуть и сказать, о ком эти слова, назвать их по должностям». С этим я согласился. Дальше у меня были слова: «Давайте немного переведем дух, давайте успокоимся, задумаемся: кто такие Янаев, Павлов, Пуго и другие? Ведь это люди, законно облеченные властью еще до 19 августа». Он потребовал, чтобы я сказал, кто кем выбран. Ладно. Затем была такая фраза: «Да, у многих — и в стране, и за рубежом — есть вопросы, связанные с исполнением обязанностей Президента СССР и с созданием ГКЧП. Лично меня, например, больше устроило бы обращение комитета, если бы под ним стояла подпись Президента СССР». Он выбросил упоминание Горбачева, и я написал другую фразу: «Лично меня гораздо более устроило бы отсутствие комитета и — главное — необходимости его создания».

На следующий день я на работу поехал специально на метро, хотел услышать какие-то отклики. В переходе останавливает меня мужчина средних лет: «Зачем же вы все это сказали?» — «А что я сказал? Я хотел, чтобы не было крови, ради этого ведь говорил». Он: «Вы это искренне говорили?» — «Да, искренне». Тогда он постоял, так посмотрел на меня и говорит: «Покайтесь». Я отвечаю: «Я не знаю, в чем мне каяться, я не чувствую за собой вины». И мы расстались. А когда я приехал на работу, то увидел: не поняли многие.

О. КАКУЧАЯ:

— Солдаты ушли где-то в полдвенадцатого 21-го, вскоре после начала сессии Верховного Совета России. И 21-го уже все пошло, как обычно. В тот же день Ельцин объявил о снятии Кравченко. Он мне сказал: «Вот видишь, в какой переплет я попал. Из-за восьми подонков теперь будут страдать честные люди». Я не думаю, что он хотел изменить Президенту, просто воспитан в таком духе: всегда по стойке «смирно», всегда «есть, будет сделано». Он служил тому Президенту, служил бы и следующему. Да нас всех так воспитывали. Вот если бы мы были более самостоятельны...

О. ТОЧИЛИН:

— Я в эти дни общался со многими нашими ребятами — и из ТСН, и из международной информации, и с режиссерами. Никаких выступлений, ультиматумов, заявлений «мы не будем работать» я не слышал. Но самое интересное, когда мы начали 21-го транслировать сессию Верховного Совета России, когда Ельцин объявил, что заговорщики ринулись в аэропорт и надо бы их задержать и послать самолет за Михаилом Сергеевичем, когда все уже было ясно,— вот тут, как говорится, черная Африка проснулась...

Процесс пробуждения «черной Африки» я наблюдала больше недели, с 21 по 29 августа, ходя в Останкино как на работу. Сделала несколько часов магнитофонных записей, выслушала десятки исповедей, обличительных речей и покаянных признаний. Я долго думала, как мне прокомментировать то, что вы сейчас прочли. И решила: не буду комментировать, все ясно без комментария. Один коллега с телевидения спросил меня с горечью: «Почему люди пошли защищать «Белый дом», но никто не пришел защищать нас, телецентр?» Я ответила ему: «Наверное, потому, что ничего другого от этого телевидения они и не ждали».

В дни после путча по коридорам телецентра бегали возбужденные сотрудники: писали какие-то воззвания, заявления, против чего-то протестовали, грозили забастовкой, требовали свободы и независимости. Во всех редакциях шли бурные собрания, на которых искали виноватых, находили стрелочников, обижали друг друга, плакали, торжествовали, объявляли бойкоты, предъявляли ультиматумы. Зашевелился «террариум единомышленников» (как метко окрестили себя сами останкинские обитатели).

Почила в бозе верноподданная всем режимам и правителям программа «Время». Жалко оправдывался во «Взгляде» недавний останкинский «президент», судьба которого оказалась в чем-то очень похожей на судьбу того, чью волю он ревностно исполнял девять месяцев. Так же, как от Президента страны, от него уходили лучшие — честные, бескомпромиссные, талантливые. Он не задерживал их, он боялся их, доверяя беспринципным и малодушным, ибо, в сущности, таким был сам.

Сейчас многим его бывшим подчиненным больно и обидно — ведь всех их, чохом, записали в коллаборационисты. Это плата за молчание и равнодушие к судьбе тех, кого гнали, кто пытался протестовать тогда, в самом начале, а не теперь, когда протестовать уже неопасно и даже почетно.

...И все-таки мы увидели настоящее телевидение. Всю вторую часть той жуткой недели, недели длиною в год, мы смотрели хронику путча, запечатленную «взглядовцами» и «молчановцами», блестящей командой Авторского телевидения и журналистами ТСН и московской редакции. Они не ждали, куда повернет ход событий, они добывали технику и снимали, снимали в те страшные дни и ночи. Они спасли честь телевидения. Мы соскучились по ним, и они пришли. Но для этого понадобилась революция.

Многие годы нас вынуждали восхищаться необыкновенной статью и поступью коммунизма. И вот обман обнаружился. Великое королевство лежит в развалинах, подданные — в нищете, придворные, срывая парики, разбегаются кто куда. Нас часто пугают словом «возмездие». Но пугают больше себя, пугаются своей совести. История не знает мести, но она вправе подводить итоги.

Вячеслав КОСТИКОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ КРОШКИ ЦАХЕСА

Почитатели немецкого сказочника Э. Гофмана, конечно же, знают поучительнейшую историю о крошке Цахесе.
Помнят, как лелеял он свои волшебные кудри, как оберегал их от малейшего прикосновения, как приходил в ярость, если кто-то, не подверженный колдовству, осмеливался высказывать в его адрес непозволительные суждения.
Тайна крошки Цахеса известна. Добрая фея Роза, сжалившись над уродцем, родившимся у убогой крестьянки, наделила его особым свойством — перетягивать на себя достоинство окружающих: их таланты, красоту, остроумие, благородство.
Увы, крестьянский сын не оправдал надежд; повзрослев, он сделался отвратительным сатрапом по имени Циннобер.
К счастью, влюбленный смельчак вырвал из шевелюры Циннобера несколько волшебных волосков, и опасный эксперимент доброй феи прекратился.
Участь крошки Цахеса поучительна: желая избежать справедливого гнева, обряженный в бархат уродец спрятался в вазу, где и утонул. Впрочем... в гробу покойник (таково уж свойство добрых сказок) являл собой вполне приличное зрелище...

НО ЕСТЬ, ЕСТЬ ВЫСШИЙ СУД

Почти 60 лет назад русский философ Г. П. Федотов писал: «Почти несомненно, что мир покроется памятниками Ленину. Бесконечно тяжело думать, что ими будет, после периодов реакции, снова и снова осквернена Россия... Значит, конец? Конец нашей тяжбы с большевиками? Процесса, который мы ведем против них перед Россией, перед миром, перед историей? Нет, не конец, а лишь начало. Мы не согласны на памятник большевикам, мы разрушаем его до фундамента. Живые свидетели преступления, мы не примиримся с пятнадцатилетней давностью. От современников мы апеллируем к потомству, разочаровавшись в правосудии Истории, мы идем выше...»

Г. П. Федотов недооценил истории. Конечно, она оказалась медлительнее, чем желалось «свидетелям преступлений». Но сегодня, верша свой суд, она уже взывает к свидетельствам как живых, так и мертвых.

Свой обвинительный акт Г. П. Федотов начал составлять вскоре после революции, как только для свободно мыслящих людей стало ясно, что вместо обещанного нового времени явились «окаянные дни». Впервые «федотовский список» был опубликован за границей в 1933 году. И хотя мы, читавшие и «Архипелаг ГУЛАГ», и многочисленные свидетельства последних лет, могли бы во многом расширить этот документ, в самой его незавершенности и даже в отсутствии «деталей» слышится философское предчувствие Ада:

в России были уничтожены зачатки нарождавшейся демократии;

прервался процесс освобождения крестьянства и хозяйственного роста;

интернациональные задачи взяли верх над национальными;

социалистический эксперимент подорвал экономические силы страны;

была резко снижена производительность народного труда, в деревню была привнесена классовая война;

большевистская система изъятий плодов труда вызвала страшный голод 1921 года;

рабочие стали рабами государства, а жизнь человека была поставлена в зависимость от казенного пайка;

превратив народ в голосующее стадо, большевизм скомпрометировал идею Советов и демократии;

в стране создана атмосфера подхалимства, доносов, предательства;

большевизм развратил русскую интеллигенцию, а потом сделал ее «козлом отпущения» за все свои преступления;

срезан верхний слой культуры и снижен ее уровень;

большевики фальсифицировали науку и убили веру, закрыли тысячи храмов и расстреляли тысячи священников;

уничтожили исторические памятники Москвы, распродали за границу музейные ценности русского народа;

убили искусство тенденциозным реализмом;

своим деспотизмом большевизм сделал врагами малые народы России;

ведя классовую борьбу во всем мире, они изолировали Россию от других народов...

Составляя этот список, Г. Федотов думал о суде. Поняв, что не дождется суда при жизни, он апеллировал к потомству.

И действительно, сегодня становится все больше и больше людей, требующих советского «Нюрнберга». По мере того как будут открываться все новые и новые пласты замурованной истории, такие требования могут усиливаться.

Нужен ли такой суд? И кого судить? Ведь подавляющее большинство актеров разыгранной в России трагедии уже ушли с подмостков сцены. Недавно умер один из самых мрачных «солистов» — Лазарь Каганович. Не берусь обсуждать обстоятельств, «продиктовавших» его захоронение на Новодевичьем кладбище: законы семьи, обычаев, мотивировки наследников не всегда созвучны приговорам истории (Бог им судья, говорят в таких случаях). Но нельзя не видеть и настойчивой символичности такого решения. Покаяние, вероятно, приглашало бы к более скромным погостам. Я противник суда над личностями. Но ведь они действовали в контексте определенной идеологии: она, идеология, диктовала и «доброму Ленину», и «интеллигентному Троцкому», и «честному Свердлову» те кровожадные письма и телеграммы, от которых у нас ныне холодеет кровь.

Ведь, в сущности, и Нюрнбергский процесс был судом прежде всего над нацизмом, и в этом качестве он был продиктован не столько местью, сколько помыслами о нравственном и политическом здоровье нации. Исследователи Нюрнберга справедливо отмечают, что через национальное покаяние суд способствовал и национальному примирению. Зло было названо злом, и в обществе стали восстанавливаться разрушенные фашизмом критерии добра и зла, истины и лжи. Молодежь была спасена от поклонения фальшивым кумирам, а осуждение и роспуск национал-социалистической партии возвратили Германию в сферу европейской демократической традиции.

У нас такого очищения не произошло. Критерии политической морали остаются размытыми, что явственно ощущается в работе Верховного Совета СССР. Ряд депутатов, общественных деятелей, военных откровенно проповедуют идеи большевистско-фашистского толка и при этом не испытывают смущения. Более того, бравируют своим идейным «фундаментализмом». Несмотря на то, что в обществе в целом уже сложилось представление о большевистском опыте как о политическом аморализме, официально и юридически это не квалифицировано. Ряд советских лидеров сегодня ощущают потребность отмежеваться от коммунистической символики и фразеологии. Но интересы общественной морали требуют не только частных поступков и жестов, а четкой юридической квалификации. В ее отсутствие в обществе будет нарастать противостояние между теми, кто считает большевизм злом, и теми, кто продолжает верить в его «всепобеждающую силу».

«Внутреннее преодоление коммунизма», которое Н. Бердяев предрекал еще 50 лет назад, входит в завершающую стадию. Практику большевизма отвергала сама жизнь: теперь отвергается и его теория. Сейчас дебольшевизация обретет внешние организационные формы. Указ Президента РСФСР Б. Ельцина был лишь первым сигналом. После XX съезда КПСС были демонтированы практически все памятники Сталину. Сегодня бронзовое литье других падших демонов свозится в запасники истории, которые лишь русский иронический ум может называть музеем. Ведь, в сущности, если разобраться, эти памятники были поставлены за вопиющие политико-стратегические ошибки, приведшие к деградации страны и нации. История это доказала. Даже в споре с Ю. Мартовым Ленин в историческом итоге оказался не прав.

ЭНЕРГИЯ МОРДОБОЯ

Есть и еще одна, быть может, более важная причина отторжения коммунизма. Его вопиющий аморализм. На эту его характерную черту обращали внимание почти все крупнейшие русские философы. «Имморализм присущ самой душе большевизма»,— писал Г. Федотов.

Большевики извратили саму душу народа, изгнав из нее столь присущее русскому характеру мягкое «женское» начало. Канонизируя Разина и Пугачева, делая из убийц героев, шельмуя интеллигенцию, коммунистическая пропаганда давала «путевку в жизнь» новому, военизированному, лишенному индивидуальных черт типу людей. Советская литература для юношества всегда воспевала мордобой обитателей рабочих слободок против «скаутов». Мордобой стал методом судебного дознания, а матерщина, стук кулаком по столу — стилем партийного руководства. В сущности, драка, как бытовое проявление классовой борьбы, стала символом большевистской тактики, которую они перенесли и в парламент. Все это порождало явные и тайные сонмища «омоновцев».

Г. Федотов обратил внимание и на, может быть, самое пагубное по своим моральным последствиям обстоятельство — палачи России стали ее коммунистическими воспитателями. Ущерб, нанесенный этой «школой», будет сказываться многие десятилетия. Преодолев коммунизм политически и экономически, мы еще долго будем выдавливать его из своего сердца и души. Ибо он поселился там в виде самых опасных ложных мифов. Многие нравственные понятия — чести, достоинства, благородства, неприятия лжи, нестяжательства — были почти полностью вытеснены из жизни и заменены фальшивыми и обязательными для всех «нормами любви» к партии, вождям, идеям, псевдопрогрессу, интернационализму, «к тоннам чугуна и стали».

Большевики осквернили мощи великого русского святого Серафима Саровского и вопреки всем земным и небесным канонам навязали народу мощи авантюристов.

В романе Ф. Гладкова «Энергия» есть показательный эпизод: обнаруживается, что герой убил во время гражданской войны отца своей возлюбленной. Он испытывает неловкость, не знает, как себя держать. Но советская Джульетта (плод новой закалки) не видит никаких оснований для угрызения совести: убил так убил, герои так и должны поступать. Герой повести М. Шолохова «Поднятая целина», большевик-путиловец, кричит на участника раскулачивания: «Жалеть, как ты смеешь их жалеть!»

Отсутствие жалости к собственному народу, к человеку вообще — характерная черта деятеля советского типа. Трагедия России в том, что нечаевская, а впоследствии ленинская мораль не ограничилась отравлением большевистской верхушки. Из Смольного и Кремля она расползлась по всей стране. Педагогическая наука уже давно знает, что тюрьма не перевоспитывает, а коверкает человека. Но ведь тюрьмой на протяжении 70 лет была вся страна. Легко уничтожить ГУЛАГ, но безумно трудно превратить государство-тюрьму в цивилизованное общество.

Опыт погружения в ад не прошел бесследно ни для земли, ни для народа. Народ ослеплен невежеством и злобой. Ярость, с которой многие наши депутаты «из народа» защищают уже очевидно фальшивые идеи, даже после уроков путча, показывает, что народ в значительной мере утратил одну из первых черт здоровья — способность отличать правду от лжи, краснеть при слове неправды. Вспомним, с какой «святой» невинностью нам лгал недавно милый человек Н. Рыжков по поводу привилегий. Лгал и не краснел, а будучи ули-

ченным, не раскаялся. Вот ведь что страшно. В таких поступках и проявляется наследие большевизма.

Вот почему сегодня, когда общество жаждет очищения, так важно с четких моральных, исторических и юридических позиций сказать всей стране, что большевизм — это всеохватывающее, многоликое зло, как это было сказано в отношении фашизма в Нюрнберге. Если этого не сделать, то определенные группы населения будут по-прежнему полагать, что, творя зло, они совершают благо. В зависимости от тех оценок, которые дает общество безнравственным поступкам, невежество может быть пассивным либо воинствующим. В нашем парламенте никогда не могли бы существовать и даже срывать аплодисменты воинствующие и неврастеничные хрипуны, в погонах и без погон, если бы идеология, из которой вырастают их сапоги и мысли, с самого начала перестройки получила бы точную оценку.

СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ

Если бы, согласно фантастической идее Н. Ф. Федорова о «воскресении отцов», все невинно убитые и замученные за годы советской власти «русские мальчики» встали бы из мертвых и назвали бы своих губителей, это был бы самый страшный и самый длинный список убийц, объединенных одной идеологией. Вероятно, бессмысленно заниматься классификацией этой «плеяды». Преступник № 1, № 2 и т. д. К тому же гнусность преступления далеко не всегда определяется количеством убитых или числом отданных приказов — «расправиться беспощадно», расстрелять, залить «черемухой». Приказы об убийствах часто только «подразумевались», нередко порождая сладкие легенды о гуманизме того или иного вождя. Одна из таких легенд связана с историей покушения Каплан на Ленина. Большевистская пропаганда культивировала легенду о том, как «добрый Ленин» приказал отпустить злую террористку. Только сравнительно недавно с выходом книги С. П. Мельгунова «Красный террор» стало известно, что в отместку за покушение на Ленина было расстреляно более 300 человек, а по другим данным — около 500. В «Еженедельнике Ч. К.» (№ 6) признается, впрочем, лишь 90 убийств за «товарища Ленина».

У меня нет уверенности, что сам Ленин отдавал какой-либо приказ в этом смысле или косвенно способствовал этому кровожадному возмездию. Вождям и не нужно было никого убивать. Вместо них «трудилась» идеология. По мере того как она становилась господствующей, она действовала уже помимо воли вождей, а тем более рядовых исполнителей. Известны случаи, когда рядовые палачи не выдерживали идейной установки на сверхжестокость, сходили с ума, пускали себе пулю в лоб либо делались параноическими маньяками. В конце концов именно идеология привела к тому, что большинство творцов революции стали ее жертвами. Большевизм как идеология оказался солнцем мертвых.

Писатель Иван Шмелев в своем недавно изданном у нас романе «Солнце мертвых» дает описание страшного разорения в Крыму, захваченном красными. Речь идет не столько о десятках тысяч убитых, сколько о поругании земли и жизни. При этом поражает какая-то иррациональность, бессмысленность разрушений: вырубаются сады, избивается скот, с земли изгоняются те именно люди, которые делали ее цветущей. И на их месте, как чертополох, разрастается всякая нечисть. Дальше вина, жратвы, похоти фантазия новых властителей не идет...

Характерно то, что все эти новые комиссары, уполномоченные, делегаты мнят себя готовыми идеологами. С такой же страстью, с какой они глушат самогон, они предаются морализаторству.

«Солнце мертвых» — один из первых неподцензурных романов о советской власти, написанных пером крупного мастера. Роман писался в эмиграции и вышел в Париже в 1926 году. Сила романа не только в жесткой честности реализма, но, может быть, в большей степени в том, что И. Шмелев одним из первых распознал суть идеологии вообще и большевистской идеологии в частности. Большевизм — страшное сужение человека, отрицание не только его психической и психологической природы, но и вообще природы вещей.

ОСАДА ЧЕЛОВЕКА

В одном из своих эссе Дж. Оруэлл описывает такой эпизод. Однажды во время чаепития прилетевшая оса принялась лакомиться из блюдечка джемом. Он ножом разрубил ее пополам. Но пчела даже не заметила этого и продолжала пировать; сладкая струйка сочилась из ее рассеченного брюшка. И только когда она собралась взлететь, ей стал понятен весь ужас ее положения...

Нечто подобное большевики произвели и с российским обществом. Насадив идеологию, они умертвили все остальные функции некогда сильного организма. Национализировав банки, торговлю, они выпустили живую кровь экономики. Как правило, все чрезмерности коллективизации и национализации у нас приписывают Сталину, забывая о том, что идеологическая установка на тотальный грабеж была дана сразу после захвата власти. В Музее Революции на одном из стендов экспонируется мандат, выданный 14 декабря 1918 года Нижегородским Советом. «Предъявитель сего тов. Малов делегируется на заседание Губпродколлегии по вопросу о национализации галантерейной промышленности и шляпного дела».

Я долго не мог понять смысла этой странной на первый взгляд поспешности. В стране еще идет гражданская война. Не решены главные вопросы революции. Сама власть большевиков еще держится на волоске. И вдруг атака на соломенные шляпки, гонение на белошвеек. Они-то чем мешали советской власти?

Оказывается, мешали.

Мешали... идеологически. Их мелкий товарец, их присутствие на улицах, их мастерские, вывески создавали ту естественную атмосферу городской жизни, которой нам сегодня так не хватает. Они были неотъемлемой частью веками складывающегося из миллионов клеток живого организма экономики.

В книге В. Ходасевича о Державине есть удивительная по глубине фраза, которую было бы полезно время от времени повторять нашим пекущимся об экономическом пуританизме депутатам. Екатерина, замечает Ходасевич, «созидала мощь государства из человеческих слабостей». Я далек от того, чтобы поэтизировать характерные, нередко экстравагантные методы «материального стимулирования», к которым прибегала императрица. Речь идет о понимании того, что нельзя исключать человеческую природу из экономики. Большевики целенаправленно добивались именно этого. Дух правды, земли, здравого смысла, «человеческих слабостей» совершенно чужд этой идеологии. К сожалению, население только теперь, да и то очень медленно, начинает понимать всю противоестественность этого мировоззрения. Как жаль, что до нас не доходил раньше предостерегающий голос русских мыслителей! Г. Федотов писал в «Современных записках» в 1935 году: «Есть целые миросозерцания, которые просто несовместимы с духом земли, как с духом красоты вообще. Марксизм есть именно одно из таких миросозерцаний. Он не выносит пейзажа, как ночные привидения — пения петухов. Всякое органическое начало жизни ему противно».

В сущности, все семьдесят с лишним лет господства большевистской идеологии в России были осадой природы, осадой человека. Беда в том, что мы настолько примирились с тяготами жизни, что часто не осознаем ни убогости, ни унизительности своего существования в этом антимире. Прав Генрих Бёлль, когда, побывав в СССР, заметил: «Жизнь на Западе трудна, а у вас невозможна».

СИМУЛЯЦИЯ ИСТОРИИ

Печально известная фраза: «Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса — Ленина — Сталина» — принадлежит, к сожалению, А. М. Горькому. Сужая жизнь до своих схем, большевики довели ее до театра абсурда.

Прочитайте диалог из стенограммы суда над Зиновьевым и Каменевым.

Вышинский: Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии? Обман?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже.

Вышинский: Хуже обмана, хуже вероломства,— найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли.

Процесс над Каменевым и Зиновьевым, безусловно, нуждается в анализе психоаналитиков, ибо причины самообвинений на процессах, поставленных в 1936—1938 годах Вышинским, пока не нашли исчерпывающего объяснения. Напомним, что процессы были открытыми, и люди, обреченные на смерть, могли бы сказать правду. А между тем между обвинителем Вышинским и обвиняемыми идет чуть ли не соревнование в яростности бичевания.

Что же вынуждало этих людей, прошедших школу подполья, подвергать себя политическому мазохизму? Не претендуя на последнее слово, выскажу одну догадку. И обвиняемые, и обвинители находились в состоянии идеологического психоза. Ко времени судебного процесса эти люди уже более двух десятилетий жили в атмосфере постоянной идеологической экзальтации.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Сформировавшись до революции за границей, они и после Октября продолжали жить в отрыве от реалий экономического и нравственного бытия. Выросшие в иллюзорном мире, воспитанные в иллюзорном состоянии, они и иллюзорный процесс воспринимали как нечто реальное, а свою вину — как вполне возможную. Повсюду мнились классовые враги, а отступление от идеологии виделось как тягчайшее преступление. Почему бы не заподозрить самих себя в тайном грехе и не признаться в нем?

Попытка адаптации истории большевиками к нуждам «момента» привела к ее вопиющей профанации и упрощению. И это касалось не только истории, но и экономики, социальных проблем, любви, морали, судопроизводства. Упростителями были все большевистские лидеры. Гениальным упростителем был Ленин. На это обращали внимание и Г. В. Плеханов, и Валентинов в своих «Встречах с Лениным». После революции происходит настоящая сакрализация примитивного. Вспомним «лампочку Ильича», из которой сделали настоящую большевистскую лампаду, трактор при коллективизации, винтовку в период революции и, наконец, венец упрощенчества — «простого советского человека». Самые прославленные большевистско-ленинские формулы типа «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» при малейшей попытке анализа оказываются либо банальностью, либо абракадаброй.

Взывая в своей политике к самым простым и низменным инстинктам человека, большевики терпеть не могли интеллигентности, сложности, противоречивости человеческой натуры. Примитивизировав человека, они с этими же мерками приступили к истории. «Математически-безошибочное счастье» (выражение Е. Замятина), которым они хотели наделить каждого члена «единого государства», требовало и безошибочной истории. Устранялось все, что, по мысли большевиков, могло бы задержать железные батальоны трудящихся на пути к коммунизму. От колокольного звона, который «мешал трудящимся повышать производительность труда», до традиционных имен, которые связывали людей с историей христианства. В загсах вывешивались списки рекомендованных для детей пролетариев имен: Индустрия, Октябрина, Идея, Коммуна, Стяг, Червонец, Текстиль. В одной из командировок по стране мне встретилась жертва тех времен — престарелая советская «дездемона» по имени Даздраперма: сокращение от «Да здравствует Первое мая!». Известная работа Н. Бухарина не случайно получила название «Азбука коммунизма». Для уроков упрощения нужны были свои буквари и свои «краткие курсы». Зарождается, если воспользоваться выражением Троцкого, «сталинская школа фальсификации».

Истории отводится роль фона для деяний коммунистической партии и ее гениальных вождей. Шалаш в Разливе затмевает и дворцы, и хижины. Броневик символизирует собой движущие силы. Выстрел «Авроры» — гул истории. Поездка Сталина в Царицын «за хлебом» превращается в подвиг по спасению страны от голода. Если бы путч Янаева — Крючкова удался, его непременно объявили бы «спасительной миссией патриотов». Но сам великий голод 1921 года, уличавший большевиков в разорении хлебной страны, вскоре вовсе изымается из истории. Волны крестьянских восстаний против грабежа деревни объявляются кулацкими происками, попытка матросов Кронштадта ввести советы без большевиков становится мятежом. Массовое использование рабского труда — школой трудового воспитания. Введение золотого червонца преподносится как апофеоз гениально задуманного нэпа, но при этом умалчивается, что в золотые червонцы были «перелиты» богатства, изъятые у русской церкви в 1921—1922 годах.

Сами большевики не были способны творить ни экономическое чудо, ни новую историю. Но, чтобы убедить себя и народ в том, что история продолжается, необходимо было постоянно создавать звуковую и идеологическую имитацию шагов истории. Если вглядеться во все бесчисленные программы, планы, штурмы, удары, линии, фронты, затевавшиеся на протяжении 70 лет, начиная с плана ГОЭЛРО и кончая Продовольственной программой (особенно если прикинуть их конечные результаты), то станет совершенно очевидным, что все это было лишь **симуляцией истории.**

Единственным реальным историческим событием советского периода была великая война, но к ней большевики не имеют никакого отношения. Они лишь интерпретировали ее в свою пользу, пытаясь подвиг народа выдать за подвиг КПСС. «Десять сталинских ударов», вписанные фальсификаторами в историю войны, имеют такое же отношение к законам истории, как сталинские пятилетки к законам экономики. Недаром очередной период советской истории всякий раз отменялся, как только умирал очередной вождь.

СВЕТ РАЗУМА

С открытием гласности мы достаточно быстро научились персонифицировать зло и, как гимназисты, впервые попавшие на урок истории, с увлечением повторяем имена главных злодеев XX века: Гитлер, Сталин, Муссолини. Список, впрочем, еще не закрыт...

В последние годы мы сумели расширить представление о зле и уже понимаем, что в тени больших чудовищ всегда роятся сонмища мелких бесов — тех самых состоящих при власти обывателей и идеологов, которые питают себя и других эрзацами историй, философии, культуры: вышинские, берии, власики, ждановы, сусловы, кагановичи... А теперь мы можем добавить и — янаевы. И вот уже книжные лотки в наших городах завалены более или менее лихо, а иногда даже талантливо сочиненной псевдоисторической беллетристикой с ее «тайными советниками вождей», с адъютантами, кухарками, массажистами, телохранителями и шоферами, обслуживавшими тело и дух вождей.

Все эти сонмища больших и мелких бесов нередко затмевают главное — то, что объединяет и Гитлера, и Сталина, и Ленина, и Мао Цзедуна, и то, что мрачными декорациями нависает над драмами всего столетия.

В своих дневниках д-р Геббельс приводит любопытную деталь относительно лингвистических привязанностей Гитлера. Любимым словом фюрера было слово «мировоззрение». Для коммунистических вождей таким словом стало «идеология». Что, в сущности, одно и то же.

Руки зла смыкаются не на небе, а на земле. Идеология все яснее предстает нам как очищенное от всяких привкусов личности, абсолютное зло XX века. Во всех странах, где в XX веке торжествовало или еще торжествует зло и насилие, оно вначале входило в общество в абстрактной форме идеологии и лишь затем обращалось в насилие и кровь. Большевизм наряду с национал-социализмом был попыткой интеллектуального оформления зла. И фашизм, и большевизм воспользовались идеологией для подавления разума. Идеология — единственный храм, который построили большевики за все годы господства над Россией. Теперь мы ясно видим, что этот храм «на крови» пуст. В его темных приделах еще кликушествуют и шуршат потертым бархатом партийные крошки цахесы. Но свет разума, возвращающегося в Россию, уже лишает их силы. XX век был веком классов, веком ненависти, веком идеологий. Колдовство развеивается. Империя зла рушится на наших глазах. Возникает надежда, что XXI век будет веком людей, веком разума.

«Традиция вбирает в себя все»

...Все художники Германии мечтают жить в Мюнхене — городе, где любят и ценят искусство. Живописцу Петеру Шермули повезло — он здесь живет. Каждое утро садится к мольберту. Встречи с друзьями, литературные дебаты, обсуждение телевизионных сценариев, работу над книгой, даже посещение врача он переносит на вечер. В любимую Старую пинакотеку ходит только по четвергам, когда музей открыт допоздна. Художник дорожит дневным светом. В его роскошной мастерской начала века с огромными окнами, выходящими на север, все залито светом, цвет усиливается до сверкающей четкости. И такие же четко освещенные и яркие предметы на его полотнах. Возникает даже жутковатое впечатление оживания мертвой натуры. Подобного эффекта сознательно добивались сюрреалисты.

— Интересно, было ли в вашей почти полувековой карьере увлечение сюрреализмом?

— Нет, но были контакты с другими «измами» — кубизмом, орфизмом, дадаизмом через общение с приверженцами этих течений.

— С кем, например?

— Кубист Фернан Леже помог мне получить художественное образование в Париже. Правда, не в его мастерской, а в Школе изящных искусств, на отделении фресковой живописи. Основатель орфизма Соня Делоне, несмотря на разницу в возрасте, была очень дружна со мной. Она открыла мне двери мастерских парижских авангардистов в 50-е годы. Были общение и длительная переписка с основателем дадаизма Гансом Арпом. Я, кстати, сам до сих пор пишу и публикую дадаистские стихи.

— Авангард в поэзии и традиционализм в живописи? Нет ли тут противоречия?

— Они прекрасно дополняют друг друга. Можно даже сказать, что дадаистская поэзия подвела меня к реализму. До встречи с Арпом в 1954 году я почти десять лет занимался абстрактной живописью. Под влиянием его стихов я вдруг перестал ощущать каноническую границу между абстрактным и реалистическим. Ведь если пристально вглядываться в хорошо знакомый предмет, вслушиваться в хорошо знакомое слово — появляются странные образы. Вы замечали? А в дадаистской поэзии слова как бы пускают новые побеги, на них распускаются невиданные цветы новых значений.

— Судя по вашим картинам, вы вглядываетесь не только в натуру, но и в полотна предшественников. Ваши большие «ню» заставляют вспомнить Энгра, Курбе...

— Ренуар любил говорить: «Мой учитель — Лувр». И я люблю повторять это. В Париже я не только посещал мансарды авангардистов, я часами пропадал в Лувре. Многие живописцы стремились передать нежную трепетность и налитую упругость плоти. А теперь я пытаюсь решить эту трудную задачу.

— Каково ваше отношение к традиции в искусстве?

— Я давно понял, что искусство не может опираться только на отрицание. Новизна может быть бесплодной и опустошающей. Лет 10 назад я сделал документальный фильм для телевидения. Он назывался «Тициан Рубенса». Кажется, мне удалось показать, как от почти неотличимых копий с произведений Тициана Рубенс идет к своим вершинам, своим открытиям. К великим я отношу не только старых мастеров. В этом фильме я анализировал и творчество Пикассо, Хуана Миро. Фильм собрал большую аудиторию в Западной Европе и Америке.

— Во многих ваших натюрмортах видны явные черты наивного искусства. Вы ставите вазу с цветами или корзину с фруктами в центр полотна, как начинающий художник или деревенский фотограф. Не странно ли это для столь искушенного мастера и эрудита?

— Знаете, трудно не поддаться соблазну. Ведь наивность — это свобода. В XX веке искусство примитива питало высокое искусство. А в частной судьбе художника элементы такого искусства могут раскрепостить творческую личность.

— В вашей художественной жизни схватки авангарда и традиционализма еще весьма жаркие. Позиции сторон порой так непримиримы...

— Строго говоря, традиция вбирает в себя все, даже авангард.

— Скажите, упрекает ли вас критика в склонности к салонному искусству, к натурализму, других смертных грехах?

— А я не читаю критику. Я лучше послушаю сонату Шумана или выпью бокал хорошего вина.

Елена БЕСПАЛОВА

ОГОНЁК

МАСТЕРСКАЯ

Петер ШЕРМУЛИ

НАТЮРМОРТ С ХЛЕБОМ. 1985.

В Москве в Центральном Доме художника открылась выставка произведений немецкого живописца Петера Шермули. Все как в доброе старое время — портреты, натюрморты, обнаженная натура. Никаких тебе инсталляций и артефактов. Восемьдесят полотен, отобранных экспертами Союза художников для показа в СССР, характеризуют последние десять лет работы. Трудно поверить, что три четверти своей творческой жизни Шермули отдал абстрактному искусству.

ОБНАЖЕННАЯ СО СПИНЫ. 1985–1986.

ПОРТРЕТ М. МАК. 1982–1989.

ОГОНЁК

ГУМИЛЁВ

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «вставай!»
1916.

Плакат Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПУЛИ АВГУСТА

Уже вторая неделя сентября на исходе, но август все не уходит из нашей жизни, он остался отпечатками августовских гусениц на асфальте, этот август будет еще долго стоять у нас за плечами, пробитый пулей отечественного производства.

Семьдесят лет стоит за плечами русской поэзии Август, роковой кровавый месяц, пробитый пулей,— ровно 70 лет назад, в августе 1921-го, расстреляли Николая Гумилева. В начале августа арестовали, а 25-го, 26-го или 27-го (точная дата неизвестна) поэт был расстрелян.

Николай Гумилев стал первым, с которого начался счет поэтов, убитых Советской властью,— за ним следуют тени Осипа Мандельштама (соратника его по акмеизму), Павла Васильева, Т. Табидзе, Д. Андреева, Б. Корнилова...

«Темен жребий русского поэта»,— писал потрясенный гибелью Блока и Гумилева М. Волошин, художник и поэт, который ранее не стал стрелять в Гумилева во время их дуэли. И, кто знает, может быть, страна наша до сих пор расплачивается за этот грех, за уничтожение интеллигенции, духовного генофонда нации, и все наши несчастья, может быть,— возмездие за убиенных.

Но Святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Две пули летели в него. Одна, чужая, немецкая, свернула, обошла поэта. Другая, родная, нашла. В стихотворении «Рабочий» поэт, предчувствуя, вздохнул по своему губителю, христиански простил его, как, наверное, простил и сынка этого рабочего, метко вбившего в него пулю.

Петербуржец и парнасец, Гумилев был поэтом Культуры. Волевой, зрительный, выпуклый, нарочито монотонный, умелый гумилевский стих принадлежит к петербуржской школе поэзии. Она отлична от московской, стихийно духовной, орнаментальной школы. Духовная плотскость, классичность пропорций, прохлада пластики роднят его с городом Растрелли и Камерона. Свет белой ночи, спрессованный в мраморные колонны,— вот его стиль. Еще Брюсов почувствовал «нарисованные образы» у Гумилева, «где больше дано глазу, чем слуху». И когда ныне граждане града на Неве проголосовали за возрождение Санкт-Петербурга, они проголосовали за воскрешение петербуржской культуры. Продолжается она не только ее прямыми наследниками.

Голос поэта из общей могилы, поэта, не погребенного по-христиански, звучал во многих поздних стихах, даже у московитян:

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Эти строки С. Есенина — очарованное эхо гумилевских строк:

«Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно мерцающем взоре?»
— «Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем».

Е. Винокуров, эрудит и поэт военной судьбы, когда-то обратил мое внимание на то, что самая знаменитая строка минувшей войны, симоновское «Жди меня и я вернусь» — рефрен, который полстраны молитвенно шептало в окопах, а вторая половина, словно экстрасенсы, пыталась силой внушения остановить смертельный полет пули — так вот эта строка, оказывается, перефразировала гумилевское:

Жди меня. Я не вернусь.

«Пожалуй, у Гумилева это сказано сильнее»,— резюмировал Винокуров.

Помню свое волнение от прочтения первой гумилевской строфы. Я был в девятом классе. По веяниям тех лет в нашу школу стали захаживать профессор и аспирант с филфака МГУ, чтобы вербовать абитуриентов. «Что там твой Пастернак — ты Гумилева почитай»,— высокомерно сказал мне аспирант и дал на ночь запретную брошюрку «Огненный столп», где на мелованной бумаге мерцали, как промытый жемчуг, слова. Меня, воспитанника трамвайных подножек, поразила и унесла траектория «Заблудившегося трамвая». Любви к Пастернаку это не поколебало, но, наверное, я учился классичности формы у мэтра акмеизма. Вообще Гумилев, кстати, как и Лермонтов, особо любим в подростковом возрасте.

Ныне, слава Богу, Гумилев переиздан у нас, но мы должны поклониться тем, кто сохранил Слово его,— и прежде всего покойному Г. П. Струве, издавшему в Вашингтоне четырехтомник поэта, подобного которому при всей нашей гласности и кооперативности нет до сих пор у нас. Мне довелось видеть Г. П. Струве в годы, когда тот готовил III том собрания, приходилось бывать и читать у него в Беркли; помню, теперь уже благоговейно, платиновую бородку этого российского интеллигента, хранителя культуры.

Журнал сегодня печатает несколько страничек воспоминаний Срезневской из опубликованных в «Вестнике Христианского движения». Они повествуют о нескладном гимназисте, о его первой любви к А. Ахматовой, близкой подругой которой была автор. И этого гимназиста, а не только офицера и председателя Петербуржского союза поэтов, которому восторженно пожимали руку М. Ларионов и Блюмкин,— и этого мальчика из воспоминаний — убила рабочая пуля...

Довелось встречаться и с его сыном, имя которому поэт, как Адам из ребра, произвел из последнего слога своей фамилии — «Лев». Я когда-то привозил Льву Николаевичу посылку из-за рубежа и заслушался его беседой о Востоке, весь вечер тайком вглядываясь в лицо ученого, надеясь найти черты отца.

А вот несколько солдафонское воспоминание-рапорт штабс-капитана В. А. Карамзина, который был сослуживцем поэта по 5-му Александрийскому гусарскому полку в 1916 году.

«На обширном балконе меня встретил совсем мне не знакомый по полку офицер и тотчас же мне явился. «Прапорщик Гумилев»,— услышал я среди других слов явки и понял, с кем имею дело. Командир полка был занят, и мне пришлось ждать, пока он освободится. Я присел на балконе и стал наблюдать за прохаживавшимся по балкону Гумилевым. Должен сказать, что уродлив он был очень. Лицо как бы отекшее, с сливообразным носом и довольно резкими морщинами под глазами. Фигура тоже очень невыигрышная: свислые плечи, очень низкая талия, малый рост и особенно короткие ноги. При этом вся фигура его выражала чувство собственного достоинства.

Я начал с ним разговор и быстро перевел его на поэзию, в которой, кстати сказать, я мало что понимал.

— А вот скажите, пожалуйста, правда ли это или мне так кажется, что наше время бедно значительными поэтами? — начал я.— Вот если мы будем говорить военным языком, то мне кажется, что «генералов» среди теперешних поэтов нет.

— Ну, нет, почему так? — заговорил с расстановкой Гумилев.— Блок вполне «генерал-майора» вытянет.

— Ну а Бальмонт в каких чинах, по-вашему, будет?

— Ради его больших трудов ему «штабс-капитана» дать можно.

— Мне думается, что лучшие поэты перекомбинировали уже все возможные рифмы,— сказал я,— и остальным приходится повторять старые комбинации.

— Да, обычно это так, но бывает и теперь открытие новых рифм, хотя и очень редко. Вот и мне удалось найти шесть новых рифм, прежде ни у кого не встречавшихся...»

Бог с ним, с портретом, писанным армейской кистью, мое сердце доверяет больше душевному карандашу Срезневской. Да и как доверять точности мемуаристов, когда один свидетельствует о «малом росте и коротких ногах», другая, наоборот, о высоком росте и длинноногой хорошей фигуре? Но интересно другое: вот каков был уровень бесед императорского офицерского корпуса — образованной среды, выделившей из себя К. Р. и Скрябина. Шла беседа отнюдь не на уровне «е-твою мать, бляха-муха» — отечественные офицеры беседовали о рифмах Блока и Бальмонта. «В описываемый период поэтическим экстазом были заражены не только некоторые офицеры, но и гусары»,— вспоминает другой сослуживец поэта, полковник С. А. Топоров.

И какое четкое достоинство в самооценке мастера: «Шесть новых рифм». В погоне за ними, за шестеркой этих рифм, он носился и в Абиссинию, и на Двинский фронт.

Не пустыми молитвами оправдывает человек свою жизнь на земле. На земном пути своем он должен сам найти хотя бы несколько духовных зерен — шесть рифм, или хотя бы две метафоры, или хотя бы один добрый поступок. Человек должен сотворить свой духов-

ный мир — по образу и подобию Божию.

А как перекликаются слова мастера со строкой антипода его о «десятке новых рифм, оставшихся в Венесуэле»! Многие ли сегодняшние литераторы, путешествующие в Венесуэлу и Париж, смогут похвастаться хотя бы парочкой свежих рифм?

А вот выписка с первой страницы записной книжки поэта-офицера: «Купить в Париже: 1) Аристотель: Поэтика. 2) Честертон: Napoleon de Notling Hill. 3) Антология экз. поэтов: китайских, малийских, персидских. 4) Стихи (ант. изд.). 5) Her reus st Dein Les poésies de Than».

Похожи ли на этот список памятные списки зарубежных покупок наших литераторов?

В завещании своем, набросках неоконченной книги «Теория интегральной поэтики» поэт писал: «композиция лирики: при двух данных непременно третье — личность поэта».

В хрустальных строфах его вмерзла личность поэта и офицера.

Шесть рифм.

Два Георгия.

Одна пуля. (Или две?)

В гибельные и непредсказуемые наши дни мужественные уроки Гумилева дают нам куда больше, чем многословные советы политологов. Вот строки из его поэтического завещания «Мои читатели», написанного в год смерти:

... когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо...

... А когда придет их последний час...
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда...

Страшновато начинать новую рубрику «Видеомы» с судьбы убиенного поэта. Кроме того, читатель должен помнить, что производственный полиграфический цикл журнала, публикация цветной вкладки со слайда требуют минимум месяц сроку. Так что, слава Богу, в рубрике этой исключена злободневность. Так что побеседуем с Вечностью со страниц нашего еженедельника.

На прошлые видеомы уже пришли отклики. Приведу отрицательный. В. Дегтярев из Красноярска не доволен, что С. Прокофьев подписывался одними согласными — «СПРКФВ». «Это модернизм»,— ратует за традиции В. Дегтярев. Посоветую господину Дегтяреву почитать старые славянские церковные книги, далекие от модернизма, там всегда опускались гласные. Бог обозначался буквами — «Бг», Богоматерь — «Бгмт». Так что извиним их, пусть подписываются, как им хочется,— «Бг» или «СПРКФВ».

Попробую пояснить и сегодняшнюю видеому. Пришлось расположить ее в двух проекциях. Жаль, что страницы «Огонька» еще не светятся. Думаю, в будущем листы книг будут освещаться. Ибо смысл нашего изображения в том, что белый лист, пробитый пулевыми отверстиями, вдруг озаряется сзади — проступает Имя убиенного поэта. И пророческое «ё». В этой видеоме обычно я применяю мигающий свет — имя то исчезает, то снова проступает.

Год назад, будучи с Ю. Щекочихиным в Луганске, мне довелось увидеть ров под городом, ныне разрытый, куда сталкивали жертв НКВД. Людей расстреливали в упор в затылок из мелкокалиберок, экономя боевые патроны.

Я держал в руках череп мальчика с двумя дырочками в затылке. В него выстрелили дважды — для страховки или из гуманных соображений, чтобы не мучился.

Эти две дырки долго не давали мне спать.

Сейчас они глядят над фамилией Гумилева — первого поэта, застреленного Советской властью.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. С. СРЕЗНЕВСКОЙ

...С «Колей Гумилевым», тогда еще гимназистом VII кл., Аня познакомилась в 1902 г. под Рождество.

Был чудный солнечный день. Около Гостиного двора мы встретились с «мальчиками Гумилевыми», Митей — старшим, тогда морским кадетом, и Колей — гимназистом. Аня ничуть не была заинтересована этой встречей, я тем менее, потому что с Митей мне всегда было скучно, он не имел никаких достоинств в моих глазах. Но, очевидно, не так отнесся Николай Степанович к этой встрече.

Я часто, возвращаясь из гимназии, видела, как он маячил вдали в ожидании появления Ани.

Он постарался познакомиться с Аниным старшим братом Андреем, постарался проникнуть в их довольно замкнутый дом.

Ане он не нравился — вероятно, оттого, что в этом возрасте девочки мечтают о разочарованных молодых людях старше 25 лет, познавших уже много запретных плодов и пресытившихся их пряным вкусом.

Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами. Он много читал, любил французских символистов, хотя не очень свободно владел французским языком, однако вполне достаточно, чтобы читать, не нуждаясь в переводе. Он был высок ростом, худощав, с очень красивыми руками, несколько длинным бледным лицом, без особых примет,— я бы сказала, не очень заметный, но не лишенный элегантности наружности,— блондин, заметный, каких у нас на севере можно часто встретить. Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую военную школу, он сделался лихим наездником, обучавшим молодых солдат, храбрым офицером (он имел два Георгия за храбрость), подтянулся и благодаря своей очень хорошей длинноногой фигуре и широким плечам был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире.

А улыбка и несколько насмешливый, но милый и недерзкий взгляд больших, несколько пристальных, чуть косящих глаз просто могли понравиться и нравились многим и многим.

Говорил он чуть нараспев, нетвердо выговаривая «р» и «л», что придавало его говору совсем не безобразное своеобразие, отнюдь не похожее на косноязычие.

Вскоре приехала Аня. Она сразу пришла ко мне. Как-то мельком сказала о своем браке, и мне показалось, что ничто в ней не изменилось, и даже нет какого-то часто встречающегося у новобрачных желания поговорить о своей судьбе... как будто это событие не может иметь ни для нее, ни для меня какого бы то ни было значения.

Мы много и долго говорили на разные темы, она читала стихи,— гораздо более женские и глубокие, чем раньше,— в которых я не нашла образа Коли,— как вообще в последующей ее лирике, где скупо и мимолетно можно найти намеки на ее мужа,— в отличие от лирики Гумилева, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни, маячит образ его жены, сквозь все его увлечения и разнообразные темы. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая «злое торжество».

Конечно, они оба были слишком свободными и большими людьми для пары воркующих «сизых голубков»... Их отношения были скорее тайным единоборством: с ее стороны — для самоутверждения как свободной женщины, с его стороны — с желанием не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным... увы, без власти над этой вечно ускользающей от него, многообразной и не подчиняющейся никому женщиной. Если говорить о любви — я не совсем понимаю, что разные люди этим словом хотят сказать?! — но если любовь — это навязчивый и иногда любимый, а иногда ненавидимый образ — и всегда один и тот же,— то смею определенно сказать, что если была любовь у Николая Степановича — а она, с моей точки зрения, сквозь всю его жизнь была,— то это была Ахматова. Оговорюсь: я думаю, что в Париже, может быть, была еще так называемая «Синяя звезда» — во всяком случае (нежность ведь тоже любовь?), «Синяя звезда» была тоже им любима — и очень нежно. Остальное — как бы это ни называлось — вызывало у него улыбку, не без иронии, и шутливый тон.

Но разве существует на свете моногамия для мужчин?

Я помню, раз (мы шли по набережной Невы с Колей и мирно беседовали о чувствах женщин и мужчин) он сказал: «Я знаю только одно: что настоящий мужчина полигамист, а настоящая женщина моногамична». «А вы такую женщину знаете?» — спросила я. «Пожалуй, нет, но думаю, что она есть»,— смеясь, ответил он. Я вспомнила Ахматову, но зная, что это больно, не сказала ему.

Могу сказать еще то, что я знаю очень хорошо: Гумилев был нежным и любящим сыном, любимцем своей умной и властной матери, несомненно, радовался, что сын растет под крылом, где ему самому было так хорошо и тепло. Не берусь оспаривать, где он был в момент рождения сына; отцы обычно не присутствуют при этом, и святые отцы должны лучше меня знать, что если им и удалось соблазнить своих приятелей сопровождать их в место своих обычных увеселений, то это нисколько не мешает тому, что эти приятели коротают это тревожное время, выпивая, и заглушают внутреннюю тревогу не совсем понятным способом...

Мне думается, что Гумилев — подвернись другой приятель, менее подверженный таким «весельям»,— мог поехать в монастырь, мужской или женский, и отстоять монастырскую вечерню с переполненным умилением сердцем.

Знаю, что он звонил в клинику, где лежала Аня (самую лучшую тогда клинику проф. Отта — очень дорогую и очень хорошо обставленную, на Васильевском острове), и затем, по окончании всей этой эпопеи, заехал за матерью своего сына и привез их обоих в Царское Село, к счастливой бабушке, где мы в те дни обедали с мужем и пили шампанское за счастливое событие.

А что большой поэт — и Гумилев, и Ахматова были ими — имеет много граней жизни и внутри, и снаружи, много оттенков света и даже тьмы внутри — разве думающий и понимающий всю сложность всякого настоящего интеллекта может оспаривать это?

Они должны быть точны — все, что от них можно требовать.

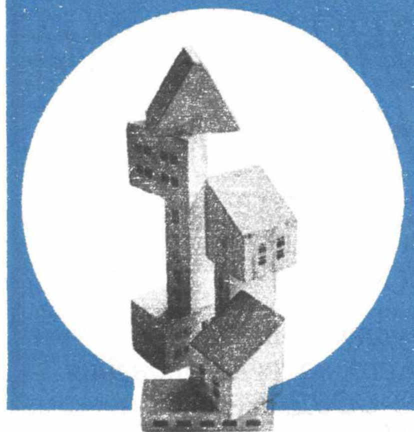
Рождение сына очень связало Анну Ахматову — она первое время сама кормила сына и прочно обосновалась в Царском.

Не думаю, что тогда водились чудаки-отцы, катающие колясочки с сыном,— для этого были опытные няни,— но Коля был, как это было возможно, и, конечно, был не хуже, если не лучше многих образцовых отцов.

И, как всегда, реальность принимает причудливые формы, ощущения разрастаются до пределов галлюцинаций и ведут к бесконечному... и часто к ощущению смерти — так часто присутствующей в поэзии Гумилева — и рождают тоску по неизведанному, куда-то влекут — и поэт уходит за ними в мечты о не известных ему краях и встречах, и вот тревожные строки полнозвучных стихов завораживают слушателя или читателя:

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго-долго...

Гумилев — поэт раздумий и предчувствий. Может быть, в этом жутком мире он если не знал, то провидел свою трагическую судьбу?..

...Дом — твой, мой, отчий. Обычный самый. Из дерева, кирпича, панелей. Не только крыша и стены, дом — семейный очаг, там мать, дети, ты сам, в доме — ЖИЗНЬ...

У нас, почти у всех, к великому сожалению,— ЖИЛЬЕ. Измеряемое обычно двумя — а если тремя или четырьмя, тогда счастье! — десятками метров. Счастье, ибо миллионы наших сограждан не имеют и такого. У них — КОММУНАЛКИ.

И девчушка, что катит на велосипеде по ленинградской многонаселенной квартире, еще не знает, что борьба за коммуналки началась здесь, в Питере, 70 с лишком лет назад. И не знает, как трудно во всамделишной жизни построить дом.

Не знает — пока еще — и о таких взрослых премудростях, что влияние жилища на здоровье человека определяется и качеством воздуха, которым дышит человек в квартире, и доступом солнечных лучей. Что в узких улицах, темных и сырых домах со скученным и бедным населением чаще всего живут болезни...

Но мы, умудренные, знаем еще и другое. Что растет число бездомных. Что у многих — только общежития... Невозможно объять все проблемы, связанные с нашим домом. В тех обстоятельствах, в которых мы продолжаем жить, они образуют замкнутый круг. Сегодня трудно все: построить дом, сделать ремонт... Об этом — статьи наших журналистов в нынешнем номере.

Однако вчитайтесь — трудно, но возможно, если вместе, сообща, как духоборы, например. И перспективы, связанные с началом деятельности новой российской власти, вырисовываются обнадеживающие. Правда, нам уже обещали и голубые города, и «Жилье-2000»...

И все же человек живет НАДЕЖДОЙ.

Мне 42 года,
мы с женой бывшие детдомовцы.
Семнадцать лет с тремя детьми
живем в однокомнатной квартире.
Стоим на очереди в исполкоме
12 лет, наш номер 500-й.
За год очередь не продвинулась
ни на одного человека.
Сыну старшему 20-й год пошел.
И все тесней в норе. Все больше
вижу злобу в глазах сыновей...
А это откликнется не только мне,
но и государству.

С. М. ТРУСОВ, токарь шестого разряда
Хмельницкий

Почему в роскошных
московских квартирах проживают
такие одиозные личности,
как Медунов и ему подобные?
Сейчас появилась установка
на приватизацию квартир.
Но ведь у Медунова
достанет сбережений,
чтобы выкупить не только свою
и «родственные»
квартиры в столице,
но и присоединить к ним
еще пару кремлевских залов.

Л. МАГДЕСИЕВ
Москва

Общая площадь жилого фонда РСФСР — 2176 млн. кв. метров.
Из них в городах — 1660 млн., на селе — 516 млн. кв. метров.
Из общей площади: государственной — 1440 млн. кв. метров, кооперативной — 90, общественных организаций — 9, индивидуальной — 637 млн. кв. метров.

Средняя обеспеченность в республике составляет 16,4 кв. метра на человека (общая площадь).
В Москве — 18 кв. метров.
Минимальный размер обеспеченности (Читинская обл.) — 11,9, максимальный (Псковская обл.) — 19,8 кв. метра.
В США — 60 кв. метров. В Дании — 50. В Германии — 42. Во Франции — 30.

Андрей СИНЦОВ

БУДЕМ СОБСТВЕННИКАМИ?

Один из моих знакомых, собирающийся эмигрировать и уже получивший статус беженца, с нетерпением ждет, когда же наконец московские власти приступят к приватизации жилья. Билет в дальние края у него куплен на ноябрь, а до отлета он собирается выкупить свою двухкомнатную квартиру. Пока он сделать этого не может, поскольку выкуп квартир в Москве был приостановлен около года назад до разработки новых правил передачи квартир в собственность. По его оценке, перепродав, он получит за нее тысяч двенадцать. Долларов, конечно. Благо в окончательной редакции Закона о приватизации жилищного фонда РСФСР исчезла статья о том, что в течение трех — пяти лет после выкупа квартира может быть перепродана только местному Совету.

Для тех, кто уезжает, приватизация — это несомненное благо, возможность получить некоторый первоначальный капитал для обустройства в чужой стране. А для тех, кто остается?

Если депутаты пришли к общему мнению, то в обществе такого согласия нет. Для далекой перспективы закон, наверное, хорош: позволяет покупать, продавать, дарить. В быту же все эти радужные надежды тускнеют при мысли о том, что придется остаться один на один со стихией «васей-сантехников». Хотя она не в диковинку, но вдруг для ее укрощения придется брать кредит в банке на покупку раковины, смесителя, «колена», на ремонт текущей трубы?

Закон обязывает государственные ремонтно-строительные и жилищные организации обслуживать «приватизированные жилые помещения», как и обыкновенные квартиры, по общим ставкам. В домах, где выкуплены все квартиры, могут создаваться товарищества или домкомы, которые будут вправе от имени всех заключать договоры с более совестливыми и мастеровитыми ремонтниками и сантехниками, если найдут таких. И снова берет сомнение: не предложат ли смету, раздутую по максимуму и включающую даже расходы на ремонт ручки молотка, сделанной чуть ли не из слоновой кости? А потом окажется, что, кроме как с этими «благодетелями», договариваться не с кем. Чисто психологически с частника всегда хотят урвать побольше. Через это прошли кооперативы, через это придется, видимо, пройти и собственникам квартир.

Сомневаться полезно, но закон-то уже принят, и каждый примеряет его к себе. Прикинул и я, что потеряю и что выиграю от него. Сначала — на что еще придется раскошелиться, по привычке считая, что все новое, а тем более от государства,— к худшему. Власть есть власть, демократическая или партийная, в любом случае она живет за счет граждан.

Оказалось, что после приватизации вроде как остаюсь при своих. По закону владельцы собственных квартир и квартиросъемщики уравнены во всех правах. Преимущество то, что могу продать на аукционе, завещать. Но квартира у меня одна, а уезжать или умирать пока не собираюсь. И прочный аргумент в пользу приватизации нашел только один. Да и тот носит немного метафизический характер: хозяином быть хорошо. Хорошо, и все тут. Раньше говорили, что человек по природе своей коллективист, теперь — частный собственник. Не можешь приватизировать завод, магазин, ларек, так возьми хотя бы квартиру. А хочу ли я быть собственником? На этот вопрос придется ответить каждому и соответственно поступить.

В первоначальном проекте закона был аргумент и материальный. Предусматривалось, что тем, у кого метраж квартиры меньше нормы, должна быть выплачена компенсация. Недостающие метры перемножались на среднюю стоимость каждого из них и на эту сумму открывался спецсчет, использовать который можно было бы при улучшении жилья. Но депутаты сочли, что желающих будет слишком много, а казна одна, и сняли этот пункт.

По республиканской норме в собственность передается бесплатно один раз 18 метров на человека плюс 9 на семью (берется общая площадь). В зависимости от своего жилого фонда местные органы могут увеличивать этот норматив. В Москве предполагается передать на семью по 12 метров. Комнаты в коммуналках не приватизируются, а однокомнатные квартиры передаются — вне зависимости от метража.

Те, у кого не хватает метров, не получат ничего, а вот владельцам большей площади придется за нее заплатить. Сколько — им скажут специальные комиссии, которые начали создаваться при местных органах власти. В двухнедельный срок

Я еще только пытаюсь выкупить свою однокомнатную квартиру в «хрущевке», чтобы оставить ее внуку. А уже весь дом зовет меня частницей, нэпманшей, капиталисткой...
Н. Д. ПЕТРОВА, бывшая учительница
Ленинград

после подачи заявления о желании приватизировать квартиру должна быть рассчитана общая стоимость квартиры и оформлены документы. Формула расчета, учитывающая площадь, расположение, строительный материал, степень износа и многое другое, настолько велика и сложна, что я так и не смог разобраться, сколько же будет стоить моя квартира. Получив три разные цифры, успокоил себя тем, что если комиссия будет обсчитывать, то не одного меня, но и соседей.

Приватизации подлежит государственное и ведомственное жилье, за исключением принадлежащего общественным организациям. Им только «рекомендовано».

Думаю, что в первую очередь пойдет приватизация квартир с излишками. Каждый здравомыслящий человек, имеющий их, снимет с себя последнее ради того, чтобы выкупить свою «крепость», потому что потом она будет стоить еще дороже. Тем же, кому и снимать с себя уже нечего, рекомендуют обратиться в банк за ссудой. Пока Министерство финансов не приняло окончательного решения о том, на каких условиях она будет выдаваться. Закон предусматривает льготный процент, 2—3 процента годовых. Минфин же говорит, что вопрос этот сложный...

Несмотря на возможные корректировки закона ведомствами, разумеется, не в нашу пользу, нужно быть очень наивным, чтобы рассчитывать на перераспределение жилья. Даже пресловутые ветхие бабушки, одиноко живущие в больших московских квартирах, вряд ли сдвинутся и переедут в меньшие. Никто не имеет права насильно заставить их выкупать лишние метры, а тем более выселять, если они откажутся. После их смерти невыкупленные квартиры отойдут местным Советам или муниципалитетам. Скорее же всего найдутся ловкие люди, которые предложат этим бабулям свои деньги для покупки квартир и изрядную добавку к пенсии с одним условием: по завещанию они станут хозяевами квартир.

И не важно, где они пока живут: в Москве или Одессе, Тбилиси или Нью-Йорке. Эти квартиры становятся их собственностью, и отношения с обществом тут регулируются уже Законом о собственности. Единственная маленькая проблема, которая может возникнуть,— это прописка.

Какой отчетливый стык двух времен: прошлого и будущего! На этом перепутье и породились такие чудеса, как торговля Моссоветом московской пропиской, чем-то эфемерным, как воздух. Но этот воздух, без предоставления жилья, стоит около 50—70 тысяч. Абсурд! Противоречит и здравому смыслу, и экономическим законам, но — реальность до тех пор, пока купля-продажа квартир не станет доступной многим гражданам.

Закон о приватизации не стоит сводить только к выкупу и перераспределению излишков площади. Если бы это было так, то он ничем принципиально не отличался от предыдущих государственных программ. Его достоинство — в создании притягательных условий для различных форм капитала в сфере строительства, в том числе частного, акционерного, кооперативного. Становится выгодно вкладывать деньги в недвижимость. Средства, полученные от приватизации, выглядят подачкой по сравнению с возможными прибылями, которые можно получать, строя и продавая дома.

Предприятия получили возможность не только быстро решать жилищный вопрос своих сотрудников, но и получать доходы. Половину квартир в своих домах, построенных хозспособом или на кооперативных началах, они смогут продавать на аукционах, с лихвой окупая все затраты. Арифметика проста: после подорожания стройматериалов квадратный метр в Москве стоит рублей 600—800. А его аукционная цена от 10 до 50 тысяч. На полученную разницу можно построить еще несколько домов.

А как же быть тем, кто работает в мелких конторах или социальных службах? За ними не стоят богатые предприятия, и у них нет денег на покупку квартир с аукциона. Могут ли они рассчитывать на получение государственных квартир? Пока да. Это «пока» растягивается на период перехода к рыночным отношениям, который, видимо, будет не столь молниеносен, как переход Суворова через Альпы, но не менее труден. После него в соответствии с законом государство собирается взять на себя заботу только об инвалидах войны и труда, ветеранах и семьях с доходами ниже официально установленного прожиточного минимума. Остальным же придется приобретать жилье за собственные средства или строить самим.

Приватизация жилья — это лишь первый шажок к приватизации значительной части государственной собственности. По этому пути давно пошли развивающиеся страны, на него вступила и Восточная Европа. Даже если нам уже не иметь нормальных квартир и домов, то, может быть, наши дети смогут построить их себе. Разумно ли лишать их этой возможности?

Зоя ЗОЛОТОВА

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ДЕВИЛОН?

Новосел я. Обмен, переезд, прощай, «хрущевка». Слышала, событие это равносильно двум пожарам. Ан нет, обошлось. Что теперь? Ремонт, естественно. Ремонт...

Дело, известно, житейское: побелить, покрасить, оклеить. Главное, не попасть в число тех несчастных «оригиналов», о которых лет эдак под шестьдесят назад писали Ильф и Петров, решивших произвести в квартире текущий ремонт. Фельетон «На купоросном фронте» помните? Так вот, сатирики сетовали, что стиль работы и способы найма водопроводчиков и плотников, полуспекулянтов с топорами и малярной кистью сохранились у нас со времен боярской Руси. Ибо, построив Днепрогэс, советская власть не стала заниматься такой мелочью, как конторы по ремонту квартир.

Это тогда, в тридцатые. Но сегодняшняя власть конторы создала и даже целые тресты к вашим услугам, к примеру, «Мосжилремонт». Заплати — и жди мастеров-профессионалов.

Долго и упорно звоню в контору: «Заказы принимаете?» «На зиму»,— отвечают. Трубка хлоп, не успеваю рассердиться. И кричу сама себе, что я хочу сегодня, я хочу сейчас...

Признаюсь, у меня давно подорвано доверие к службам по ремонту чего угодно. А сейчас, когда разрушены все хозяйственные связи, на пороге рынок — это чудовище, коим объясняют все и вся? Если нет молока, почему должна быть олифа? Если некому убирать урожай, то и ремонт делать тем более некому. Все понимаю и предвижу масштабы бедствия.

Ужель и мне задаваться вопросом ильфо-петровского страдальца: «Где таятся маляры, где их искать, к кому обращаться?» «В таких случаях,— дают авторы совет,— расспрашивают знакомых или просто подстерегают маляров на улице. Если повезет, то уже на третий-четвертый день хорошо организованной слежки... удастся встретить мрачную фигуру с кистью и ведром и при помощи посулов и грубоватой лести затащить ее к себе».

Конечно же, я без посулов и грубоватой лести. Потому как верю в себя и уповаю на то новое, что вошло недавно в нашу жизнь. В собственную предприимчивость, предприимчивость других. И помню про лежачий камень, под который... Нет-нет, надеюсь, я еще не замшелый валун. И потому беру ноги в руки. Контора, РЭУ, РЭУ и вновь контора — бесполезно. Впрочем, есть первый успех: удалось заловить Алика и Васю, передвинувших в течение 15 минут газовую плиту.

Надежда слабеет с каждым днем. Наконец решаюсь. У метро, вход в которое облеплен десятками объявлений «продам — куплю», «меняю», я вешаю свое: «SOS! Срочно нужен ремонт». Думаете, глухо? Напрасно...

Назвавшийся Кириллом приехал в тот же вечер. Вот он, деловой, предприимчивый, рожденный новым временем. Джинсовый, кооперативно-коммерческий, 25-летний, в нем, понимаю, нынче мое спасение... Хранящий в секрете собственную фирму, ну да бог с ней, существует же профессиональная тайна. Завороженно внимаю новым для меня словам: девилон (так называются моющиеся обои) и плетекс (нечто среднее между девилоном и искусственной кожей), фриз и розетка (речь о лепнине). Есть бригада, сделает в неделю. Надо в три дня — ночами работать будут. Пятнадцать человек, двадцать... Уберут за собой и мебель расставят.

Да, думаю, это не фельетонный маляр, который «подолгу смотрит на потолок, будто ждет, что оттуда пойдет дождь»: купоросу, видите ли, достать не может... И я боготворю Кирилла и хвалю себя за находчивость.

Догадываюсь, что стоит это немало. Но сколько, спрашиваю. Нет, не было получасовой качаловской паузы. Однако сердце защемило. Тысяча на циклевку и лак в 20-метровой комнате, малярка в ней же — еще тысяча (боже, а у меня их две, две комнаты и тысячи две отложено), кафель — тысяча, обои... «Цена ни с чем не сообразная, неестественная, глупая, обидная». Но Кириллу лучше за СКВ. Не до девилона, на купорос бы...

Нет, не ударили мы по рукам. Не сговорились. Не выдержит мой кошелек, и без того отощавший, как у всех моих сограждан, после апрельской павловской реформы. Жизнь что сказка: прямо пойдешь, по закону — стена, шаг влево — готовь миллионы. Я-то, находчивая и практичная, отпускные — на ремонт, семейную талонную водку — тоже. Да еще с подозрением смотрела на старененьких и пьяненьких Алика и Васю, покусившихся на мою сотню. Все познается в сравнении. Теперь я люб-лю вас, небритые алики, толеньки, васеньки. С сознанием полной правоты налью, угощу, задобрю...

Думаете, что ремонт — это грязь, суета, усталость, добывание всего и вся? Нет, ремонт есть в первую очередь не что иное, как состояние души. Когда гамма чувств разрывает тебя: унижение, сменяющееся маленькой радостью, надежда и оскорбленное самолюбие...

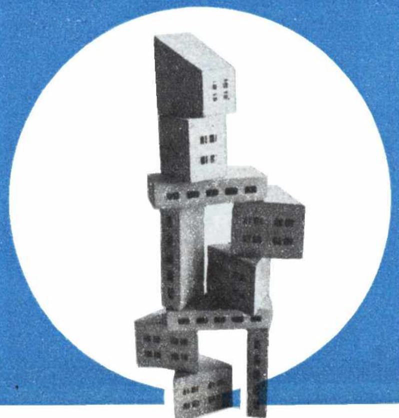
А если без психологического анализа, то спасли меня Таня и Тоня, которыми осчастливила ближайшая стройка. Не где-нибудь, а в РЭУ подсказали эту замечательную мысль

Аварийный и ветхий жилой фонд только в Российской Федерации составляет почти 30 млн. кв. метров.

Срочного, неотложного капитального ремонта требуют 120 млн. кв. метров жилья, реконструкции же — 80 млн. кв. метров.

Среднестатистическая стоимость (без материала) государственного ремонта одной квартиры — 800 рублей, кооперативного — в 2,5 раза выше.

Квартиронаниматель обязан один раз в течение пяти лет делать текущий ремонт за свой счет.

«SOS!» РЕМОНТ...

и адрес стройки. Помните совет — «отслеживать» на улицах?..

Мы заполнили холодильник и радостно встретили их, разумеется, без девилона и плетекса. Зато олифу принесли, побелку тоже. И кое-что еще... Понятно, что не из магазина.

Но я никогда не выдам Таню и Тоню...

ГДЕ ТАЯТСЯ МАЛЯРЫ?

Ремонтная история эта до оскомины банальна и, уверена, типична. Ну разве что в Архангельске или в Спасске-Дальнем чуть подешевле? Отмаявшись с побелкой и циклевкой, уже как журналист, а не заказчик задаюсь вопросом: что же ныне происходит с ремонтом? Отправляюсь в контору, лучшую в «Мосжилремонте» — в Текстильщики, на Саратовскую. После бесплодной беготни по хозяйственным удивило, что здесь и обои, и линолеум. Выбор небогатый, но есть, уже ура!

Повезло, сегодня общий сбор — зарплата, вернее, аванс. Получка, известно, к разговору располагает. Чувствовалось возбуждение: впервые дали добавок — 30 рублей «кормовых» и семь на транспорт. И хоть негоже заглядывать в чужой карман, я все-таки любопытствую. Раз маляры нарасхват, то и денег у них...

Людмила Ильинична Мисникова и Анна Васильевна Виноградова только в этом тресте по двадцать лет малярничают, проблемы одни. Разница в том, что А. Виноградова получила квартиру, пусть комнаты смежные, пусть на первом этаже, на которую и желающих не было, а Л. Мисникова, отмахав кистью около тридцати годов, так и живет хоть в благоустроенном, однако общежитии.

Л. И. Мисникова:

— Больше 350 в месяц не выработать, получаем 50 процентов от услуг. Расценки низкие, как мы между собой говорим, пять копеек километр шпатлевки. Дали сегодня три сотни отпускных, куда на них? К Черному морю или к Белому? Работа, представляете, какая? Сбросили материал у подъезда, мешков, считай, пять, с побелкой, алебастром, шпатлевкой, флягу с краской — и тащи сама. Порой без лифта на пятый этаж, пупок того и гляди развяжется... Потом целый день на стремянке, высота если метра три с гаком. Да эмалью надышишься. По технологии после обоев форточки открывать нельзя, красишь и задыхаешься. Особенно в ванных, туалетах — вытяжек нет. За вредность не платят, говорят, если бы стопроцентный день дышали краской...

Да и отпуск 15 дней у рабочих. Правда, наш совет трудового коллектива своим решением прибавил тем, кто лет по 20 малярничает. За простой не платят. У нас начальство суетится, материалами мы обеспечены. С транспортом же беда, своих машин нет, из-за этого и простаиваем...

А. В. Виноградова:

— Работаем по одному в квартире. Заказчики разные, надо подстраиваться. Пообедать негде, бутербродами в основном, всухомятку. Ремонт стал дорогой, заказчик требует качества. А какое качество, если побелка — одни слезы, а краска — хороший прораб забор не поставит ею красить... Кисти, шпатели, валики хоть выбрасывай. Слава богу, примастерили к краскопульту ручку, а сделать его полегче — голова не болит...

Выдадут куртку и брюки шестидесятого размера, потеряешься в этой робе. Обувь не дают, перчатки тоже. Все покупаем на свои... Нет, без приработка нынче не прожить. Не скрываем, что прирабатываем...

— Профессиональные заболевания — наша беда.— Это Любовь Владимировна Пронина поддержала беседу, сейчас она работает мастером участка, но в прошлом тоже маляр.— Аллергия, астма от эмалей, шпатлевки, пыли, от тяжестей — искривление позвоночника, остеохондроз, геморрой. У наших женщин роды осложнены, дети ослабленные.

Давайте правде в глаза смотреть: не от хорошей жизни маляр вынужден брать «левую» работу, в ущерб здоровью она. А молодые? Они в маляры не очень-то... А если и пойдут, то не к нам, а в кооперативы.

Горек хлеб у маляра, размышляю, даже в лучшей конторе. Заработок — копейки, при том, что заказчик ныне выкладывает за работу тысячу, а то и поболе. А если маляр выполняет два-три заказа в месяц?.. Кто съедает наши деньги? Контора — на собственное проживание? Госбюджет — на «общее благосостояние»?

И разбегаются сельские девчата по «левым» квартирам — из-под Тамбова, Нижнего, Тулы приехали столицу ремонтировать. Лимита теперь, говорят, нет, прибывают по распределению после училища, по договору. Но за жилье.

— За него и ломаемся, потому и терпим гроши, а то давно бы ушли,— это «мои» Таня и Тоня рассуждают.— У нас в стране что в Жмеринке, что в Находке... Маляр — он везде маляр.— И со вздохом добавляют: — А вот в Париже...

— Чем заинтересовать рабочих? Практически нечем,— признается заместитель начальника «Мосжилремонта» М. К. ГОРОХОВ.— Свое строительство не ведется. Есть решение — отдавать тресту три процента от отремонтированного нами жилья за выездом. Но райисполкомы не имеют возможности его выполнять, сами бедствуют... На собственное развитие остаются копейки, все идет в госбюджет, и пока нас не освободят от этого оброка, мы мало чего достигнем.

Михаил Кузьмич сетовал, что разлаженный в государстве в целом хозяйственный механизм не может не сказаться на работе «Мосжилремонта»: резко сократились поставки материалов, а качество — говорить нечего, что средства малой механизации на пещерном уровне. Нужно срочно развивать собственную производственную базу, построить складское хозяйство, без парка малогабаритных машин не обойтись. Но... решения принимаются, а дело не двигается.

— В последнее время в системе ремонта появились кооперативы и взяли, казалось бы, на себя все заботы, вплоть до обеспечения материалами и даже их производства. Но погоды они еще долго делать не будут — цены людям не по карману...

Понимаю и маляров, и их начальство, и они вроде бы мне, квартиронанимателю, сочувствуют. И все мы согласны, что вопрос сохранности жилья, его правильной эксплуатации, своевременного ремонта является задачей государственной.

Задумаемся вот над чем. В бескрайней стране нашей, будь то в Липецке, Астрахани, во Владивостоке ли, старый жилой фонд катастрофически быстро ветшает, а новый вводится преступно медленно. И если ситуация не изменится, то недалек тот печальный день, когда вся держава займется — чем вы думаете? — ре-мон-том. А если маляры, плиточники, циклевщики, паркетчики и вовсе исчезнут из наших городов, то кто же будет исполнять общегосударственную (а таковая, видимо, назревает) ремонтную программу? Стало быть, и о доме нашем, и о ремонтных службах нужно подумать не завтра, а сегодня.

А лучше было бы — вчера. Ибо со времен боярской Руси нас выручают все те же полукустари, и спотыкаемся мы в слезах о помятые ведра с побелкой — с купоросом или без оного.

Когда вы получите это письмо, нас в Союзе уже не будет: мы уедем в Израиль. Отъезжающие за границу на постоянное место жительства должны сначала выписаться, сдать квартиру, а потом уже им дают разрешение на выезд. Сколько же мучений пришлось вынести из-за самодурства жилищных работников. Семье моих знакомых даже не дали дожить в своей квартире, выселили с малыми детьми на улицу. Денег уже не было, и им нечем было дать взятку. Везде нужно «подмазать», чтобы не тянули с оформлением.

Е. ЕФИМЕНКО
Харьков

Три года назад развелась с мужем. Разменять «смежную» «хрущевку» невозможно. У мужа новая, можно считать, жена. Все на глазах у сына. Где, в каком государстве возможно такое, когда бывшие супруги вынуждены жить под одной крышей?

Л. НОВИКОВА
Новосибирск

Слышимость в моем доме прямо-таки сказочная. Этажом выше живут танцоры, ниже — дама держит трех собак. В жэке говорят, что только товарищеский суд может решить мою проблему. Кстати, правил общежития соседи не нарушают. Но в какой суд надо жаловаться на тех, кто проектирует и строит панельные дома с низкими потолками и такой звукоизоляцией, что приходится слушать чечеточный перепляс под лай и стон братьев наших меньших?

Н. КУЗНЕЦОВА
Киев

КОММУНАЛКА

Александр ТЕРЕХОВ
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Вообще-то я согласен, что коммунальные квартиры — это тяжелое наследие социализма и до революции большевиков этого, конечно, не было. Но самое счастливое время в своей жизни я прожил в коммунальной квартире.

«Вечером въезжай! — просил предшественник и прятал взор.— Комнатка — восемь метров! У соседки морда — за неделю не перецелуешь. Не пожалеешь!»

Затвердив: верхний замок — два оборота, нижний — с нажимом — один, шестая дверь налево, я въехал ночью. Протащился во тьме с узлами и баулами и упал спать на голый матрац.

На новом месте не спалось. Все вре-

мя просыпался среди ночи. Поворочаюсь, подумаю — как хорошо! И дальше сплю.

Опять просыпаюсь, думаю: человек въезжает в коммуналку оттуда, где еще хуже: с улицы, из казармы, тюрьмы, общаги,— поэтому такая радость. И снова сплю.

И опять пробуждаюсь средь мрака ночи, и приятно понимать, что всему лучшему в себе я обязан коммуналке. Это мой корень. Это самый лучший корень. От него все самое лучшее у нас: коммуна, коммунистический субботник, коммунистическая сознательность. И я опять дремлю.

А потом спать расхотелось вовсе. И я просто чесал живот и прикидывал, что в ближайшее время надо завести: стол, стул, жену, лампу, а потом глянул на часы и сел: полдень. Черт, а почему же так темно?! Ага, оказывается, мое окошечко наглухо перекрывает стена соседнего склада. Ах, вот почему эта сволочь хотела, чтоб я въехал вечером. Ну и ладно.

Почтальонша утром будто кормила птенцов — почтовые ящики на двери — она все знала про нас по газетам, журналам, повесткам, переводам. И мы все знали про нас. Что варится в кастрюлях, что стирается в комнатах.

Соседка все время выходила замуж. Ее немая мать пересиживала очередное сватовство на кухне. А жених играл себе на баяне и пел: «Мы парни бравые, бравые, бравые». Он еще притопывал ногой, и поэтому получалось очень выразительно. Утром он выходил в пижаме к телефону и звонил очень важно к себе на работу.

А все слушали. Слушали вообще всё и всегда. Голоса, считали звонки в дверь — кому сколько и безошибочно узнавали единственный басовитый и долгий звонок «чужого»— участкового, слесаря. Считали шаги и соседские походы на кухню, в ванную, в другие места общего пользования. Только недавно покинувший деревню дед никак не мог приноровиться к удобствам в квартире и ходил на двор за ближайшим забором, где детсадовцы выращивали укропчик. Его супруга находила прелесть в борьбе и чеканила любому: «А почему вы присваиваете мои газеты? Что? Тварь— это твоя дочь!» Поздним вечером она любила брести по коридору, вопрошая зловещим голосом у каждой двери: «Это чьи волосы в ванной?»

Это была очень непростая, трагическая, бедная, низменная, великая жизнь. Такая же, как во всей нашей стране. Все знали друг про друга все, только души оставались в потемках. И я порой жалею, что все это кончилось.

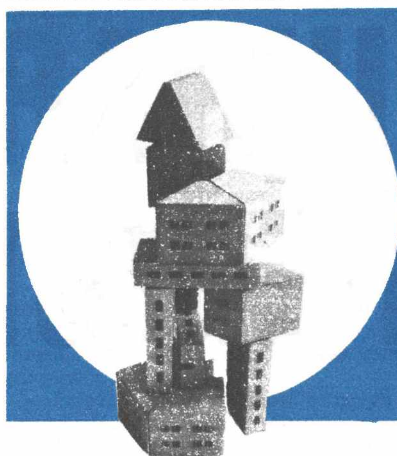
Это было самое счастливое время в нашей жизни. Потому, что было чего ждать: все мечтали уехать. Вот придет время, вот нарожаем побольше. И все уезжали. Не сразу. И в этом была какая-то стыдная сладость: что ты уезжаешь, а они — еще нет. Счастье не бывает, когда все сразу. У счастья всегда руки в крови. И счастье кончается, когда мы застреваем там, откуда уже не переехать, как ни мечтай, и сами становимся кровью на руках чужого счастья.

В новых временах счастья будет больше. И крови побольше. Ожидание, слезы, бумаги ничего не дадут. Каждый будет стоить, сколько сможет. И кто-то, родившись в коммуналке, в ней и помрет. То же самое и во дворцах. Наверное, плохо, что это наступило так поздно и мы успели скроиться для других времен. А с другой стороны — как хорошо! Ведь нашего прежнего счастья у нас никто не отнимет.

И когда я буду старым дедом, буду дышать, как паровоз средних размеров, и выписывать «Пионерскую правду», я все равно не забуду, что самое страшное отчаяние в моей жизни было, когда плохо повешенный мною на гвоздик тазик в уборной рухнул и расколол смывной бачок в час ночи. Я боролся с водой. Собирал ее тряпкой, подставлял ведро, перекрывал вентиль и знал, что в шесть утра мир проснется и спросит меня: ну что? Я был готов себя жизни лишить.

Я полетел сквозь ночь по подвалам, принес на себе уже «поужинавшего» слесаря, его чемоданчик, принес, как хрустальный ларец с брильянтовой диадемой, как колыбель цесаревича, как хлеб-соль— бережно и с любовью,— новый бачок, прикуривал слесарю сигаретку, приводил его в чувство, провожал и махал рукой. И когда он ушел, попробовал: работает? Работает.

Я пошел на кухню, попил из чайника воды, посмотрел в окно и вдруг понял, что таким счастливым я не буду уже никогда. Вот такие дела.

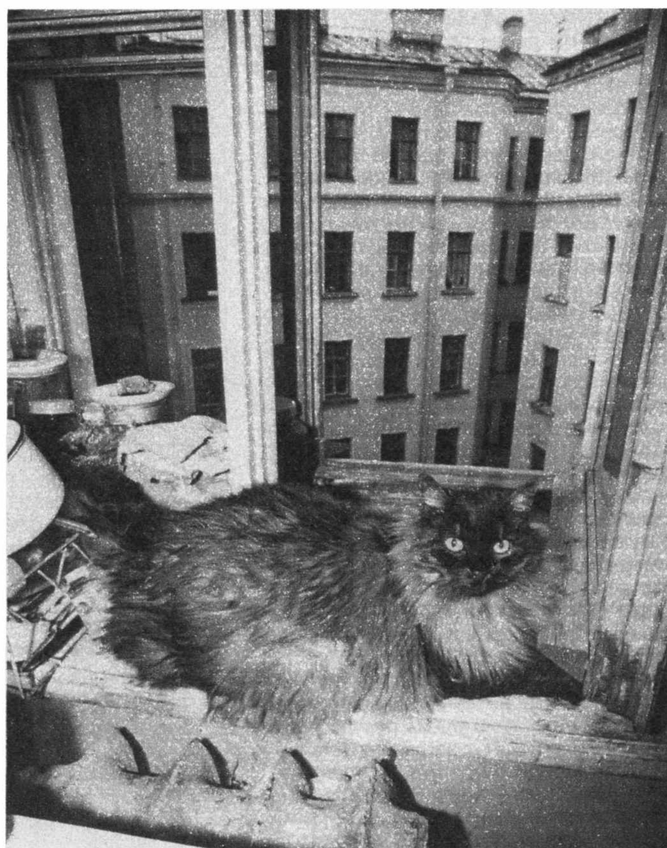

В коммунальных квартирах только в Российской Федерации проживает 5 миллионов 425,5 тысячи человек.

9 миллионов 964,1 тысячи семей стоят на очереди для получения жилья.

Однако ежегодно получают его около 1 миллиона 300 тысяч семей (в 1990 году — 1 миллион 296,2 тысячи семей).

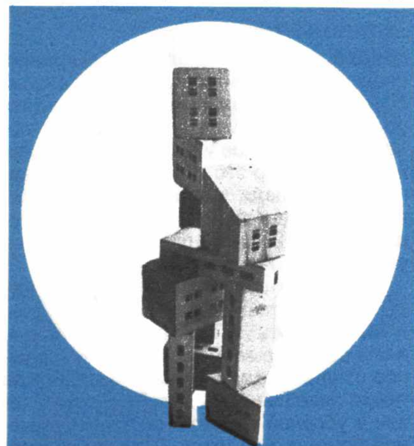
ЖИЛИЩНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

Революция не приходит одна. Политические изменения неизбежно переворачивают весь наш уклад и совершают в нем тоже маленькие революции. У строителей существует концепция трех этапов жилищного строительства после 1917 года, тесно связанных с политическими изменениями в обществе.

Первый — когда все принадлежало государству и ничто никому лично. Семья использовала жилье как временное пристанище. Оно было вспомогательно по отношению к общественному пространству, в котором на виду у всех проходила жизнь. Этот взгляд, породивший коммуналки, господствовал до середины пятидесятых. Потом его вытеснило представление, что каждая семья должна иметь отдельную ячейку, но принадлежащую государству. Оно воплотилось в массовом возведении многоквартирных домов. И, наконец, третий, уже начавшийся этап связан с убеждением, что люди сами должны строить себе дома или квартиры и владеть ими.

Программа «Жилье-2000», поманив каждую семью отдельной квартирой, тихо почила в бозе. Но что нас ждет впереди? С этим вопросом к первому заместителю председателя Госкомитета по архитектуре и строительству РСФСР Александру КРИВОВУ обратился наш корреспондент Сергей ФИЛИППОВ.

— Каждая революция в жилье действительно была сильно идеологизирована и отражала взгляды того времени на человека и его роль в обществе. До середины века все капиталовложения шли в первую очередь на развитие промышленности, ориентированной на оборону. Города возникали при заводах как нечто вспомогательное.

Установки второй жилищной революции были более гуманистичны. Все-таки признали, что у каждого должна быть своя квартира. Но тем не менее ни о какой собственности и речи не могло идти. Последней вехой этой концепции стала программа «Жилье-2000», показавшая, что далее развиваться по этому пути невозможно. Людей устранили от забот о собственном доме. От них требовалось только одно — терпение.

Первый шаг к выходу из этой бесплатной мышеловки сделал в 1988 г. Совет Министров СССР, приняв постановление, разрешающее продавать гражданам их квартиры по остаточной стоимости. Это было признание того, что люди должны иметь собственное жилье. Продажа шла очень медленно. В собственность получили квартиры в 1989 г.— 0,03 процента и в 1990 г.— 0,07 процента квартиросъемщиков. Деньги выкладывали либо довольно состоятельные люди, либо те, кто собирался уехать за границу и рассчитывал перепродать свои квадратные метры. Для основной же массы людей выкуп оказался не по плечу, да и сам механизм этого процесса не был продуман достаточно тщательно. Тем не менее направление будущего движения было указано. И 4 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР во втором чтении принял закон о приватизации жилого фонда.

Само индустриальное строительство в том виде, в каком сохранилось у нас, в мире было характерно лишь для середины XX века. Оно очень ресурсоемко и неизбежно ведет к загрязнению окружающей среды. То, что продолжает строиться у нас,— это искусственное, вымученное жилье...

— Хорошо так рассуждать, когда оно есть. А когда над головой нет крыши, а очередь едва двигается?

— Мы пока говорим не об очередях, а о том, что продолжать строить в экологически грязных районах, возводить там новые кварталы как минимум близоруко и бесперспективно. Территория России находится в таком ужасающем состоянии, что скоро уже не будет возможности вернуться к норме. После Чернобыля из естественной жизни выключены целые области России. До предела загрязнены бассейны Волги и Дона, Уральский и Западно-Сибирский регионы. Россия только кажется огромной, но места для здоровой жизни в ней осталось очень немного.

— Разве это не неизбежная плата за комфорт и прогресс?

— Конечно, нет. И сейчас мы стараемся переориентировать строительство на индивидуальные односемейные жилые дома. В них будут использоваться традиционные материалы — дерево, кирпич, которые и экологически чистые, и легко возобновляемые. Строительство должно вестись на определенном удалении от городов, а городам нужно будет видоизменить тип крупного промышленного производства.

— Скажите, а сколько вообще нужно человеку иметь метров, чтобы комфортно чувствовать себя?

— Кому как. Это условность, и таких цифр нет. Общепринятой нормой в развитых странах считается, когда у каждого человека есть своя комната. Но не квадратные метры говорят о качестве жилья, а звукоизоляция, кондиционирование, чистота и экологическая обстановка. Что толку, если у вас большая квартира, но все окна выходят на какой-нибудь железорудный комбинат или другое экологически вредное производство? Разве можно ее считать хорошим жильем? Потому мы сейчас и планируем идти на новые территории вне городов.

— Какую же судьбу вы уготовили городам, особенно районам массовой застройки? Что будет с «хрущевками», с «черемушками»?

— Если общество не будет развиваться достаточно эффективно, то они смогут простоять еще пятьдесят лет. Но мне кажется, что люди, родившиеся и выросшие в таких домах и районах, не могут создать ничего выдающегося. Трудно представить, что в подобной обстановке способны вырасти гении. Во всяком случае, если они и есть, то вопреки окружающей их жизни.

Такое жилье не может не сказываться на генофонде и потенциальных возможностях человека. В США программа Джека Кэмпа связана со сносом массового многоквартирного жилья именно из этих соображений. Даже беднейшие, социально защищаемые группы населения должны иметь свои отдельные дома.

— Но у нас-то полстраны живет в коммуналках...

— Мое детство тоже прошло в ней. Правда, средой был сам Ленинград. Фонтанка, Нева, Летний сад — они стали частью моего дома. А там, где их нет? Там, где ребенка окружают только одинаковые серые дома? Пространственное восприятие неосознаваемо, а оно очень сильно влияет на структуру личности человека. Мы же всей своей жизнью, в том числе и в архитектуре, стремились к упрощенности, которая, простите, в данном случае хуже воровства. Она обкрадывает внутренний мир, делает его плоским, одномерным и унылым.

Сейчас близлежащие поля к городам считаются совхозными. Я категорический противник ведения сельского хозяйства на них. Во-первых, продолжается использование химикатов. Во-вторых, горожане все равно вывозятся на прополку и уборку того хилого, что произрастает на них. Разумнее было бы разбить все на участки по 8—15 соток и передать под индивидуальное строительство. Это решит не только жилищную проблему, но и продовольственную. Подсчитано, что при рациональном ведении хозяйства семья из четырех человек может кормиться с двух (!) соток в течение года. Во всяком случае, это гарантия, что никто не умрет с голода и не отравится химикатами.

— Вы думаете, люди будут переезжать из городов?

— А почему нет? В Москве одних только пенсионеров около двух миллионов. Разве среди них нет никого, кто бы не переехал в более спокойное место? Например, пенсионеры предпочитают не жить в Париже и переселяются в пригород. Правда, там срабатывает еще и тот фактор, что за право проживания в столице нужно платить 10 тысяч франков ежегодно. Это довольно дорого.

— Да, но по уровню жизни, обеспеченности услугами для французов нет разницы между Парижем и пригородом. У нас же разница между Москвой и Подмосковьем, Ленинградом и областью наглядна. И люди вряд ли захотят терять «столичные» удобства.

— Почему вы решаете за них? Мы не знаем, как они будут вести себя, когда смогут делать то, что захотят. Разница же, о которой вы говорите, не столь уж и наглядна. Кроме того, мы все разные. Одному достаточно посмотреть телевизор и постоять в очереди, чтобы быть довольным жизнью. Другой же каждые выходные рвется на свои несколько соток. Так не лучше ли предоставить ему возможность взять нормальный участок? Не нам определять, кому что нужно. Наша задача — беспокоиться о правах и свободах граждан, о создании условий для них. Выбор же пусть делают сами.

Помните, я говорил о том, что мы собираемся осваивать новые территории? Так вот, эта программа связана с тем, что по прикидкам до конца века в республику вернется около 10 миллионов человек. Люди будут переезжать в Россию из Средней Азии, Прибалтики, возвращаться с заработков на Севере. Плюс еще и сокращение армии. Все вернувшиеся должны будут где-то поселиться. В городах? Но в лучшем случае их поставят в конец очереди и предложат ждать еще лет десять до получения квартиры. Мы же предполагаем создать три крупные новые жилищные системы: Среднерусскую, Южносибирскую и Тихоокеанскую.

— Что же они будут собой представлять?

— Возьмем для примера Среднерусскую. Она сможет принять около двух с половиной миллионов мигрантов и протянется вдоль 58-й параллели от востока Костромской области до границы с Эстонией. Это экологически чистая, неиспорченная зона. Осваиваться она должна на принципе самоорганизации жизни, самоустроении. В отличие от таких новостроек, как Набережные Челны, возникшие вокруг КамАЗа, или Тольятти — при ВАЗе, здесь предполагается создание множества малых предприятий по производству и обработке стройматериалов, переработке сельскохозяйственной продукции. Мы

надеемся на возрождение целого ряда традиционных отраслей, которые могут стать экспортными: это возделывание льна и других технических культур, пчеловодство, лесное хозяйство, молочная промышленность. Этот тип производства ориентирован на более натуральное хозяйство, тесно связанное с экологическим состоянием всей сферы обитания.

Главное отличие этой зоны в том, что здесь не будут возводиться городские многоэтажные дома, а только односемейные, усадебного типа. Соответственно и основным стройматериалом станут не бетон и железо, а дерево, кирпич, известь.

— Государство собирается выделять какие-то многомиллиардные капиталовложения под этот план?

— Государство это сделать просто не в состоянии — у него нет средств. Рассчитываем на то, что люди сами будут устраивать и обеспечивать свою жизнь, а государство — помогать доступными ему средствами: правовой политикой, кредитно-финансовой, градостроительной. Оно поможет в формировании технологически целостных единиц — групп малых предприятий, способных в кооперации обеспечить строительство готовых домов. При этом кредиты населению, правильнее говорить об ассоциациях семей, могут предоставляться не на собственно жилые дома, а на малые предприятия. Семьи, взявшие кредит, становятся коллективными собственниками средств производства, строящего жилье. Сначала для них самих, а потом — на рынок.

Другой важнейший, после финансового, компонент инвестиционного комплекта — земля и инфраструктура.

— Но эти земли уже заняты колхозами, совхозами, предприятиями. Согласятся ли они потесниться?

— Мы говорим о совершенно конкретных районах, местные Советы которых крайне заинтересованы в привлечении нового активного населения. Исходя из реальных возможностей, мы и говорим, что Среднерусский регион готов принять 2,5—3 миллиона человек.

У наших строителей, наверное, в крови «планов громадье». А у нас — недоверие к ним. Разве это не те самые воздушные замки, изображенные на обложке «Огонька»? Смогут ли они материализоваться или так и останутся на бумаге?

То, что рассказал А. С. Кривов, сравнимо разве что с очередной революцией. Вернее, с контрреволюцией, ориентированной на тех, кто хочет и может. Не уверен, что таким образом удастся решить жилищную проблему для всех. Как быть живущим на зарплату и надеющимся только на получение государственной квартиры, но не инвалидам и ветеранам? Не надо называть их иждивенцами. Они — честные налогоплательщики, кормильцы государства. Но десятилетиями их руки были связаны, а тут подводят к реке, потихоньку снимают веревки и пытаются столкнуть в воду. Так ведь плавать уже разучились!

Государство, получается, перестает гарантировать право на жилье. Это пугает. Не ощущая за спиной его монолит, чувствуешь свою незащищенность и убеждаешься, что либеральная демократия — это не рай. Она гарантирует только свободы личности, предоставляя возможность барахтаться в житейском океане так, как умеешь.

Велико при этом искушение оставить все по-прежнему и при этом настойчиво требовать решения старых проблем от нынешних Советов, муниципалитетов, префектур. Тогда... все сохранится как есть. Но разве то, что есть,— это хорошо? Сделав так, мы изначально обрубаем и возможности дальнейшего развития. Потому что признаем и смиримся с тем, что сами мы изменяться не хотим.

МОИ «ЧЕРДАЧНЫЕ» ДЕТИ

Пишет мать троих детей, перед которыми мне стыдно за свою беспомощность. Положение моей пострадавшей от Чернобыля семьи ужасно. Четыре года живем на неотапливаемом чердаке. За это время ушел добровольно из жизни мой муж. Тихо ушел, без вызова человечеству, в выживание которого в последнее время не верил. Преступно осуждать его, даже могу понять, хотя больно мне невыносимо.

Жили до аварии с семьей в деревне Крутое Чечерского района Гомельской области в колхозном двухэтажном коттедже, имели большое хозяйство, сад, держали корову. Уезжали в 1987 году неохотно, но надо было: стали болеть дети — увеличение щитовидки, нарушение иммунной системы у младшего (1982 г.р.). Оба мы с высшим образованием, муж физик, я гидрогеолог. Зачем же нам дурачить самих себя? (Тогда деревня еще не подлежала обязательному отселению, это случилось позже.) И муж с удовольствием принял предложение работать на Гомельской станции химизации, куда был оформлен переводом. Была уверенность в получении жилья: муж стоял в льготной очереди первым. До своей смерти работал он ведущим инженером-радиологом, часто ездил в командировки в загрязненную зону, принимал самое непосредственное участие в составлении карты радиационной загрязненности. Бывал много раз и в Крутом, из которого мы вынуждены были бежать.

Ехать нам было некуда, поэтому мы и вернулись в Гомель, попросились временно пожить на чердаке у родителей мужа, с которыми мы с самого начала семейной жизни не поладили (потому-то и переехали в Крутое). Кстати, мы горожане с мужем до четвертого колена. И жили бы счастливо, если бы не Чернобыль.

И вот теперь, несмотря на то, что деревню выселили и муж мой умер, нас с очереди сняли как «незаконностоящих» (а может быть, как незаконно живущих?). После долгих хождений в облисполком там сжалились и выдали эвакоудостоверение как пострадавшей, поставили в длинный хвост очереди.

Все мы в этой жизни пострадавшие, но жить, как живут мои «чердачные» дети, в постоянных конфликтах с родителями их покойного отца, невыносимо.

Т. П. ВАРУЩЕНКО,
мастер Гомельского завода пусковых двигателей, 37 лет

КРЕДИТЫ — НОВОСЕЛУ

Единственный банк, широко выдающий населению ссуды на строительство или приобретение жилья,— это Сбербанк РСФСР. Выплачивая кредиты до 75 процентов стоимости дома в рассрочку на 25 лет из расчета 3 процента годовых, банк несет огромные убытки. Пока они не компенсируются из бюджета, а покрываются за счет прибыли от других операций.

Что же банк может предложить новоселам?

— Если у вас есть решение исполкома о выделении земли и архитектурный проект со сметой на строительство дома в сто тысяч рублей, то вы можете получить в банке 75 тысяч. Первые два года выплаты не производятся, а после отчета об их использовании сумма делится поквартально и должна постепенно гаситься.

— Если вы покупаете дом, то ссуда выдается на тех же условиях на 15 лет, и выплата должна начаться после покупки со следующего квартала.

— Под строительство дачных домиков сейчас выдается 10 тысяч рублей на восемь лет из расчета 10 процентов годовых. Но в связи с ростом цен сумма кредита будет пересматриваться и, как обычно, составит около 75 процентов от стоимости дома.

— Банк будет участвовать в выдаче кредитов для выкупа приватизированного жилья. Исключение, видимо, составит Москва, где предусмотрена выплата выкупа в рассрочку на пять лет.

— Выдается и ссуда на капитальный ремонт в размере 5 тысяч рублей на 5 лет, но и она будет пересматриваться в сторону увеличения.

Банк должен иметь подтверждающие документы от получающего ссуду. Слаба надежда на готовящийся Закон о залогах, поскольку советским гражданам закладывать под кредит фактически нечего.

ВНИМАНИЕ, АУКЦИОН!

Устоявшихся цен на квартиры нет. Разница в цене между, казалось бы, одинаковыми квартирами на различных аукционах скачет в сотни тысяч рублей.

Примерная стартовая стоимость квартир на аукционах Москвы:
однокомнатная (20 кв. метров) — 150 тысяч рублей,
двухкомнатная (45 кв. метров) — 250 тысяч рублей,
трехкомнатная (65 кв. метров) — 550 тысяч рублей,
контракты на строительство и передачу в собственность коттеджей в ближайшем Подмосковье (300 кв. метров площади и 12 соток земли) — 500 тысяч рублей.

Окончательная, продажная цена квартир может быть разной, но, как правило, превышает стартовую в 2—3 раза. Известная нам максимальная сумма выкупа за трехкомнатную квартиру (111 кв. метров) была выплачена на аукционе, организованном акционерным обществом «Оргкомитет» по поручению Моссовета. Она составила... 4 миллиона рублей.

ПОДОРОЖАЕТ ЛИ ЖИЛЬЕ ПОСЛЕ ПРИВАТИЗАЦИИ?

Алексей ПОРЯДИН, председатель Госкомитета РСФСР по жилищно-коммунальному хозяйству

До того как возглавить отрасль, я пожил во всех основных типах домов, которые есть в нашей стране. Детство прошло в Горном Алтае, на руднике. Наша семья жила в «доме» самой низшей категории. После восемнадцати лет — общежитие. Была и коммуналка, и первая квартира. В ней не было газа, и приходилось отапливать печкой. Но до сих пор помню радость, когда появилась своя квартира.

Более трех десятилетий профессионально занимаясь жилищным хозяйством, я пришел к выводу, что приватизация нам необходима. И чем скорее, тем лучше. С моей точки зрения, она нужна уже потому, что поставит ситуацию с жильем с головы на ноги. Мы все еще находимся в плену иллюзий, что ресурсы дешевы. Плата за газ, воду, электричество в семейном бюджете почти незаметна. В то время как ежегодные дотации на содержание жилья составляют 6—7 миллиардов рублей, да еще на ремонт 6 миллиардов. Устанавливая плату по 13 копеек за квадратный метр, мы заранее закладываем убытки, поскольку его содержание обходится минимум копеек в 60. А разве плата в 5 копеек за кубометр питьевой воды — не издевательство над здравым смыслом?

Будем реалистами, все же понимают, что в конце концов расплачиваются по настоящей цене. Откуда государство берет свои многомиллиардные дотации, как не из кошелька граждан?

У нас в среднем каждый работающий получает на руки от стоимости произведенного им продукта в два раза меньше, чем в США. Так что та часть зарплаты, которая не выдается, изначально закладывается в дотации. Развращающий результат этих манипуляций, по-моему, очевиден. Все, что достается даром, не ценится, с легкостью растрачивается. Тысячи семей даже перестали платить за квартиру, и мы не имеем права их выселить.

Рано или поздно придется пересмотреть нынешние тарифные ставки. Отмечу сразу, что на 1992 год повышение цен не предусматривается. Приватизация и будущее подорожание никак не связаны. Те, кто ставит их в зависимость, преднамеренно извращают нашу программу.

Государство признало свою неспособность обеспечить население жильем и предлагает каждому из нас решать проблему самостоятельно, оставив за собой только заботу о самых обездоленных.

Духоборы никогда и не надеялись на государство. Гонимые с места на место, они могли рассчитывать только на помощь общины. Каждый раз заново строили дома: на пустых местах вырастали деревни.

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЮДИ

Лариса НЕМИРА

Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Сегодня куда ни кинься — все проблемы, горечь, запустение. Что происходит с людьми? Сын поднимает руку на мать, сосед идет на соседа, народ на народ. Рвутся старые связи — очень медленно и трудно налаживаются новые. Дорогое бы в спешке не оборвать! Что из всего этого выйдет, еще не завтра станет ясно. Между тем жизнь продолжается, и для нее нужны, как минимум, четыре составных: труд, еда, взаимопонимание и оптимизм. Именно с этим у нас пока особенно трудно. Слава Богу, не везде.

Мне знаком один такой заповедник — он неподалеку от Москвы, под Тулой. Места известные: здесь и усадьбы Л. Толстого, И. Тургенева, и А. Дельвиг здесь живал... Но сейчас мой рассказ не о русской литературе. Именно сюда уже около двух лет потихоньку съезжаются духоборы — потомки иконоборцев, непокорных самовитых мужиков, которым (ясно, что не по своей воле) ох уж как пришлось наездиться по стране: от Амура и Сибири до Закавказья. Может, окончательно прирастут они в этих краях навеки? Вот была бы польза России, ведь это не простые, а заповедные люди — все у них полюдски!

— У нас всегда так: кто-то начинает строиться, к нему родственники, соседи, товарищи по работе — все сходятся. Даже если и обижены один на другого, все равно: начнется дело — придут и помогут. Набирается иной раз до сорока человек. Глядишь, за один день стены готовы. Чувство локтя у духоборцев в генах.— Володя Сухоруков, у которого мы в гостях, улыбается от души. Хорошо улыбаться, когда такие традиции!

Мы оживленно обсуждаем его новоселье, а хозяин одобрительно обводит взглядом свою просторную кухню; наши голоса мягко резонируют, отражаясь от новеньких, пока не загороженных скарбом стен. Скарба, собственно, еще и нет, не хватает даже простого. Переезд да бесконечные дефициты — стульев не достать! А обживаться всегда долго. Если как следует, то это дело даже не на одну жизнь.

Взять, к примеру, высокогорный Богдановский район на юге Грузии, откуда едут духоборы,— полтора века прожили там, а, как рассказывают, только лет двадцать из них что по-настоящему обжились. Ну, обжились наконец — и переезжают! Крестьяне, а будто птицы! Гонят их? Вроде нет. Но... Один только пример: на новой карте Грузии того района, в котором они столько прожили, уже не найти. Теперь там другой, Ниноцминдский. Красивое название, связанное с именем святой Нино. Только еще и не для каждого грузина, наверное, оно привычно. Вот и духоборы — не вредный ведь народ! — без тайного умысла поначалу писали родным на Богдановский. А письма возвращались. Чего тут не понять: грузинский это район, хотя полтора-два века там жили только армяне и духоборы (шесть сел), грузинская и земля — и россиянин, и армянин на ней гость, сколько ни живи.

Что ж, видно, такое теперь время — поделиться. Каждому — свое. И духоборы никому не пеняют. Считают: виноватого искать — самому будет тяжелей.

— Володя, а высокогорье снится?

— Конечно, снится, хотя последние 12 лет я прожил в Крыму, все равно. Перенести бы с собой ту землю — ведь перед армией мы, встав на колени, ее целовали,— у нас традиция такая, а видишь...— Он встряхивает головой, словно гоня наваждение,— вообще об этом особенно некогда думать — работы невпроворот. Мне здесь нравится, честно! Нравятся свобода, воля, природа. Если по-хорошему, то на этой земле можно в два раза лучше жить, чем в Крыму. Там на учете каждый метр, а здесь ее вон сколько, черноземи... Сказать откровенно, мы ведь не к Грузии приросли — что мы там знали, кроме соседних районов и изредка столицы? — а к селам приросли, где родились, где могилы родных. Там каждый камень знаком и столько положено труда. Район всегда был в передовых: мясо сдавали, зерно и прочее. Богдановский сыроваренный завод даже в Москву свою продукцию поставлял, только мы ее не видели — свой сыр ели.

Кстати, на Володином столе уже и сыр свой, и сметана, и яйца, зелень, картошка, огурцы, даже пирог из своей муки! А ведь духоборы здесь и двух лет не прожили. Чудеса? Может, это и есть одно из духоборческих чудес: труд — святое для них, себя без него не мыс-

лят. Люди не корыстные, но хозяйственные, если и выпивающие, то мало и редко (предки и вовсе не брали в рот вина), чистоплотные, добрые душой. Вот и председатель Чернского райсовета А. Л. Монашов доволен!

— Ну как их не поддержать, ведь работают не покладая рук. Во-первых, строят. Во-вторых, их колхоз-община, кстати, назвали его именем Л. Толстого, хоть по стакану молока, но уже напоил весь район. А иные только и ходят ко мне: дайте дом, квартиру, все «дайте». Привыкли требовать. Говорю: «Стройте сами». «Не можем». А эти трудолюбивые, порядочные, терпеливые. Ну, не успеваем им все сделать в срок! Понимают, кулаками не стучат... Из-за них весь район ожил! Тоже начали строиться, возвращаться в село. В Архангельское человек тридцать вернулось, дома подновляют, пьют меньше. Канадские духоборы наведываются, помогают своим понемногу. Нашим старожилам перед ними, видно, тоже не хочется ударять в грязь лицом. Давно бы духоборам сюда приехать!

Может, и они так думают. Встреченные хорошей поддержкой местной власти, работают с энтузиазмом. Если бы не сжатые сроки, говорил мне А. Ф. Тихонов, зампред духоборческого сельсовета (он же возглавляет переселенческий комитет), все бы сами построили и помощи не стали просить. Между прочим, в Гореловке, откуда родом новые жители Архангельского, за все годы советской власти колхоз построил только один дом — все привыкли делать сами.

Гореловские — строители известные.

кончить к декабрю. Многие пока живут в вагончиках. Жить в них можно, уютные, достаточно удобные, но в холодную зиму температура, бывает, доходит и до нуля. Почти во всех выстроенных домах пока теснится по две семьи. Ничего, люди терпят — дело же спорится! Будет школа к сентябрю — вот и учителя свои приехали. Есть столовая, детский сад, клуб, баня — под них подновили старые дома. Жить можно!

Но можно жить и лучше. Хотя из-под пера союзного и республиканского правительств вышло уже три постановления о помощи переселенцам Духоборья, до недавней поры они носили больше декларативный характер. Сейчас дела пошли на лад — в марте на текущий год выделили 34 миллиона рублей. Средства немалые, но как их превратить в материалы? Перефразируя старую пословицу, скажем так: рынок не тетка; на всякий вопрос — ответ «а ты мне?». Организации, которым было поручено выделить необходимое переселенцам, только так и разговаривают. В результате весь груз решения вопроса ложится на Чернскую власть. А там — 118 строек: кирпичный завод, больнично-лечебный комплекс, бассейн... Как выходить из положения? Оказывается, можно: в феврале зарегистрировали первое в Союзе народное акционерное общество «Бежин луг» (45% акций — духоборческие). Район цивилизуется буквально на глазах; из всей области только здесь в районном Совете установлены телетайп, телефакс... Духоборы радуются: «Будет району хорошо — и нам хорошо». Не замыкаются они

Поскольку в районе был переизбыток рабочих рук, многие ездили на работу в другие районы, а летом, сколотив бригаду, отправлялись в Россию — людям помочь, да и заработки нужны. Но они мастера не только строить, а на все руки. Одна резьба чего стоит, которой украшали дома! А женщины? Кроме колхозной работы, как готовят, как плетут кружева, как вышивают! А послушать духоборческое пение...

Только песни — больше дело досуга, а его пока мало. Из 500 запланированных в Архангельском домов готовы пока 50 и 25 в отделке; в Южном — его обживают духоборы из Спасовки (эти — знаменитые животноводы) — из 250 домов — только 9, 25 должны за-

в собственных проблемах и пределах, мыслят крупно, с размахом.

У духоборов так было всегда. Когда их выталкивали за уже родные пределы, так толкали взашей, что не продать ни домов, ни скота, с достоинством принимали они свою долю. Не злобствовали, не жгли нажитого — как к празднику, убирали перед уходом дом, стелили нарядную скатерть, ставили хлеб, воду и соль.

Уже насыпана чернская земля над одной духоборческой могилкой, уже целовали ее, уходя в армию, призывники, и уже появились на свет первые чернские духоборы... Дай же им Бог хоть здесь обрести свой дом — навсегда!

Юрий ГЕЙКО

ЗАПИСКИ ДАЧНИКА

Ну вот, свершилось: никогда не думал, что стану дачником, с молодости мне жалки эти вечно озабоченные, груженые, как ишаки, люди, набивающие по выходным электрички до арбузного треска. Мне всегда казалось, что чахлые прутики, гордо именуемые «белым наливом», сараюшко под названием «дача», комариные тучи и убогий выездной быт — все это лишь для того, чтобы бросить небрежно при случае: «На дачу поеду».

Но теперь многое изменилось. Я увидел другие дачи, от которых дух захватывает, я поотдыхал в домах творчества, «потворил» на природе и понял, что дача — это отдохновение души и прекрасный тренинг тела.

Кстати, наш кооператив — писательский. Что ж, есть надежда, что дадут побольше шести соток, и уверенность, что вокруг будут жить культурные и незаурядные люди.

* * *

Туалет — скворечник из трех досок — стоит почти полторы тысячи, и то на него запись — фантастика!

* * *

Если вы зайдете в продовольственный и спросите сосиски, вам скажут, что они с утра были. Если поинтересуетесь в «Электронике» телевизорами, ответят, что те бывают по записи. А вот если вы спросите в «Стройматериалах» вагонку — облицовочную доску, то над вами будут долго и обидно смеяться.

Но я все же нашел доски, за сто пятьдесят километров от Москвы. Пришлось расстаться с часами, которые купил в Нью-Йорке, и с гонконговской телефонной трубкой — на сувениры!

* * *

Никогда раньше не заходил в «Стройматериалы», а сегодня объехал их чуть ли не все — пусто. Продавцы ленивы и наглы, как коты в подсобках продмагов. Господи, чем можно прошибить эту систему?

А что если обязать все магазины вывешивать списки полученных товаров: что, сколько, когда?

* * *

Собрания нашего кооператива — паноптикум: ни до чего невозможно договориться. Такой базар, ор, презрение друг к другу, что становится страшно — как жить-то вместе будем? На жеребьевке участков больше часа решали только то, с какой буквы начинать! Если с «А», то восставали те, кто в конце алфавита. Игнорируя и теорию вероятностей, и здравый смысл, они считали, что «те» вытянут самые лучшие участки. И наоборот.

В конце концов решили чередоваться.

* * *

Раньше я часто думал: почему многие писатели, казалось бы, мозг и совесть нации, на поверку оказались реакционной силой общества? И не находил ответа. Позже, побродив по Переделкину, насмотревшись на головокружительные особняки и территории, я решил, что знаю ответ: им есть что терять, когда перевернутый большевиками мир встанет наконец с головы на ноги. Ведь те, кто имеет все, так или иначе славили строй и получали от него за это тиражи, ордена, звания и собрания сочинений.

Сейчас я думаю, что тот ответ был не полным: те, в Переделкине, славили строй талантливо. А большинство этих, «второразрядных» членов нашего кооператива, получивших по шесть соток болота, «народ» фактически не знает, а они тоже, куда ни ткни, «правые» — почему? Ответ прост — они сидят «не на таланте», а на средних способностях плюс еще на маленьких «крантиках», позволяющих им до сего дня безбедно существовать. Работяги-шабашники из соседнего поселка, лихо наложившие свою монопольную мозолистую лапу на все писательские строительства, сначала живо интересовались фамилиями своих клиентов, но постепенно глаза их потухали: «Нет, не знаем такого». «И этого тоже». «И этого». А потом они на это дело плюнули и стали драть с писателей три шкуры, не допуская на свою территорию конкурентов: заимели трактор, завезли цемент, лес — куда ты от них денешься?

* * *

Проблема воды, например, на даче распадается на множество неразрешимых подпроблем: бурильная установка для скважины — раз; пятиметровая бетонная труба диаметром не менее сорока сантиметров (чтобы ведро пролезло) — два; насос ручной и электрический — три; шланги и трубопроводы — четыре; слив — пять; емкость для резерва воды — шесть; конструкция, чтобы поднять эту емкость над землей,— семь.

В свою очередь, каждая подпроблема распадается на кучу столь же неразрешимых подподпроблем, например, бурильная установка. Во-первых, она на болотистый участок не проедет. Значит, одновременно с ее приездом надо держать наготове и трактор. Во-вторых, должна быть готова и труба, потому что скважина без нее за пару дней обвалится. Труб нет, но их полно в Москве, лежащих бесхозно. Подъехал с краном и грузовиком — и грузи хоть десяток, никто не спросит, куда и зачем. Но и для установки трубы в скважину тоже нужен кран. А совместить бурилку, два крана, грузовик и трактор за восемьдесят километров от Москвы — это уже совершенно невозможно.

* * *

Говорила мне теща: «Береги водку». Не слушался, дурак. Водка мощнее доллара. Прошу бульдозериста: «Разровняй участок». «Стольник»,— отвечает лениво. «Ч-черт,— говорю,— денег не взял. У меня есть две бутылки...» — «Годится!»

И за полчаса вся работа сделана.

* * *

У меня в знакомых два гения. Один, сердечник, совершенно непьющий работник автосервиса, закупил в былые времена несколько ящиков водки, и его дом поднялся как на дрожжах, обходясь хозяину раза в три дешевле, чем если бы за него расплачиваться «деревянными». Другой гений — полковник КГБ. Он купил две машины цемента, песок и ездит теперь по выходным на участок, сам «печет» на допотопном конвейере «кирпичи» по пудику весом. За два дня — по полтора десятка. Одно лето пек, на второе — строится. Ему дом в копейки по нынешним ценам обходится.

* * *

Едешь на дачу по скоростному Рижскому шоссе, где покрытие на отечественный бетон кладут немцы в ярких комбинезонах, мелькают дали и просторы, а ты думаешь: ну какой идиот приказал выдавать жителям умопомрачительно гигантской страны по шесть болотистых соток?

Что думают о своем «шестисоточном» народе законодатели, разгуливающие по своим отгороженным гектарам? Наш парламент достоин роспуска только за одно покровительство оголтелому воровству верхов под названием «приватизация госдач», о которой трубят ныне все газеты. На фоне битвы «народа» за каждый гвоздь и кусок фанеры роскошные особняки и территории «его слуг» — издевка и преступление, за которое рано или поздно придется ответить.

Для одних — одни законы, для других — другие.

* * *

Мне сделали отопление за тысячу рублей. Я спешил, уж больно мне хотелось встретить прошлый год здесь, у той живой пушистой елочки, которую перенес я под окна дачи из леса. Сделали. Затопил — кипит антифриз в котле, бьет фонтаном под крышу, заливает все стены и полы, нанеся ущерба еще на тысячу. Буду все переделывать. Сам.

* * *

В словаре «живого великорусского» слова «ДАЧА» нет — и слава Богу! Потому что наверняка даже талант Даля не смог бы предусмотреть всех смыслов, которые приобретет это слово для его социалистических соотечественников.

Дача — величайшая тема современности, отечественный Клондайк, ждущий своего Джека Лондона и тем не менее не доступный никакому западному уму. Дача всеобъемлюща, это трагедия и мелодрама, эпос и комедия, фарс и эротика.

* * *

Дачника всегда можно узнать по шальному, все вокруг ощупывающему, примеряющему, без конца что-то ищущему взгляду: гвоздь на земле, ржавая дверная петля, рейка, кусок трубы или проволоки... Ему нужно ВСЕ. Он меньше, чем другие, в свой отпуск мотается по стране, ему не нужны путевки, он меньше покупает продуктов, тратит все свои накопления и умеет больше зарабатывать — дача, как ничто другое, стимулирует каждого к активной жизни.

Почему же государство так искусно ставит ему палки в колеса?

* * *

Добираясь в конце дачного дня до полуразвалившегося шезлонга и разглядывая дали, я иногда зажмуриваю глаза. От страха. В эти секунды я вспоминаю то море, которое переплыл чудом, беспечно войдя однажды в воды, которые принял за неширокую речку. Семь тысяч на книжке — всего лишь три года назад я ощущал себя Крезом и гордо пустился на этом утлом плотике в путь. Сделал бы я это теперь?..

В том море вода соленая от слез.

* * *

Однажды позвонил телефон, и чей-то грубый мужской голос сказал, что дом мой готов и надо приехать его принять. Я приехал и расплатился — можно ли описать состояние человека, расстающегося с нереальным количеством червонцев, каждый из которых он помнит «в лицо»?

А потом я медленно обходил дом, так много ночей мне снившийся.

Сел на втором этаже у окна с видом на озеро. Закурил.

И вдруг меня пронзило острое ощущение счастья. Я даже постучал ногой по полу: мое... Мое!

Все вокруг было мое. Неведомое советскому человеку чувство собственника, владельца вползло в мою душу на сорок третьем году жизни. Значит, не вытравили, осталось.

Засажу все картошкой, вырою погреб — проживу.

Приватизация — явление замечательное, если она совершается в интересах граждан, государства и на законных основаниях.

Я одним из первых включился в этот процесс, выкупив квартиру, в которой проживаю 30 лет. Правда, на это у меня ушло 14 месяцев. Много хождений по разным конторам и не по одному разу пришлось совершить. Недавно прочитал в газете, что одна гражданка предприняла по этому поводу походы в 43 конторы. На то мы и живем в социализме, где учет превыше всего. На то у нас и советская власть, которая если и примет решение, то сразу его выполнить не может.

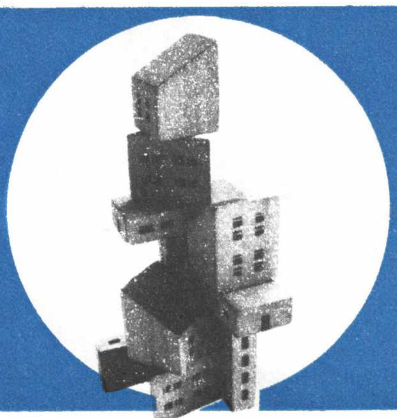
Дому, где я живу, 40 лет. Никаким капремонтам он не подвергался. Пришла оценочная комиссия, как и полагается, с руководящим документом, в котором сказано, что через 40 лет дом изнашивается на 20%, а износа в 50% вообще не бывает. Это развалина, которая требует уже восстановительного ремонта. За 57 кв. метров общей площади я заплатил с податями около четырех тысяч рублей. И счастлив — своя крыша над головой!

А. М. ПИНЕНЖИК

Владикавказ

РАСЦЕНКИ НА СТРОЙМАТЕРИАЛЫ

	государственные	биржевые
Круглый лес хвойных пород от 3 до 6,5 м (руб. за кубометр)	75–105	400–500
Обрезная доска	200–230	700–800
Брус	300–335	1000
Цемент (руб. за 50 кг)	6	13
Кирпич (руб. за 1000 штук)	180–250	700–800

ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ

В день независимости Америки, 4 июля, в этом доме был праздник. Много гостей, сандвичи, выпивка, танцы, тосты за советско-американскую дружбу. Конечно же, и за хозяйку Лидию Акиндиновну, которая ко всем обращалась «товарищи». Особый тост — за этот гостеприимный дом, который построил Сильвио...

Сильвио Джон Склоччини и Лидия Акиндиновна Макарова познакомились в булочной на Тверской. Случайно. Он — американец, впервые приехавший в Москву,— не сразу понял, что к нему на его языке обратилась русская женщина. (Она работала переводчицей и спросила, чем можно ему помочь.) Когда понял, удивился и окликнул ее, уже выходящую из булочной. Шел 1977 год... Потом он пять раз приезжал в Россию, к ней. Потом Сильвио сказал: «Давай поженимся, а то я разорюсь».

Они поженились в 1981 году, через два года он получил вид на жительство. В Иркутске, где у нее была прописка, купили старый деревянный дом на окраине. Как все, возил воду, колол дрова, таскал уголь. Ветеран второй мировой войны, он собирал материал о ленд-лизе, писал книгу, встречался с нашими ветеранами в Усть-Илимске и Братске. Сильвио говорил, что в Филадельфии был бы просто пенсионером и жизнь его не была бы столь интересной.

Но главное, он хотел построить здесь свой дом, были идеи насчет архитектуры и всего прочего. Мечтал, чтобы на доме был колокол, звонил бы по праздникам. Он нашел архитектора, которому эти идеи изложил. Ходил по инстанциям, говорил: я хочу построить большой хороший дом. Ему отвечали: как большой? Вам не положено. Вас только двое. Он возражал: к нам будут приезжать люди и жить у нас в доме, это будет Дом дружбы.

Наконец в 1987 году он получил разрешение на строительство. Образ дома, объемно-планировочные и конструктивные решения разрабатывал иркутский архитектор Юрий Юрьевич Казин. По первому варианту проекта дом предполагался двухэтажным. Этот вариант был отвергнут городскими властями: «Что вы, Сильвио! В этой одноэтажной застройке — двухэтажный особняк, да еще американский? Нас не поймут...» Был принят второй вариант, который предполагал реконструкцию существующего дома и его стилизацию под деревянное сибирское жилище. Но оказалось, что в Иркутске невозможно найти людей, организацию, которые взялись бы воплотить проект. Никто не хотел связываться с американцем — будет предъявлять высокие требования. В конце концов нашелся кооператив, который, желая сделать рекламу, заключил договор с Сильвио. Начал с того, что развалил старый дом. Однако строительство нового не осилил — не было механизмов, материалов и квалификации. Вместо дома — яма, а супруги жили в сарае. Сильвио не понимал, почему он приходит в РСУ с деньгами и ничего не может добиться. А еще его поражала наша необязательность. Наивный, он считал, что девять часов — это девять, а не пол-одиннадцатого и не час.

К тому времени супруги стали людьми популярными. О них писали газеты, иркутская кинохроника сняла фильм, который был показан по ЦТ, приезжало американское телевидение, снимок Сильвио на фоне сарая был опубликован даже в журнале «Плейбой». Приходили письма, адресованные — «Иркутск, американцу» или «Иркутск, американцу, женатому на русской». Может быть, популярность и помогла. Нашлись в Иркутске человек и организация, причем государственная, которые построили Сильвио дом именно такой, какой он хотел. Человек этот А. И. Шлойдо, управляющий трестом «Иркутскпромстрой». Антон Иосифович сказал мне,

что взялся за дело, потому как хотел показать, на что способны люди, работающие у него в тресте, а еще ему было стыдно, что никто во всем Иркутске не может построить американцу дом.

Дом получился красивый, просторный. Десять комнат, мансардный этаж для гостей, кухня, постирочная, веранда, в подвальном этаже «конференц-зал» и «банкетный зал». И видом своим он отнюдь не портил «одноэтажную застройку».

Новоселье состоялось в декабре прошлого года. Этого события Сильвио не застал. Он умер в августе в Филадельфии в возрасте семидесяти лет. И все просил врачей: «Отпустите в Иркутск, у меня там дом строится...»

В доме живут Лидия Акиндиновна Склоччини с сестрой и еще очень много приезжего люда. Из Швеции, Швейцарии, Финляндии, Америки. Финн Ханс Юрен, представляющий ассоциацию по реабилитации детей-инвалидов, здесь с декабря прошлого года. Он пытается построить под Иркутском городок для детей-инвалидов. Безуспешно. Но ведь и Сильвио дом построил не сразу.

Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора

Анастасия НИТОЧКИНА

ИГРА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

Знаменитые ленкомовские «Задворки», которым стукнул уж пятый год, придумал и осуществил Александр Абдулов, человек, казалось бы, редкостно удачливый и счастливый, с судьбой типично советского актера — шумно признанный здесь, абсолютно неведомый «там»: когда в Голливуде он обронил в разговоре, что сыграл 80 ролей в кино, наступила неловкая пауза недоверия. Столько там выпадает на долю лишь суперзвездам, сказочно богатым, берущим за выход миллионы.

Абдулову никто миллионов не платит. Он реализуется сам, пытаясь заняться еще и коммерцией во главе хозрасчетного объединения «Ленком». Он может, например, среди бурного разговора об искусстве вдруг совершенно серьезно ошарашить собеседника вопросом: «Слушай, ты не можешь достать мне двадцать тонн черного металлолома? Это очень серьезно!» Здесь же, во время застольной беседы, он отправляет на гастроли в Донецк или в ту же Америку очередную супермодную творческую команду, с сожалением признаваясь, что сам в Америке жить не смог бы, несмотря на роскошных женщин, казино и вообще красивую жизнь. Из Америки он только что вернулся. И не пустой: Юз Алешковский отдал ему права на издание только что написанного нового романа. А в Москве его разыскивает Ричард Гир, один из самых популярных актеров мира, приехавший на встречу с далай-ламой...

Абдулов же сидит на «Задворках». Почему?

Может быть, потому, что на этих задворках (театра? жизни?) сегодня происходит нечто такое, что завтра обоснуется в нашей культуре и займет в ней достойное место? Впрочем, Абдулов сегодня ими недоволен, считает, что делать их нужно более похожими на домашний междусобойчик (то, с чего он, собственно, и начал, когда впервые устроил для театра праздник — бесплатный и веселый — в честь закрытия сезона!).

Что же такое эти «Задворки»? От бала — к доброму, забытому капустнику?

Вот что думает о происходящем здесь СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ, друг, очевидец, режиссер, коммерсант, сам такой...

— Как это ни смешно, существует некое научное обоснование того, что 99,9% (или больше?) клеток нашего головного мозга как бы живет в совершеннейшем бездействии, абсолютной невостребованности. То ли природа такая мудрая — заботится, чтобы и на другие жизни хватило — ну, когда мы все станем козленочками, рыбками и птичками. То ли это просто полный бред... Но я в этот бред свято верю, потому что разница между тем, как мы живем, и тем, как устроены, колоссальная. И наиболее наша с вами общая невостребованность проявляется в Саше Абдулове — его образе жизни (дико звучит, правда? Ну, пусть некоторые смеются!)... И дело даже не в чудовищной энергии, ему свойственной, не в умопомрачительной жизнедеятельности, не в богатырском здоровье (сутками может не спать, сниматься, играть спектакли, читать сценарии, рассуждать обо всем, ходить по рынкам, кормить друзей шашлыками и пельменями и черт знает чем еще и т. д.!)... Я думаю, дело в том, что его распирает жуткое количество несыгранных судеб, которые ни сценой, ни экраном, ни телевидением не заменишь. В его глазах — авантюрный блеск человека, который может все это (то, что имеет) в один прекрасный момент бросить и заняться чем-то совершенно иным, что нормальному человеку и в голову не придет. Например, «Задворками», о которых ходит дикое количество легенд, сплетен, слухов, определений от суперснобистских до супервосторженных (все не правы!). Одни называют «Задворки» безвкусным бредом заевшегося театра. Другие — лучшей светской тусовкой, которая изобретена за последние годы. Ну, действительно, скажите мне на милость, где еще можно одновременно встретить Станкевича, Питирима, Травкина, рокеров, наркоманов, прочих «антисоциальных элементов» среди звезд эстрады, кино и театра? При этом все прекрасно себя чувствуют.

И меня все время волнует вопрос: как можно вкладывать такое количество сверхусилий, энергии на творческие придумки и художественные решения, организаторских способностей (а они есть — что бы мне ни говорили!) для того, чтобы в течение четырех часов все это сошлось, расцвело невероятным бутоном в московском небе, пропылыхало и под утро рассеялось, как туман, как дым... И исчезло...

Неужели только для того, чтобы собрать компьютеры для детского дома, откупить и восстановить храм святой Богородицы в Путинках или поставить памятник «всем невинно убиенным детям», которого не знала ни одна страна света?

Чем больше я думаю об этом, тем острее чувствую, что этими — пусть самыми благородными — целями не исчерпывается само действо. Как не исчерпывается оно прекрасным (или похуже?!) концертом. Как не исчерпывается светской (или менее светской — когда как) тусовкой...

Снимая свою последнюю картину, «Дом под звездным небом», я изучил всевозможные карты этого самого звездного неба. Одни — для совсем ненаблюдательных глаз, построенные на описании Большой Медведицы да Полярной звезды. Другие — для астрономов и прочих всезнающих ученых... А есть так называемые гипотетические карты Вселенной, которые каждый трактует по своему разумению: дескать, эту точку никто не видел, но она там точно должна быть...

Так вот, «Задворки» — это гипотетическая карта Сашиной (не «Сашкиной», как ляпнул наш общий друг в «Московском комсомольце») души. Это некое действо, изначальный замысел которого крайне неопределенен, но предчувствуется с математической точностью, как нечто очень живое, рожденное в дикой хаотичности и неподцензурности наших дней. Противоречащее всему и вместе с тем ничему. Выплескивающее на зрителя грандиозное зрелище непонятной тусовки, которая снобу кажется безвкусным паноптикумом, ибо соседство еврейского театра и русских девушек хора Бабкиной оказалось весьма странным. Интеллектуалу оно кажется верхом совершенства, ибо Хазанов и Жванецкий соседствуют с Шевчуком и Макаревичем. И гениальная девочка Таня Сидорова непревзойденно играет на своей скрипке.

Здесь возвышенная романтика с душевностью, переходящей в сентиментальность, существуют рядом с социальной критикой кого-то и чего-то (этого не понимает никто). Пиротехника и каскадерство — с продуманностью и классикой. Изящный и даже изощренный авангардизм — с дешевым кичем. И вдруг все начинает звенеть, хрипеть, блестеть, пукать, крутиться. Взлетают шары. Захватывает дух, рождаются самые разные эмоции. И хочется поставить многоточие, потому что описывать это словами...— да что может быть бессмысленнее, примитивнее и глупее?

И это искреннее колобро́дение души взрослого человека, это нагромождение всяческих форм, перетекающих одна в другую с дикими энергетическими выплесками, творит необыкновенные культурные образования, сравнимые разве что с сезонами Дягилева или действиями других русских меценатов (при этом абсолютно без всякого миссионерства).

И конкретная цель «Задворок» расплывается и превращается в некое увлекательнейшее плавание. В некое подобие американских горок, от которых захватывает дух, душа опускается в самые пятки. И «Задворки» превращаются в некое пространство, в которое можно постучаться на одну ночь, прийти и встряхнуть мозги... Эдакий ежегодный образ душевного мира Саши Абдулова для Москвы, который меняется, как и все остальное...

Итак, «Задворки» — это игра взрослых людей, лишенная дурацкой многозначительности,— эй вы — твердолобые! — не пытайтесь ее (многозначительность) там отыскать.

«Задворки» — это действо нематериальное, смертное, как игра любого самого великого артиста. «Задворки» одним позволяют поерничать, другим — расслабиться, третьим — отхлебнуть запретной и неведомой жизни. Четвертым — внести вклад в благородное дело. Заработанное ведь каждый раз идет на конкретный детский дом, на возрождение церкви или создание памятника.

«Задворки» истаивают к утру, словно туман. Словно тот пиротехнический дым, что рожден был по воле Маэстро.

И уже солнце встает. Где «Задворки»? Те, кто не пропустил эту ночь,— счастливцы; они точно знают: это было. Остальные — извините, старички! — смотрите фотки...

P. S. Кто-то очень точно назвал людей, сложившихся в эпоху застоя, под пологом советской ночи, кладбищем нереализованных возможностей. Обидно слышать такое, но ведь правда? «Дети ночи», даже вроде реализованные, награжденные, увенчанные, признанные (как Абдулов), оказываются сегодня печальными сиротами, поскольку породившая их культура развалилась с такой же неотвратимостью, с какой вдруг начали разваливаться сегодня знаменитые некогда мосты, здания, плотины, метро, дороги — символы достижений «хомо советикуса». И дымом тает эфемерная слава, приобретенная в рамках и недрах этой культуры. И ни с чем остается человек, пустыню видит вокруг. И жизнь утекла меж пальцев, пустоту хватает ладонь. Как уцелеть?

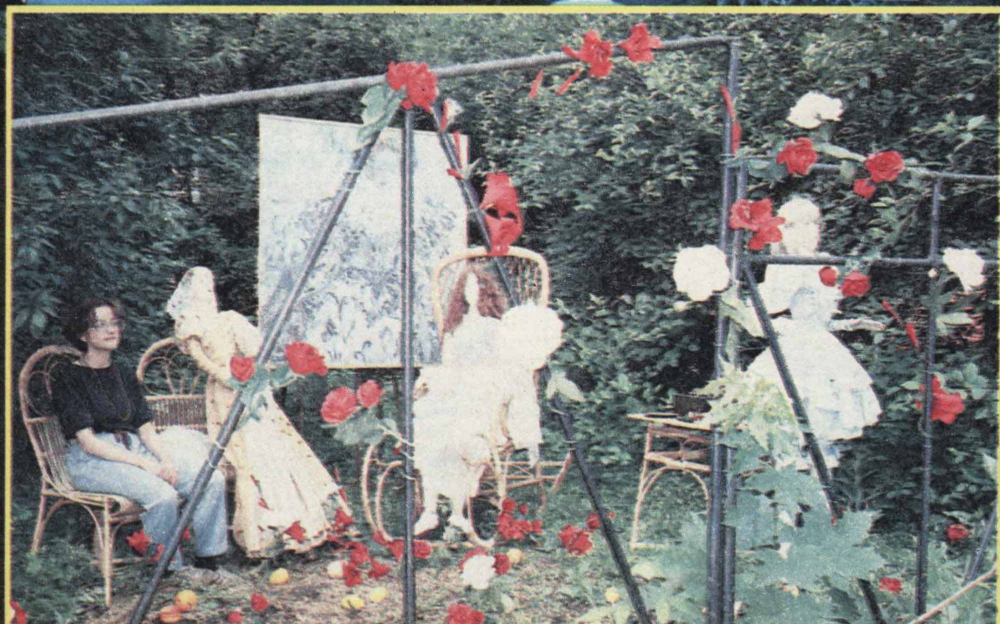
То, что копилось в запасниках: в столах, шкафах, душе, в подсознании — и чего нельзя было выволочь наружу, не боясь оказаться осмеянным (или наказанным?), теперь вытаскивается, проветривается и вдруг оказывается годным к употреблению.

На свет явилась и всех занимает культура (вернее, та ее часть), которая прежде обреталась на задворках. Задворки оказались тем самым местом, где сохранилась душа. И что еще можно предъявить миру? Дай им Бог!

«ЗАДВОРКИ»

АЗ'АРТ

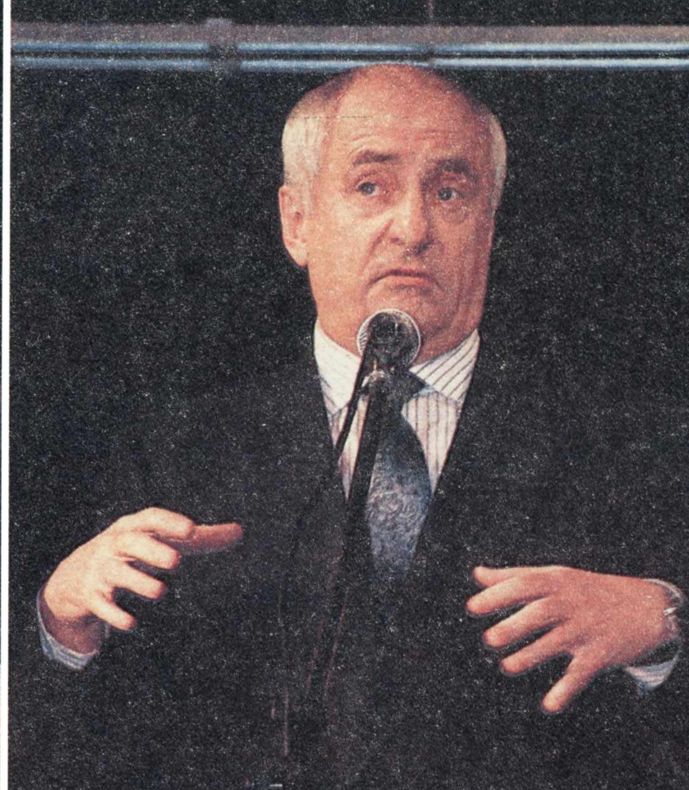

ОГОНЁК

Фото Николая ГНИСЮКА
и Александра РЫБАКОВСКОГО

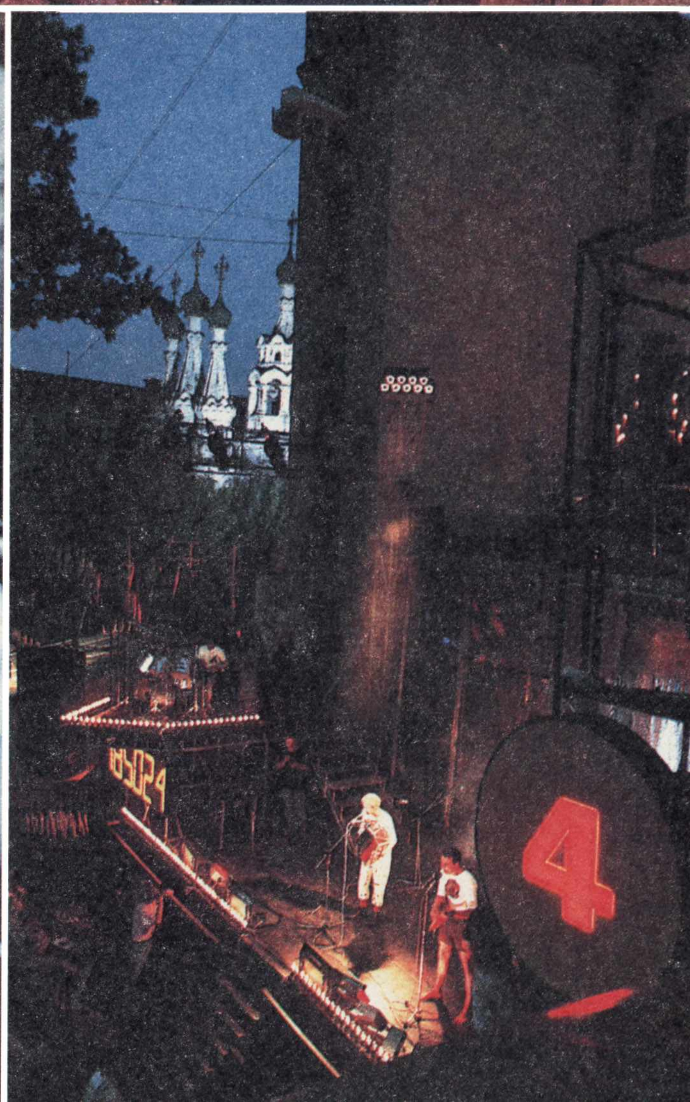
«ЗАДВОРКИ»

4

ТЕЛЕ МАРКЕТ

ТЫ ПОШТО, КУПЕЦ, ТАКОЙ СЫТЫЙ И ВАЖНЫЙ? НЕ ИНАЧЕ, КАК ТЫ — НАШ АБОНЕНТ!

Уже известно, что пользователи электронной бизнес-системы «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» основными ее преимуществами перед прочими формами маркетинга считают удобство передачи информации (просто по телефону), непревзойденную скорость заключения сделок и отсутствие между продавцом и покупателем каких-либо посредников, кроме электронного мозга системы. Имеются также положительные отзывы о высокой степени конфиденциальности и широком территориальном охвате (в «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» абонируют места предприниматели со всех концов Союза). Но мы, организаторы системы, усматриваем во всем этом лишь комплекс средств, направленный на достижение основной цели — создание у наших деловых людей хорошего настроения и уверенности в своих силах.

Посудите сами: «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» в качестве основной услуги предлагает ПРОДАВЦАМ и ПОКУПАТЕЛЯМ максимально возможное (без применения компьютерных сетей) сокращение времени и трудозатрат на организацию сделок купли-продажи. Наша система скоростного автоматического маркетинга круглосуточно нацелена на реализацию оптовых и мелкооптовых партий товаров широкой номенклатуры на базе конкретных предложений с обеих сторон. Вы выбрасываете товар на рынок, не соприкасаясь при этом с маркетинговыми операциями классического образца. Если у вас есть телефон, вы в состоянии купить и продать почти всё, что угодно, не отрываясь от кресла, не покидая своей квартиры, в положении «лежа», наконец! Вы можете сделать это лично, не прибегая ни к чьей помощи и общаясь исключительно с обслуживающим систему роботом. Вы выбираете. Вы работаете творчески. И вам нет никакой необходимости учиться — ведь объяснить в двух словах, что вы предлагаете на продажу или чего вам хотелось бы,— это просто, как «ТЕЛЕ-МАРКЕТ». Это приятно. И в любое время дня и ночи, причем канал «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» никогда не бывает занят. МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫ УЛЫБАЛИСЬ!

Примерная номенклатура товаров, находящихся в работе на данный момент, периодически публикуется в ежедневной центральной прессе.

К ВАШИМ УСЛУГАМ:

Если вы желаете арендовать у нас место ПРОДАВЦА, обращайтесь по телефону (095) 166-21-12, факсу (095) 177-26-30 либо письменно по нашему почтовому адресу: 109280, Москва, Автозаводская ул., 5, а/я 801.

Если же вы намерены что-либо ПРИОБРЕСТИ, будьте добры обратиться с заявкой непосредственно к обслуживающему систему «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» роботу по телефонам: (095) 972-59-18, 972-59-28, 972-59-38,

СПАСИБО

О ЧЕМ МОЛЧИТ «ДЕВЯТЫЙ»?

Отгремели выстрелы на Смоленке. И косые августовские дожди смыли с асфальта невинно пролитую кровь. Это российское небо оплакивало три молодые жизни. И словно гром средь ясного неба прозвучала для нас весть об аресте всей «восьмерки». «Кто следующий?» — спрашивали мы себя. На чьих запястьях теперь лязгнут стальные наручники? Одним из следующих был Лукьянов. Журналисты, следователи, историки... Они еще долго будут скрупулезно исследовать каждый час послепутчевых дней, по-своему оценивая очередное событие, включая и это — арест «девятого». И все-таки как сегодня оценивает свой арест сам бывший Председатель Верховного Совета СССР, а ныне рядовой заключенный следственного изолятора, обвиняемый в измене Родине?

«КАК МЕНЯ АРЕСТОВЫВАЛИ

В Кремль, в мой кабинет неожиданно приехала следственная группа. Это было 29 августа — через 5 часов после того, как в 12.30 я был лишен депутатской неприкосновенности. (До августовских событий рейтинг Лукьянова был самым высоким. Когда его лишали депутатской неприкосновенности, только два человека были против. Остальные четыреста с лишним человек — за.— *М. К.)* После этого решения в моем кабинете был проведен тщательный обыск. Ничего особенного не нашли. После того как обыск провели, я оставался в кабинете один. Пока люди из следственной группы были еще в Кремле, я говорил им: «Арестовывайте меня... Ну, ребята, не надо ломать комедию, я же прекрасно знаю, что буду арестован, дело идет к тому. Поэтому увезите меня отсюда. Я вас очень прошу об этом. Не надо травмировать мою семью. У меня 85-летняя мать, жена в немолодом возрасте. Лучше отвезите куда положено».

На это они отвечали: «Что вы, Анатолий Иванович. Спокойно поезжайте домой... Арестовывать мы вас не будем. Мы верим вам, что вы никуда не скроетесь...»

Я вернулся домой. Там были моя жена Людмила Дмитриевна и мать. Я поужинал. Немножко погулял и лег спать. Вдруг около 23 часов раздался звонок. Оттолкнув жену, в дом ворвались 10 человек в штатском и заблокировали все двери. Как мне стало известно позже, вместе прибыла рота автоматчиков в маскировочных костюмах, которые оцепили территорию дома отдыха. Такие меры обычно применяются при задержании активно действующих преступников, о которых точно известно, что они будут оказывать вооруженное сопротивление. Когда мы стали интересоваться, почему не отреагировали на мою просьбу арестовать в кабинете 5 часов назад, мне сказали: «Вас вызывает на допрос Генеральный прокурор России Степанков...» И меня увезли, даже не предъявив ордера на арест...»

* * *

Рассказывает дочь подследственного, Елена Анатольевна Лукьянова:

«Когда его увезли, моя мама позвонила мне и сообщила эту страшную новость. Я тут же стала звонить депутатам. Дозвонилась до председателя распущенного ныне комитета товарища Голика. Он сказал мне, что в моем положении можно звонить куда угодно. Ведь неизвестно, куда увезли моего отца. И мы с мужем стали дозваниваться до приемной Степанкова, к которому на допрос в 23 часа якобы увели отца. Трубку поднял прокурор Тимченко. Мы сообщили ему, что моего отца арестовали и повезли на допрос к генеральному прокурору. Правда это или ложь? На что дежурный прокурор ответил, что уже поздно, генеральный прокурор давно дома и, видимо, спит. К тому же ему дали новую квартиру и у него нет телефона...

Я не пойму, зачем понадобилось лгать, что его повезли на допрос к Степанкову? Зачем понадобилось таким образом арестовывать 60-летнего Председателя Верховного Совета СССР, который еще при первой встрече сам предложил себя арестовать, но без лишней помпы. Ведь наша дача находится на территории дома отдыха Президиума Верховного Совета СССР, где отдыхает около тысячи человек. Соседи, отдыхающие были свидетелями этой «рискованной» операции по задержанию пожилого человека. И мы считаем, что этот концерт разыгрывался не случайно — только для того, чтобы сломить человека, психологически его подавить, унизить на глазах у всех... Неужели нельзя было все сделать по-человечески?..»

* * *

Итак, впереди долгие месяцы трудного, небывалого и беспрецедентного для нашей страны следствия. Позади провалившийся путч. И какое, казалось бы, дело до того, как арестовывали Анатолия Ивановича. И тем не менее сегодня, когда все еще не прошло опьянение победой, хотелось бы, остудив разгоряченные головы, все-таки призадуматься и над вышеописанным арестом бывшего главы парламента, и над тем, что происходило и происходит после этого малозаметного события, попытаться осмыслить все. Я обратился к руководителю следственной группы по делу о заговоре, заместителю Генерального прокурора России Е. Лисову.

Полученный отказ побеседовать не был для меня неожиданностью — тайна следствия... И я решил встретиться с Генрихом Павловичем Падвой, Александром Михайловичем Гофштейном — адвокатами, взявшимися защищать интересы Лукьянова. При условии строгого соблюдения того же принципа «тайны

следствия» они согласились на приведенную ниже беседу.

— Как к вам попало это дело?

— К нам обратилась дочь арестованного. Защищать бывшего главу парламента мы взялись по собственной воле.

— Вас не смущает то обвинение, которое предъявлено вашему подзащитному? Тем более что вокруг всего происшедшего бурлят такие страсти, и человек, взявшийся за защиту такого подследственного, рискует быть не понятым в нашем обществе?

— С первого же дня мы заявили Анатолию Ивановичу свое отрицательное отношение к путчу. Выяснилось, что мы стоим с ним на одинаковых позициях. Сами мы осудили переворот еще 20 августа, официально охарактеризовав его как военно-партийный. Это наша чисто гражданская позиция. Но, как профессионалы, мы должны защищать человека, даже если он наш идейный противник. Хирургу нет дела до идейных убеждений больного. Тем более что за идейные убеждения не судят. Вот если бы он призывал к насильственному свержению строя, тогда другое дело.

— Вы единственные, кто чуть ли не каждый день имеет возможность общаться со своим подзащитным. Поэтому знаете его настроение, отношение к происходящему в стране. Как, например, отнесся он к факту роспуска КПСС?

— Он остался коммунистом. И по-прежнему верен своим убеждениям.

— Лукьянов — человек, который ранее взирал на судебно-следственную систему с высоты своего положения. Он же подписывал множество законов, не всегда ведая, как они исполняются на практике. Изменилось ли его отношение к законотворчеству? Каков его взгляд на создававшуюся им же систему из камеры следственного изолятора?

— Сам факт вероломного ареста был для него неприятной неожиданностью.

— Требует ли он встречи с родственниками?

— Пока на этом не настаивает. Но все будет зависеть от следствия. Любые контакты, и даже с близкими, могут быть рассмотрены следствием как нарушение принципов изоляции.

— Были ли вы знакомы с подзащитным раньше?

— Нет. Мы познакомились с ним в следственном изоляторе.

— Это изолятор КГБ?

— Нет. Это следственный изолятор № 1 ГУВД Мосгорисполкома — «Матросская тишина». В нем есть небольшой изолятор № 4 МВД СССР, где и содержится Анатолий Иванович.

— В камере он один?

— Нет. С ним еще один человек. Пожилой. Он арестован не за политическое, а за уголовное преступление.

— Вы допускаете, что это «подсадная утка»?

— Допускаем. У нас нет на этот счет особых сомнений.

— Каково самочувствие подследственного?

— Жалоб пока нет.

— Ходят слухи, что его уже обрядили в тюремную одежду.

— Это лишь слухи. Тюремной одежды на нем нет. На нем та одежда, в которой его арестовали. Предчувствуя развитие событий, он даже на работу ездил с вещами и сменной одеждой.

— Какие это были вещи?

— Спортивный костюм, бумага, личный дневник. В камере он продолжает писать стихи. Лирические...

— Его отношение к тому факту, что его лишают встреч с журналистами. Ему есть что сообщить нам?

— Желание выговориться у него огромное. Ему есть о чем сказать, но он ничего не скажет. По крайней мере мы, адвокаты, постараемся ему не дать это сделать.

— Почему?

— Все, что бы он ни сказал, может быть повернуто против него же. Поэтому он будет молчать. На пресс-конференции 6 сентября было сказано, что все обвиняемые охотно дают показания, но не о себе, а о других. Это не так. Хотя бы потому, что не все обвиняемые идут на контакт со следствием. Пример тому — наш подследственный. Мы-то знаем точно, что он не говорит ни одного слова и уж тем более не обливает никого из подельников грязью. И это несмотря на то, что он очень много знает и ему есть что сказать о «восьмерке».

— Для чего в таком случае на пресс-конференции понадобилось выдавать такую информацию?

— А чтобы столкнуть их лбами. Чтобы у каждого вызвать ответную реакцию: ах, ты на меня, а вот я на тебя! Это довольно стандартный прием, который применяется, начиная от районного отдела милиции и кончая союзной прокуратурой.

— Но хоть какая-то позиция в данной ситуации есть у подследственного Лукьянова?

— Она такова: «Я ни в чем не виноват, виновность свою категорически не признаю, и так как вы нарушили закон при моем аресте и без достаточных оснований держите под стражей, то я считаю вас людьми заинтересованными, нарушающими закон, поэтому говорить вам ничего не буду».

— У него есть возможность получать прессу?

— Да. Мы видели у него «Известия», «АиФ».

— Его отношение к публикациям, в которых он фигурирует? На какие публикации он реагировал особо?

— Например, в «Известиях» было написано, что, будучи в Англии, он обратился к британской аудитории со словами «уважаемые товарищи». Но ведь это абсурд. Достаточно поговорить с Анатолием Ивановичем, чтобы понять, какой это образованный и умный человек.

— Как же было на самом деле? Ведь такое обращение, похоже, было?

— Это действительно так. Но он же объяснил нам, что была такая встреча. Там были официальные британские лица. Но среди присутствующих он увидел несколько советских журналистов. Поэтому вполне естественно, что, обращаясь к аудитории со словами: «Дамы и господа!», он употребил и слова «Уважаемые товарищи...». Мы не удивимся тому, что сейчас начнут бить лежачего, как это, к сожалению, часто у нас бывает. 7 сентября, например, Президент России в своем выступлении по радио назвал его идеологом путча. Но ведь еще не прошло следствие, еще не было суда... Даже пострадавший от путча Михаил Горбачев в отличие от многих высокопоставленных лиц не позволил себе подобных высказываний. В связи с этим возмутили его и выступления Силаева, Акаева.

— Как складываются ваши отношения со следователями? Их имена?

— Имена сейчас назвать не можем. Но ничего плохого сказать о них тоже не можем. Выглядят они интеллигентными, корректными, спокойными людьми. Мы обращаемся к ним регулярно, никаких человеческих конфликтов с ними нет. Что касается наших с ними позиций, то они, естественно, не совпадают.

— Что вы можете сказать по существу уголовного дела?

— Если бы мы и были знакомы с материалами уголовного дела, то, естественно, от каких-либо оценок воздержались бы. Но вся беда в том, что мы лишены возможности знакомиться с материалами дела.

— Тогда что же является источником информации, необходимой для вашей полноценной работы?

— Это сам подследственный Лукьянов. А еще два документа: протокол задержания и постановление об аресте. Это все наши источники информации. Мы возмущены тем, что нас ограничивают в ознакомлении с делом. Нам ничего не дают...

— Почему? И на чьей стороне закон в данном случае?

— Если следовать букве закона, то ситуация тут такова. 10 апреля 1990 года был принят Закон СССР о внесении изменений в основы уголовного судопроизводства. По нему в статье 23 предусмотрены наши права — права защитников. В частности, мы можем знакомиться с материалами дела с момента допуска к делу, с постановления об аресте, с протокола задержания. В этой же статье буквально в следующей строчке написано, что законодательством союзных республик могут быть предусмотрены и другие права защитника. Но это союзный закон. Законом же Российской республики предусмотрены и другие, дополнительные права.

В соответствии с российским законом мы обратились к статье 51 УПК РСФСР, где написано, что с момента допуска к участию в деле защитник имеет право знакомиться не только с протоколом задержания, а и со всеми материалами дела.

— Значит, закон на вашей стороне?

— Да. Мы обратились к следствию и получили отказ.

— Чем же он обоснован?

— Следствие ссылается на 1-ю статью УПК РСФСР. Хотя в ней-то как раз и говорится прямо об обратном и подтверждается наша правота. В сложившейся ситуации мы хотим обратиться к Президенту России Борису Ельцину и российским депутатам. Ведь без ознакомления с делом защита превращается в фикцию. Мы работаем с закрытыми глазами. А ведь практически все интервью с группой следователей начинаются с уверений типа «произвола не будет, нарушений закона не будет!».

— Вы уверены, что ваши законные требования будут удовлетворены?

— Особого оптимизма нет...

* * *

Итак, позади те три страшных августовских дня. Мы победили. И, может, именно сейчас представляется нам последняя возможность, последний шанс построить воистину правовое государство, где законное право на истинную защиту будет предоставлено каждому. Сегодня нам как никогда важно дать начало новой эпохе реального правосудия.

Да, выиграли бой с хунтой. Но мы в итоге проиграем, если, победив, уподобимся ей же, скатимся до беззаконных методов путчистов. Это может вылиться в новую трагедию для нашей многострадальной страны. Для каждого из нас...

Михаил КОРЧАГИН

P. S. Когда верстался номер, стало известно, что А. И. Лукьянов в связи с ухудшением здоровья находится в госпитале.

■

В № 36 опубликована беседа обозревателя вашего журнала А. Головкова с премьер-министром РСФСР И. Силаевым.

В этой беседе премьер подробнейшим образом мотивирует необходимость вынесения смертной казни моему подзащитному — бывшему председателю КГБ СССР В. А. Крючкову. Больше того, сделав мимоходом оговорку о том, что меру вины определит суд, премьер твердо заявляет, что он «...будь голосование, высказался бы за смертную казнь».

Чуть ниже премьер высказывает пожелание о том, чтобы нам поскорее «...превратиться из страны «коммунистов и демократов» в страну нормальных, законопослушных и терпимых людей».

У меня предложение к господину Силаеву — начать это превращение с себя.

Ведь ни в одной цивилизованной стране премьер-министр не позволил бы себе даже самых отвлеченных рассуждений о необходимости казни своих поверженных политических противников. Вынужден признать, что на сегодняшний день авторитет господина Силаева как премьер-министра достаточно высок. Поэтому его сентенции о возможности применения в данном случае смертной казни являются немалой лептой в формирование общественного мнения в отношении членов ГКЧП. А оно и так доведено, на мой взгляд, до высшей степени психоза. Не тешу себя надеждой, что этому процессу можно противостоять, а поэтому меня больше волнует другое.

Высказывания руководителей страны, как показывает вся история России, всегда были руководящим началом для следствия и суда. Обратных примеров, исключая дело Засулич, припомнить не могу. Нет никаких гарантий того, что в сознании следователей, с которыми я и мой подзащитный имеем дело, не отпечатаются рассуждения господина Силаева. Как это скажется на сборе и оценке доказательств — догадаться нетрудно.

Член Московской областной коллегии адвокатов Ю. П. ИВАНОВ

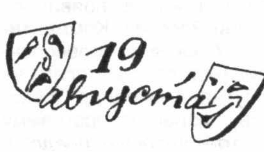
Светская хроника

известный московский нищий Василий Н. был преисполнен решимости внести свой вклад в святое дело борьбы за демократию. В этот день он решительно снял с головы шляпу и расположился в непосредственной близости от осажденного «Белого дома». Его профессиональные способности не пропали даром — к концу рабочего дня милостыня составила 62 тысячи советских рублей и три с половиной тысячи американских долларов. Российский патриот принес свою дневную выручку к «Белому дому» и пожертвовал ее целиком на защиту Отечества.

никому не приходило в голову задать себе вопрос: «Сколько стоит спасибо Ельцина?» Этим вопросом задались наиболее предприимчивые москвичи, когда среди участников обороны «Белого дома» начали ходить листки с благодарностью российского правительства всем, кто защищал его в эти дни. Такой листок получил каждый, кто стоял на баррикадах с 19 по 21 августа. Но, как оказалось, для этого совсем не обязательно было мокнуть под дождем и рисковать жизнью — благодарственное письмо было немедленно размножено бизнесменами в огромном количестве. Президентское спасибо пошло по цене до 600 рублей.

выдался хлопотный день на киностудии «Мосфильм». Администрация киностудии, узнав о неожиданной отмене перестройки, подняла по тревоге массовку — мосфильмовский кавалерийский полк. Привычные к массовым мероприятиям актеры немедленно привели полк в боевую готовность и направились на баррикады. Бутафорский и пиротехнический цехи предоставили защитникам все имеющиеся в наличии вооружение и боеприпасы: пушки, луки, пищали, мечи и шпаги, шашки и пулеметы. Однако пострелять мосфильмовцам не пришлось — поразмыслив, они пришли к выводу, что сильно напугать танки рыцарскими доспехами не удастся, а пальба из хлопушек может спровоцировать настоящие выстрелы из настоящего оружия.

в Московском планетарии, как обычно, зажглись луна и звезды. Москвичам было предложено прослушать цикл увлекательных лекций в Звездном зале: «Про небо и Землю», «Небо в русских сказках», «Звездопады», «Марс и его тайны», «Небо южных стран», «Под небом планетария». Проезд: метро до станции «Баррикадная». Вопрос: зажигать звездное небо или двинуться на баррикады — перед работниками планетария не вставал. После недолгих размышлений они решили, что вполне успеют сделать и то, и другое. Механик и ведущий лектор в промежутках между лекциями успевали добежать до Краснопресненской набережной и принять участие в защите «Белого дома».

в камерах Бутырской тюрьмы (подробнее о ней читайте на стр. 31) состоялись импровизированные митинги. «На свободу — с чистой совестью!» — дружно решили четыре тысячи заключенных. Свое решительное «нет!» хунте высказал высший совет уголовного мира в первый же день путча. Избрав своим полномочным представителем начальника тюрьмы Геннадия Орешкина, они вручили ему петицию, в которой серьезно предупредили лжепрезидента и остальных членов самозваного правительства. «Место хунты — у параши!» — резюмировали зеки и, как выяснилось вскоре, были совершенно правы в своих предсказаниях. Лишенные возможности поддержать российское правительство лично, многие заключенные переводили со своих счетов деньги в фонд спасения Отечества.

в Московской клинике неврозов было неспокойно. Появление танков на улицах Москвы сильно подействовало на нервы пациентов. Обитатели клиники резко разделились на два враждующих лагеря. Пациенты, поддержавшие новую власть, потирали руки и приговаривали: «Будет вам ужо порядочек!» Пациенты, провозгласившие своим девизом слова: «Защитим законное, конституционно избранное правительство!», дали достойный отпор приспешникам путчистов. Демократически настроенные больные едва не повязали медперсонал, ставший у них на пути к российскому парламенту. Перевес сил оказался все же на стороне людей в белых халатах. Всех беспокойных удалось успокоить и даже убаюкать.

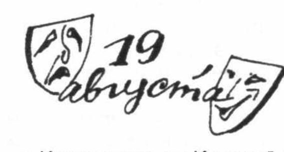

в Центральном концертном зале «Россия» произошло сразу несколько знаменательных событий. Во-первых, закончился летний ремонт зала. Во-вторых, открылся концертный сезон. И самое главное, в-третьих, произошло торжественное открытие 57-й сессии совета и генеральной конференции Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. Дни 19, 20 и 21 августа вообще были очень насыщенными и напряженными для работников концертного зала. Не успели они подготовиться к библиотечной конференции, как подоспели гастроли южнокорейской танцевальной группы под руководством профессора Ким Бэн Бон из города Сеула. Правда, зал был заполнен едва ли на треть, однако кассир уверяет, что путчисты тут не виноваты, а виноваты, не в обиду им будь сказано, сами южнокорейские танцоры.

московские рэкетиры ясно поняли, что их трудовая деятельность поставлена под угрозу.

Вспомнив, что большевики всегда угрожали всеобщим равенством и отсутствием толстосумов, представители этой нелегкой профессии всерьез задумались над своими перспективами и горячо поддержали защитников демократии. «Мерседесы» и «вольво» подвозили к баррикадам оружие и боеприпасы. Не остались в стороне «наперсточники», промышляющие у ресторана «Арбат». С одного «станка» решили ежедневно отстегивать в пользу «Белого дома» часть дневного заработка.

в Киноцентре на Красной Пресне ничего интересного не произошло. Администрация во главе с генеральным директором в тот день спешно отбыла к зданию по соседству, едва успев отдать распоряжение об отмене всех зрелищных мероприятий и приостановке деятельности Киноцентра. Купившим билеты было предложено сдавать их обратно в кассу. К счастью, события разворачивались так стремительно, что почти все отмененные мероприятия в конце концов состоялись. Оперативности работников Киноцентра могли бы позавидовать организаторы военного переворота: они одни из немногих успели все сделать вовремя: не только отменить всякое кино, не только принять обратно в кассу сданные билеты, но и распродать их заново, когда ситуация стала менее угрожающей. 20 августа, правда, не состоялась заявленная в афишах презентация журнала «Столица»: большинство участников презентации тоже оказались на баррикадах. Зато она с громадным успехом состоялась 2 сентября, причем к программе добавились незапланированные эпизоды: поздравление с победой и воспоминания бывших однополчан Геннадия Хазанова, Ильи Заславского, Александра Филиппенко, Марка Захарова и других. Рассказывают: так получилось даже интереснее.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина, Юлия Сударенко, Вера Лаврешина, Михаил Павкин.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

Рисунки Евгении Двоскиной.

Светская хроника

Валерия НОВОДВОРСКАЯ:

«СЛЕДОВАТЕЛИ КГБ БОЯЛИСЬ, ЧТО ИХ ПОСТАВЯТ К СТЕНКЕ ВМЕСТЕ СО МНОЙ»

Диалектика: после революции главные тюремщики садятся в тюрьму, зеки выходят на волю.

Один из лидеров ДС, Валерия Новодворская, арестована в мае нынешнего года. Обвинялась в призывах к насильственному изменению или свержению государственного строя путем вооруженного восстания. Предварительное заключение отбывала в следственном изоляторе КГБ в Лефортове. Освобождена 23 августа.

Месяц назад мы с огоньковцем Юрием Феклистовым обратились в КГБ с просьбой разрешить нам встречу с В. Новодворской. Последовал отказ. Я был убежден в том, что о нашем намерении Валерия Ильинична узнает нескоро. Звоню ей домой, поздравляю с освобождением... с победой.

— Так это вы, оказывается, рвались ко мне? Следователь Круглов честно сообщил об этом, только имен ваших не назвал. Даже собирался организовать «круглый стол», где бы участвовал наравне с вами. В те дни прошла публикация в «Коммерсанте»; случившееся со мной подавалось в жанре анекдота. Мы со следователем были уязвлены. В беседе с вами я бы легко доказала, что сижу за дело. К сожалению, начальство у Круглова оказалось весьма консервативным. Запретило наше свидание.

— О чем вскоре и сообщили Феклистову.

— Пусть ваш коллега утешится: его имя с восхищением называл начальник следственного изолятора Юрий Данилович Растворов. Начальника до глубины души потряс репортаж Феклистова из голландской тюрьмы. Растворов говорил мне, что будет польщен, если Юрий согласится написать и о Лефортове, а пока выражал робкую надежду приблизить свою тюрьму к мировым стандартам... Должна признать, что кое-какие элементы цивилизованной тюрьмы перенесены на лефортовскую почву. Это единственная тюрьма, где соблюдался мой статус политзаключенного.

— Когда вы узнали о путче?

— В первый же день, утром, от своего адвоката.

— Какое впечатление новость произвела на следователей?

— Мои были огорчены. Надо было видеть, как почернел от горя следователь Яналов. Подполковник КГБ Круглов был растерян и с ужасом говорил о том, что прольются реки крови. У него органическое отвращение к насилию. Напротив, мой адвокат из ДС Сергей Котов был жизнерадостен и готов к бою. Он уже знал, какой объект будет защищать. Пачками носил следователям указы Ельцина и другой тогдашний самиздат. Те, в знак благодарности, обучали его методам борьбы с танками на открытом пространстве. Ходили мрачные. Слывя в своем ведомстве «либералами», боялись, что их поставят к стенке вместе со мной.

— Какие чувства вы испытали, узнав о перевороте?

— Я воскликнула: «Наконец-то!» Сбывалось мое предсказание: революционный подъем народа у нас произойдет лишь в том случае, когда тоталитаризм выродится в фашистскую диктатуру.

— Мне было страшно, на воле. А вам в гэбэшной тюрьме?

— Я была уверена, что меня расстреляют в ту же ночь! Впрочем, такой исход соответствовал моим желаниям. Что касается страха... мне не знакомо это чувство. В пределах скромных тюремных возможностей я предприняла необходимые меры. Написала письмо Крючкову с полным отказом от повиновения ГКЧП. Кроме того, я объясняла шефу КГБ, что отныне считаю его благодетелем демократии, ибо своими действиями он совершенно дискредитирует режим. Теперь, наконец, народ восстанет и, покончив с хунтой, сбросит и советскую власть. В конце письма я предложила Крючкову свою кандидатуру для расстрела, поскольку считала и считаю, что заслужила эту меру больше остальных.

— Как вас освобождали?

— Примерно так же, как когда-то Николая Баумана. Вот только не убили пока. Скоропостижно пришли в мою однокомнатную камеру, отвели в следственный отдел и объявили, что обстановка изменилась в очередной раз... положили постановление об изменении меры пресечения. И подписку о невыезде, которую я, естественно, не дала. Попросили как можно скорее собираться, потому что народ уже готовился к штурму Лефортова. Я ответила, что еще посижу, ведь они освободили не всех политзаключенных. Спорить со мной об этом не пожелали. Тогда я потребовала, чтобы мне официально предъявили обещанное обвинение. Пообещали. Боюсь, что не сдержат обещания. Боюсь, что обманут. За последнее время кандидатов проходить по делу о «насильственном свержении государственного строя», как вы знаете, прибавилось. Боюсь, забудут про меня.

— Вы и теперь, на свободе, будете призывать к насильственным действиям?

— Я призывала к насилию в ответ на насильственные действия властей. Мой прогноз, вполне подтвердившийся, показывал людям способ, каким им следует избавиться от докучных властей. Другого пути не было. Да и теперь... от войны не зарекаюсь. Оправившись от поражения, фашисты еще дадут бой.

— Вы верите Вадиму Бакатину, новому шефу КГБ?

— Он производит неплохое впечатление. Но, по моему мнению, кадровые перестановки здесь мало что решат. Это ведомство надо закрывать.

— У вас изменилось отношение к Борису Ельцину? Прежде вы яростно критиковали его.

— Он рисковал жизнью и достоин уважения. В эти три дня он был нашим соратником по борьбе. Сейчас я считаю его главой Временного правительства России. Жду от него через год роспуска ВС РСФСР и выборов в Учредительное собрание. Преемственность власти, прерванная большевиками в октябре 1917 года, должна быть восстановлена.

Илья МИЛЬШТЕЙН

Валентин ОСКОЦКИЙ

НА-ВОД-ЧИКИ

В канун гитлеровского вторжения в Польшу офицер абвера внес в дневник: «Шеф показал мне свои записи, сделанные на совещании командующих у фюрера. Я удручен. Все чистейшая ложь и обман. Нет и тени правды. Можно с полным правом сказать: «Ни грана нравственности». Ишь чего захотел, бедолага — очеловечить преступников...

Когда настанет пора публикаций дневников, которые велись в трагические дни 19—20 августа 1991 года, то слово «ложь» наверняка будет в них доминирующим. Ведь отъявленным, циничным, нахрапистым враньем был мечен каждый шаг доморощенных фюреров, начиная с первых строк «Заявления советского руководства» и «Обращения к советскому народу». Ложь, обрушенная на страну, разливалась грязными селевыми потоками, такими же обильными, как каскады музыки, заполонившие все телевизионное и радиовремя. Люди ждали мало-мальски правдивой информации, а нас, словно в насмешку, оглушали музыкой, изредка перемежаемой текстовыми паузами: то пресс-конференцией самозванцев, то их постановлениями и указами. И вспоминалось:

Как подковы, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь,
кому в глаз...

Антигосударственный заговор и попытка переворота стали возможны благодаря альянсу партократии и генералов. Однако существовала еще одна сила: это профашистские идеи национал-патриотизма, обретшие трибуну как в общественно-политических, так и в литературных изданиях. Их интонация, лексика, стиль без труда угадывались в том же «Обращении к советскому народу»: «Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия. Гордость и честь советского человека (обобранного, к слову, не кем иным, как экс-премьером В. Павловым.— **В. О.**) должны быть восстановлены в полном объеме».

Угадываете? Те же риторические фигуры, та же напыщенная ораторская патетика, те же расхожие приемы ура-патриотической демагогии, что и в кликушеском «Слове к народу», опубликованном в преддверии путча «Советской Россией» и «Московской правдой». Лесть на лести, лишь бы ублажить кичливую национальную гордыню. И крутая «соль на раны», дабы больнее разбередить уязвленное национальное самолюбие.

Яркое подтверждение тому — атмосфера, созданная в канун путча. Под откровенно шовинистическими лозунгами вояжировал по стране В. Жириновский, а официозная печать относилась к нему, будущему апологету путча, на удивление снисходительно: как к шалуну-проказнику, не искушенному в тонкостях этикета. После постыдных для честного журналиста репортажей, оправдывающих вильнюсское и рижское кровопролития, в любимцы национал-патриотической публики стремительно вышел Александр Невзоров. Даже за явный подлог, печатно разоблаченный академиком Ю. Харитоном, не спросили ни с него самого, ни с его соавтора — полковника Н. Петрушенко. До того был велик соблазн хотя бы такой ложкой дегтя опорочить советско-американский договор о сокращении ядерных вооружений.

Одновременно с журналистом Невзоровым та же публика горячо возлюбила писателя Эдуарда Лимонова. Стоило ему громогласно оправдать задним числом советское вторжение в Чехословакию и осудить Запад за поддержку «пражской весны», как его тут же поощрили «Красная звезда» и «Военно-исторический журнал», пригрели «Советская Россия» и «Правда».

В последнем своем письме из Парижа Э. Лимонов с завидной для многих мракобесов откровенностью называет себя врагом нашей («вашей») перестройки и, верный себе, открыто зовет к сопротивлению ей. «Бездарные, некомпетентные лидеры разрушили страну за шесть лет. И капитулировали, уступив власть преступникам-националистам, преступникам-идеалистам и просто преступникам... Ставшую преступной перестройку следует немедленно остановить, и если нужно — силой». Напечатано после путча, но написано до него и послано в «Литературную газету» не без тайной надежды на упреждение событий. Как наставление или завет одного из «самородков», которых «вокруг нас много». Кто это назвал так Эдуарда Лимонова, какой пылкий поклонник его таланта? Бьюсь об заклад, не угадаете, если до этого не читали. Вездесущий Кузьмич второй (Полозков), тогда еще не перешедший «на другую работу» из ЦК КП РСФСР. Такой же, видать, спец в литературе, как и в политике...

Но выше всего имперское знамя великодержавного шовинизма подняло уже упомянутое «Слово к народу», многократно усилившее ту волну национал-патриотической истерии, на мутном гребне которой появилось «Письмо писателей России». Комментируя «Слово...» в беседе с корреспондентом «Независимой газеты» всего за четыре дня до путча, Александр Проханов, по существу, излагает программу действий путчистов, которым предстоит «взять власть в свои руки». Каким образом? — изумляется собеседница. И слышит чудовищное: «Взять за горло. В России взять власть можно».

Рядом с именами государственных преступников, которым предстоит ответить за путч перед судом народа, стоят подписи писателей. Неудивительно, что

А. Проханова, которого недаром окрестили «соловьем генерального штаба». Привычно, что Юрия Бондарева, в чьих устных и печатных выступлениях неприятие демократических идей, тщеславно распаляемое безудержной амбициозностью, давно уже достигло — нет, даже не предельного — запредельного накала, недостижимого и непостижимого здравым рассудком. Но почему Валентин Распутин?

Не первый год живу с щемящим чувством потери писателя, который будто задался целью подтвердить горький прогноз Белинского: когда человек отдается лжи, его оставляют ум и талант. Демонстративней всего такое свершилось прилюдно года два назад на российском писательском пленуме (в обиходе его прозвали антисемитским), который, сдается, стал для В. Распутина последним Рубиконом. Судили-рядили, как поступить с «Содружеством» — кучкой людей, шумно требовавших признать их самостоятельной организацией писателей, на равных правах с ленинградской, из которой они порешили выйти в знак протеста против засилья русскоязычных «инородцев». В. Распутин выступил в их поддержку и речью своей дал аргумент, признанный неотразимым: надо же помочь русским писателям, которые оказались в Ленинграде национальным меньшинством. Зал был таков, что большинство бешено аплодировало. А у меня полыхали

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

уши. От стыда за писателя, так беспечно роняющего свой нравственный авторитет...

Но вернемся к «Слову...». Вовсе не случайно этот идейный манифест путчистов скреплен писательскими именами. Его лозунгам и призывам созвучны многие публикации национал-патриотических изданий — от толстых журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия» до относительно тонкого «Кубань», от еженедельника «Литературная Россия» и газеты «День», выпускавшейся А. Прохановым под грифом Союза писателей СССР, до черносотенного «Московского литератора» и совсем бульварных листков вроде «Пульс Тушина», редактируемого, кстати заметить, поэтом Владимиром Фомичевым.

...Вот уже года два в «Литературной России» существует постоянная рубрика «Атмосфера», которую монопольно ведет самозваный руководитель Московской писательской организации Владимир Гусев. Каждая его «сводка погоды» — перенасыщенный раствор злобы и ненависти к демократам (разумеется, «так называемым» или в презрительных кавычках), которые если чего и добились за всю «перестройку», так только одного: «рассоплили, расслюнявили, промитинговали страну». В последней предпутчевой «атмосфере» о них сказано и того хлестче: «...клевета, провокация и предательство... истерический физиологизм... садизм и мазохизм». Можно понять раздражение автора: эссе писано после президентских выборов в России, в результате которых она якобы стала «бывшей» страной. «Я так говорю, ибо страны с июня (читай: с 12 июня! — **В. О.**) уже нет, а есть лишь территория». А коль «территория», то отчего бы и не превратить ее в испытательный полигон, на котором, как четвертый год в Нагорном Карабахе, отрабатывалась бы модель свержения конституционных институтов власти и введения военно-полицейского правления?

«А ведь мы вас предупреждали и об этом. Мы вас предупреждали своевременно, что так будет... Да, мы зрели, что «на известном этапе» вам это удастся»,— без конца стращает В. Гусев роковыми последствиями избрания неугодного президента. Нет, коллега, не вы демократов, а демократы страну предупреждали о зреющем заговоре, да только предостережения их потонули в кликушествах, подобных вашим. Это вы «со товарищи» не дали услышать ни речь Э. Шеварднадзе при его добровольной (небывалое дело в Стране Советов) отставке. Ни голос газеты республиканской партии «Господин народ», проницательно разгадавшей: «КГБ решил остановить Горбачева». Ни заявление А. Яковлева, всего за три дня до путча написавшего в партком ЦК КПСС: «...в руководящем ядре партии сложилась влиятельная сталинистская группировка, выступающая против политического курса 1985 года и тем самым тормозящая общественный прогресс в стране. Речь, в сущности, идет о том, что партийное руководство, вопреки своим же декларациям, освобождается от демократического крыла в партии, ведет подготовку к социальному реваншу, к партийному и государственному перевороту». Сказано во всеуслышание, да забито ура-патриотическими выкриками, как зарубежные радиоголоса глушилками в пору «холодной войны».

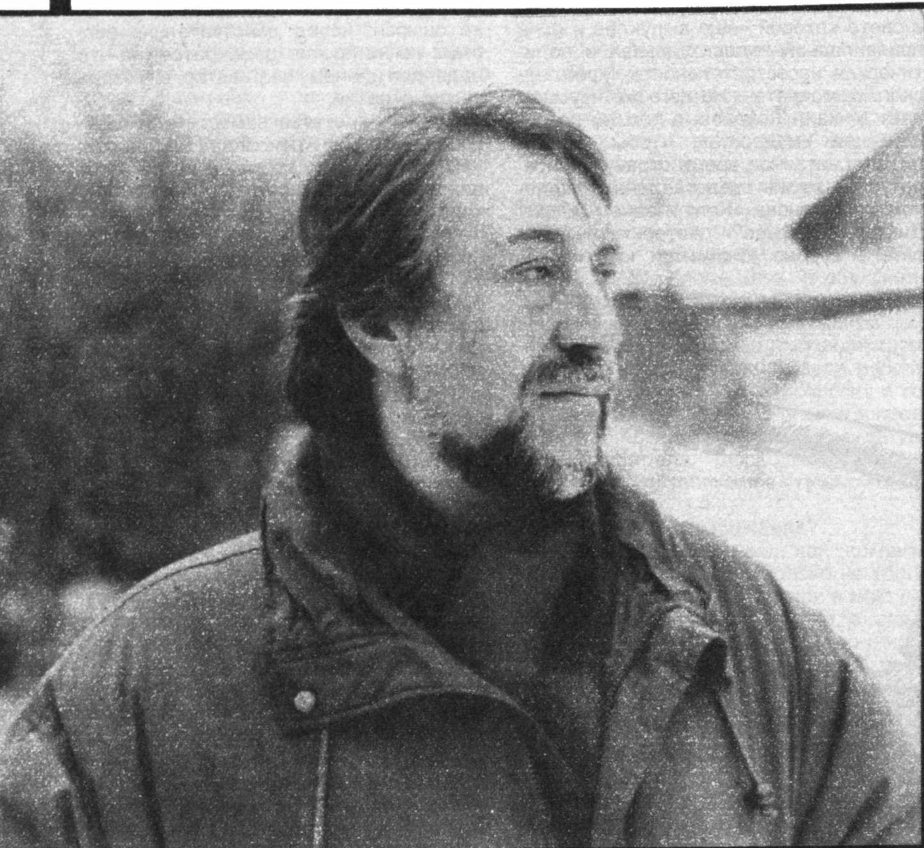
...Августовский номер газеты «День». Огромная, на всю полосу статья в защиту Нины Андреевой — несчастной жертвы демократического плюрализма. Ее патриотическое нежелание поступаться принципами на корню подрубили «враги» Лигачева, дабы усугубить «нарастание экономической энтропии, падение производственных показателей», а заодно спровоцировать «возбуждение в обществе... приступа антисталинской паранойи». То ли дело паранойя «антигорбачевская» — в статье члена редколлегии Ш. Султанова: о лондонском «провале» — встрече с «семеркой», в свете которой «еще выпуклее и ярче проявилась интеллектуальная и политическая несостоятельность «кремлевского демократа». На него же науськивает Михаил Лобанов: в том ли президентская «мудрость», чтобы «развалить в считанное время страну»? Литературная жизнь представлена памфлетом В. Смирнова «Кого и зачем бранит Виктор Астафьев?». Авторитетный писатель сурово клеймится как предатель тех самых принципов, которыми не поступается Нина Андреева: вчера не хотел печататься в «Огоньке», а сегодня «дает интервью программе «Вести» — телевизионному двойнику этого самого «Огонька». То-то, Виктор Петрович, знай «наших» штурмовиков — они чтят воинскую дисциплину и предпочитают маршировать скопом. К такому коллективизму по-большевистски зовет уже знакомый нам В. Гусев, предлагая всем «истинно независимым и духовно мыслящим органам печати регулярно проводить как бы переклички, сверять часы хотя бы вот на страницах «Дня».

...И, наконец, августовский номер «Нашего современника», поступивший к подписчикам и в продажу также в канун переворота. Статья публициста Анатолия Салуцкого, прославившегося одержимой борьбой с А. Яковлевым и академиком Заславской. Выдается им на орехи и в новой статье, но на сей раз к излюбленным адресатам обличений добавлен «наш новый «просвещенный монарх», «тщеславный лидер», уподобленный — кому бы вы думали? — Понтию Пилату, который отправил Христа на распятие. Так, мол, и Горбачев поступает с русским народом. Это он выдвинул «безумный» тезис «о необходимости дополнить экономические реформы политическими», что «и привело нас в итоге к жесточайшему кризису, поставило на грань гражданской войны». Спрашивается: как быть Отечеству на гребне «поистине всенародной драмы», перед «новыми великими потрясениями»? Ненавязчивый совет брошен как бы мимоходом, но перед лицом последующих событий 19—21 августа звучит зловеще: если страну швырнули «в объятия жестокого кризиса», то «народ вот-вот восстанет». В этом А. Салуцкий не ошибся: народ действительно восстал, но не против демократов, на что надеялся и к чему звал автор, а в защиту демократии.

Следом — статья заместителя главного редактора Александра Казинцева: «12 июня: до и после». Ох уж этот роковой, траурный для национал-патриотов день — что кость в горле. До него — радужные надежды на других российских лидеров, вплоть до Альберта Макашова, генерала с «гордым поворотом головы, с острым казацким профилем», и даже Жириновского. После — сплошные печаль и мрак: нереалистичность экономических программ, триумфальная легализация мафии, бесцеремонное давление западного капитала. И все это — при прямом попустительстве первого российского Президента. «Плохие прогнозы»? Хуже некуда. Но они «не освобождают от необходимости бороться... за подлинное торжество России». России, переживающей лихое «время» «демократических» шарлатанов». Это уже из третьей статьи — обзора читательской почты, рекламируемой как глас и мнение народные. О чем же толкуют в народе, если верить редакции? Точь-в-точь о том, о чем «черные» полковники и генералы: что жизнь нам сулит «лишь дальнейшее скатывание страны в бездну»; что из-за демократов-космополитов «Россия брошена на произвол судьбы» и «погибнет не только территориально, но и духовно»; что Ельцин и «специфически националистический журнал «Огонек» (вот оно: с больной головы на здоровую!) ведут, «прикрываясь псевдодемократическими лозунгами», разнузданную антирусскую кампанию, что «правительства прибалтийских и некоторых других республик... встали на путь фашизма», а российский Президент при этом расчетливо глух «к голосу единокровного дискриминируемого меньшинства»; что «радио России» есть филиал радио «Свобода»; что... Господи, да мало ли что возникнет в неуправляемом воображении, когда оно донельзя взбудоражено национал-патриотическими фантасмагориями! И дураку должно быть ясно, «куда такое правительство может нас завести». Так не лучше ли упредить его загодя, нежели послушно и терпеливо ждать, пока заведет?..

У Виктора Алксниса, едва не ставшего, по Жириновскому, губернатором прибалтийского края, ответ был короток: «Мы находимся в пропасти, и уже необходимо разбираться с теми людьми, которые нас в эту пропасть столкнули». Спеша разобраться, он приветствовал переворот одним из первых. Названные авторы «Литературной России», «Дня», «Нашего современника» шагали с ним в ногу. И, подстрекая к путчу, не только обслуживали его своими национал-патриотическими идеями, но и наводили на цели, которые путчисты должны были поразить первыми и прямым попаданием. И поразили бы, если б демократия не сумела себя защитить...

СЛАДКО ЛЬ ВАМ ПОД КОМИССАРАМИ?..

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Прозрачная яма со стенами тверди
топаза
в мерлушковых тучах открылась
теперь до отказа.

Там солнышко наше,
которое малость поярче
земли заснеженной,
которая малость пожарче.

В кудели мороза запутались ветви
опушки,
ее веретена, станки, челноки и
коклюшки.

Все слаще и тише воркует
сосна-голубица,
на свежем ветру задубела ее
власяница.

...Вот здесь бы лежал я
под цоканье злого отряда,
тачанкой отличного лишь
от панургова стада,

лицом костенея и снег собирая
в охапку
бессильной рукою, как гнусную
красную тряпку.
1979

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

I

Олонецких изб громадины
заколочены, глухи.
На резные перекладины
не садятся петухи.

Пролетая над амбарами,
ветер спрашивал, дивясь:
— Сладко ль вам под комиссарами?
А они проснулись:
— Ась?

Не найти тебе ни корочки,
ну да ты и так щекаст.
Словно мел на медной створочке,
золотится снежный наст.

Надо б этих комиссариков,
шедших с грамотой к крыльцу,
растереть бы, как комариков,
по усталому лицу.

II

Древо с фениксами красными.
Строк личное полотно,
густо затканное гласными.
То все ясно, то темно...

Десять лет по норам прятался,
бородой зарос до глаз.
К новой власти плохо сватался.
Но пробил последний час:

оспяною лапой Сталина
взята в гиблые места
и зарыта персть крестьянина
без отпева и креста.

Где лежишь, Никола-мученик,
Богоизбранный помор?
Я прожгу слезой горючею
твой заснеженный бугор.
1978

В МАРТЕ 1965 ГОДА...

Еще стволы морозцем лачило
в лжебелокаменнодвуликой,
а уж капель грачей дурачила
и отливала голубикой.
По площадям блестели отмели,
еще не кончились занятья.
Еще дельцы сердец не отняли
у храмин и хором Зарядья.

Лишь за зубцами в дымке рисовой
подложно золотили главы
и в отруби Никите Лысому
не смели подмешать отравы.
...А под Москвой — за речкой
снежною
и пыжиковым перелеском
покрылись щеки краской нежною,
глаза горели карим блеском.
Ты не была еще единственной,
но начинало так казаться.
Пустот души твоей таинственной
еще никто не смел касаться.
1978

УТРО

Бурда из ржавого лжекофейника.
Лжевавилонского муравейника
густая лава течет в метро.
На каждой вые следы ошейника.
От красной краски горит нутро.

По тупикам переходов — головы:
Дзержинский, Свердлов, Ногин
в пенсне.
Везде поют, что живется здорово,
но кто не знает про брешь в мошне,
когда, гордясь олимпийской
сборною,
победно дует в пустой кулак?
Но зря, товарищ, в минуту черную
сионцам вешаешь всех собак.

...Пахучи «Правд» и «Известий»
полосы.
Броваст антихристов иерей.
И шевелятся от страха волосы
на голове, голове моей.
1980

СТРЕШНЕВО-69

Искандеру

Наша вина — в судьбе.
Наши года — в гульбе.
Наша беда — в ерше.
Наши стихи — в душе.

Черен гудящий лес,
и холодно пивко.
Кружится русский бес
где-то недалеко.

Только начнешь: «Ети...»,
чувствуя слабость ног,
глядь, а уже в пути
квохчущий воронок.

То ли берут в кольцо,
то ли отлов калек...
Как освежил лицо
красный вонючий снег!
1979

ПЕРЕДЕЛКИНО

...На луковицах петухи
или кресты? Овраг и долы.
Бориса вещие стихи.
Трех сосен слитные верхи,
соцветья, чешуя и смолы.

(Подумать, десять лет тому:
все было кончено; однако
еще не знали, что к чему,
и шли, болтая про сурьму
грозы и мыслящих инако.)

Кусок земли, где Сетунь с нить,
где наши старые шакалы
умеют мертвых хоронить.
Где мужикам нельзя не пить,
а бабам — не ворочать шпалы.
1978

ВЕТРА ЗЕЛЕНЫЙ ШКВАЛ...

А. Солженицыну

Ветра зеленый шквал
ринулся и — пропал.
Майская ветка вьюжит,
словно опять зима.
И облаков кайма
осеребрилась вчуже.

Точно из погребца,
темный в отлив свинца
голубь в алтарной нише
крыльями зашуршит,
в сумраке зарябит,
вылетит в брешь на крыше.

Пестрый сухой помет.
Змеем сюда ползет
ладан с колхозной сотки.
Местная ребятня
спрашивает огня
и предлагает водки.

Как от гнилья в пруду
или огня в аду,
идет мороз по коже...
Сколько уже годин
Ты здесь совсем один,
Нерукотворный Боже!
1978

ПО СЛЕДУ «КРАСНОЙ ПОЛОСЫ»

ЧП БУТЫРСКОГО ЦЕНТРАЛА

Михаил КОРЧАГИН, специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Их было сорок. Целых четыре десятка озверевших узников камеры № 9. И два безоружных надзирателя. Уже наброшена удавка на одного. Удар в голову повергнет на бетонный пол другого...

— Ключи, сволочь! — орал ему в лицо заключенный.— Ключи!..

Удавка крепко сдавила шею. Теряя сознание, Василий с ужасом понял: и он, и его напарник — заложники в руках насильников и убийц, решившихся на побег...

План был предельно прост: завладев ключами, проникнуть в комнату свиданий, откуда и выбраться в город. В случае неудачи потребовать оружие и машину. На другой чаше весов заключенные оставляли жизнь двоих заложников.

Но, празднуя свою маленькую победу, не подозревали беглецы, что в суете один из контролеров незаметно нажал кнопку тревоги... Стуча коваными каблуками десантских сапог, по путаным коридорам Бутырки уже спешила группа парней из отряда особого назначения...

Итак, очередная попытка побега не увенчалась успехом. Неприступными остались стены, увенчанные витками колючей проволоки. Неприступными, как и 210 лет назад, когда при Екатерине II за окраиной града Москвы выросли мрачные башни Бутырского централа. Кто только не вынашивал здесь сладкие мечты вырваться на свободу: и непокорные царице дворяне, и закованные в деревянные колодки каторжане, и политзаключенные времен большого террора. Какие только попытки не предпринимались беглецами! Доходило и до разбора толстых стен. Но каждый раз терпели они фиаско, каждый раз камерная карточка несостоявшегося беглеца помечалась красной полосой (склонен к побегу.— *М. К.*), но неприступными оставались бутырские стены. И только один из заключенных был близок к желанной цели.

До сладкой свободы оставался буквально один шаг. А его бескровный план и находчивость воистину заслуживали приза за оригинальность. Побег совершался с помощью... обыкновенной швейной иголки.

С самого начала все шло по намеченному плану. Заключенный специально нарушил дисциплину. В результате был подвергнут самому суровому наказанию — его посадили в карцер, в полуподвал. Как раз о таком наказании он и мечтал. Рядом с окном карцера регулярно останавливалась машина, в которой возили на суд заключенных. Оставалось подпилить толстую решетку. С помощью той самой иголки он не спеша и перепилил ее... А чтобы охранник как можно дольше не замечал его отсутствия, из одежды сделал чучело и посадил его на стул спиной к двери.

Выбравшись в тюремный двор, он подполз под грузовую машину и пристроился на карданном валу. Водитель уже подрулил к воротам, чтобы выехать в город, как вдруг объявили тревогу. Охранник несколько раз обратился к чучелу через глазок, и оно его, естественно, «проигнорировало». Рассвирепев, он открыл дверь...

В поисках беглеца работники тюрьмы сбились с ног. Обыскали и ту машину, в карданный вал которой вцепился подследственный. И он выехал бы в город, если бы не опытнейший работник изолятора Василий Алексеевич Заруцкий, который всего лишь заглянул под машину...

Необычную летопись «побегов» из Бутырки можно было бы продолжать. Но любая из историй имела бы один и тот же финал...

ЗА ЧТО ПРИГОВОРИЛИ «ВЕРТУХАЯ»

Итак, 4200 заключенных, некоторым из них просто нечего терять. Их попытки отчаянны, дерзки. И тем не менее ни одного побега.

— Это норма,— считает подполковник внутренней службы Геннадий Николаевич Орешкин.— Никакой сенсации,— снова повторяет он, но при этом стучит по дереву. Стучит — потому что далеко не все зависит от засовов, цепких колючек и хитрых сигнализаций...

Мы часто слышим о тюрьмах, колониях. И первое, что рисует наша память,— это образ заключенного в наручниках за толстой решеткой. Но как-то не вспоминаем того, кто рядом, кто дышит ему в затылок, кто день и ночь через глазок следит за каждым его движением. Он — тень заключенного, которая шаг за шагом следует за ним по гулким тюремным коридорам, он — его подневольный спутник в этих лабиринтах неволи...

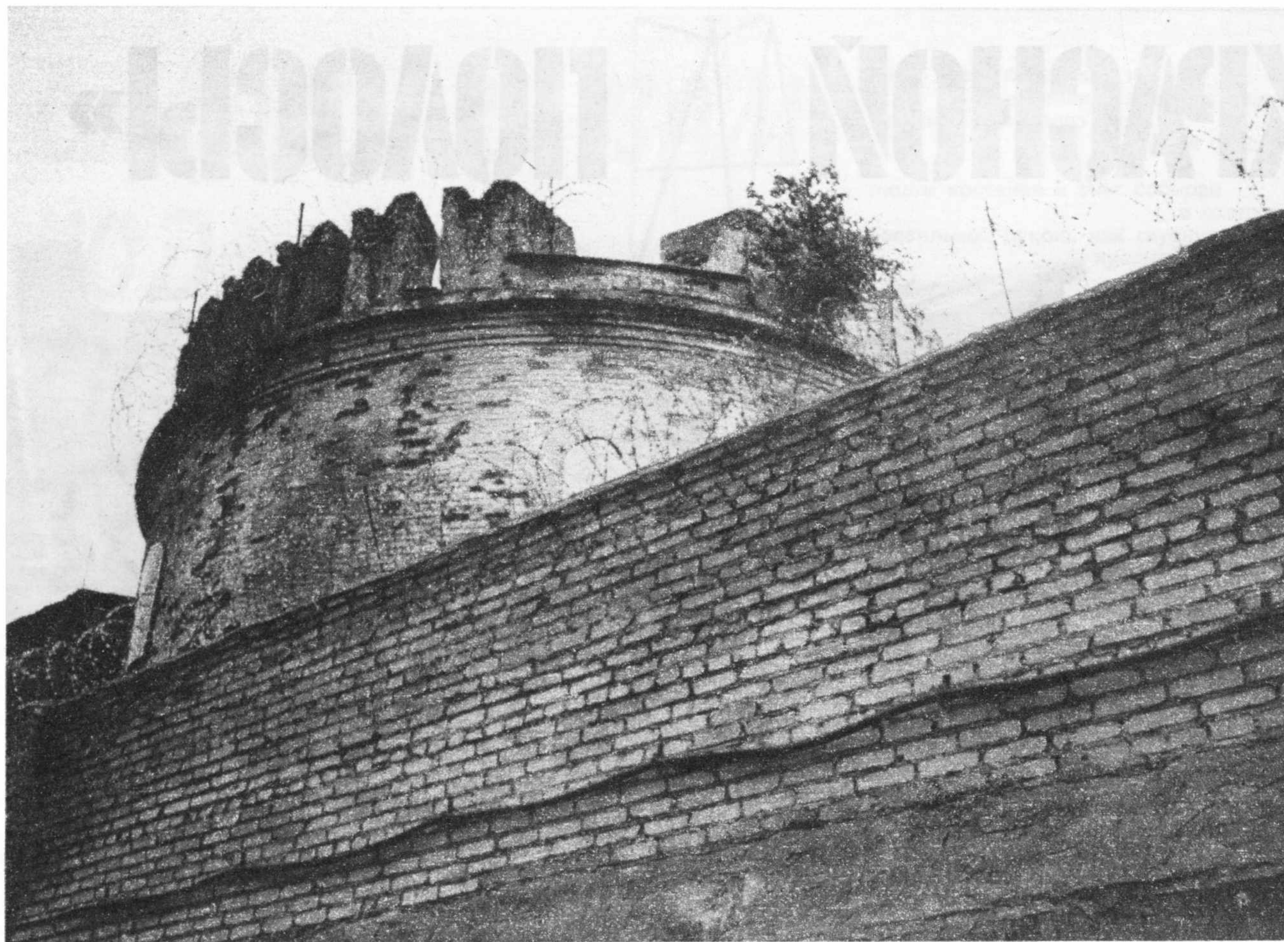
Так кто же он, этот человек в фирменной пилотке-лодочке с громыхающей связкой ключей и резиновой дубинкой у пояса? Кто этот тюремный труженик, официально называемый «контролером»? А еще — «вертухай». Это по-блатному. Или «юлок»... Потому что крутится как юла. Носится как заведенный. От камеры к камере, с этажа на этаж, из корпуса в корпус. Как-то подсчитали километраж — за смену накрутилось до сорока кэмэ. Чуть ли не марафонская дистанция. С той только разницей, что на «старте» не знаешь, в качестве кого финишируешь — в качестве заложника или хуже... «Повезло» тем двоим — в больнице залатаны их раны. Скажу больше. В итоге «везунчиков» ждала умопомрачительная сумма — премия размером в сотню деревянных на брата. За мужество!..

Резиновая дубинка — это все, что на вооружении контролера. Куда более богатый арсенал у заключенного: и удавка (сплетенная из супинатора ботинка), и металлическая заточка (официально она почему-то не считается холодным оружием), и, наконец, любая увесистая железка. И все это может быть пущено в ход в любую минуту. А он, контролер, должен помнить о главной своей задаче: не допустить в камере ЧП — самоубийства, убийства, побега. Он же должен гасить любые ссоры или драки между сокамерниками, не допускать игры в карты, перекрикивания между камерами.

«Вертухая» недолюбливают. Его ненавидят. Иногда просто так. Ни за что. Только за то, что он «вертухай». А бывает, и за дело. Случается, простая, элементарная просьба заключенного (вызвать дежурного, отвести к врачу, выдать нитки и т. п.) затягивается на неоправданно долгий срок. А если и выполняется, то сопровождается оскорбительными издевками.

Как просто «плюнуть» в человека, когда бессильны связанные за спиной руки, а ухмыляющийся обидчик — по другую сторону решетки! Да, он хозяин положения. За это-то и ненавидят «вертухая» — каким бы он ни был. За это и мстят. Но не в тюрьме. На воле. Причем мстят изощренно, жестоко — так, как это умеет делать уголовный мир.

В семье не без урода. Всякие есть и тут. Поэтому неудивительно, что стыдится контролер своей профессии. О ней помалкивают и его дети, жена. Впрочем, для этого есть и еще

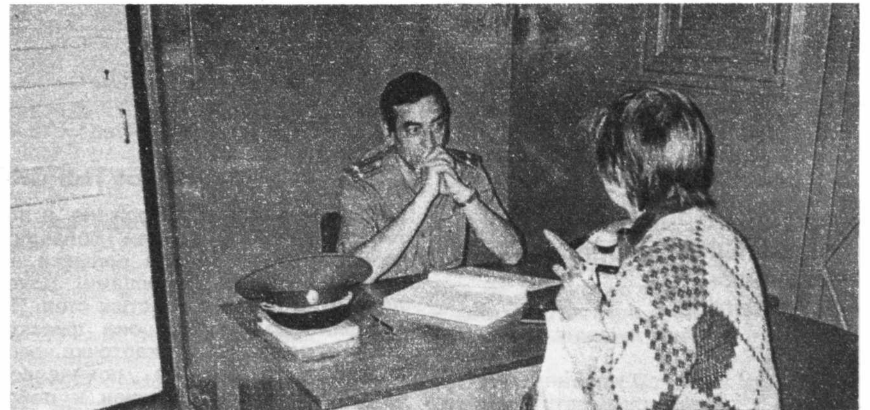

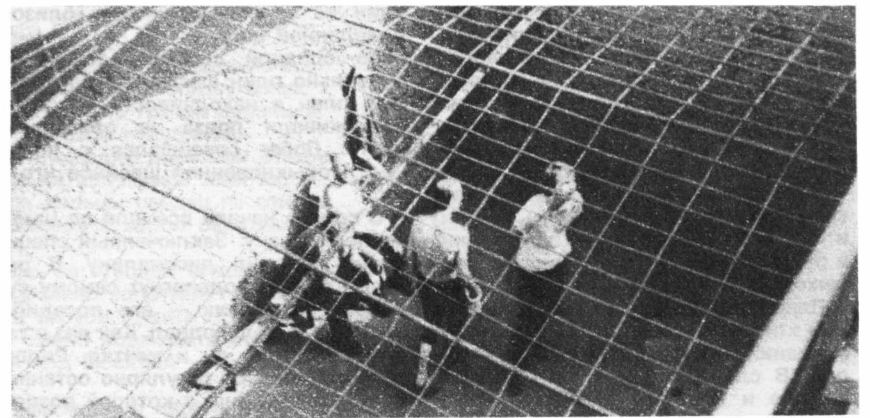
одна немаловажная причина.

Друзья заключенных, оставшиеся на воле, ищут контакта с арестованными через контролера. Узнав о месте его работы, начинают вербовать. За передачу «малявы» (письма.— *М. К.*) с важной информацией дружки предлагают большие деньги. И взявший взятку единожды автоматически переходит к ним на службу. Те же, кто отвечает отказом, попадают под пресс угроз, шантажа, запугиваются члены их семей. Кто в таком случае защитит его? Закон?

Не так давно был принят «Закон СССР о советской милиции». Но в нем напрочь забыли о персонале тюрем. Тюрьмы, казалось бы, входят в систему МВД, но на них почему-то не распространяются статьи социальной защиты, защиты их семей и т. п. Пять лет понадобилось ГУИД МВД СССР во главе с генерал-майором В. Гуляевым, чтобы добиться у Верховного Совета СССР элементарного права присваивать контролерам звание прапорщика. И вот добились. Погоны прапора дадут ему прибавку аж в 30 рублей.

По сути дела, он тоже отбывает «срок» вместе с заключенными. В сутки 12 часов на посту — это же полжизни, проведенные в тюрьме. Но преступник отбывает за «дело», а контролер?.. За 300—400 в месяц, за долгожданную выслугу лет...

Пайковые контролера (денежная компенсация за продовольственный паек) в месяц составляют 16 рублей 52 копейки.

Пайковые же обычной сторожевой собаки в тюрьме или на зоне — 41 рубль.

Работа каторжная. И она во многом формирует человека. Контролер постоянно в среде уголовников и уже сам не замечает, как лексикон его становится блатным.

— Ну, ты че, в натуре, долго кадыком стучать будешь?! — это обычное обращение контролера к заключенному. В переводе оно означает: «Не шуми!»

Бывает, у «волчка» (еще одно обидное прозвище) не выдерживают нервы. На оскорбление отвечает тем же или в сердцах пройдется резиновой дубинкой по спине расхамившегося зека. Порой такие срывы и становятся той искрой, с которой разгораются неукротимые бунты, волна которых не так давно прокатилась по стране. Они потрясли нас своей жестокостью...

«СВЕТА + ИРА = ЛЮБОВЬ»

Женский корпус Бутырки был выстроен уже при советской власти. До этого женщин не содержали здесь в таком количестве. В среде персонала корпуса ни одного мужчины. Ранее, когда в контролерах были не только женщины, некоторые подследственные старались забеременеть, в результате чего следствие приостанавливалось, а в отдельных случаях новоиспеченные мамаши подпадали под амнистию.

В сопровождении женщины-контролера мы подошли к одной из камер.

— Девочки, оденьтесь и постройтесь...— скомандовала она через окошечко в двери.

Через пять минут мы вошли в камеру. Молодые и старые, симпатичные и невзрачные, взъерошенные и прибранные, стояли они в этом строю, непривычном для человека с воли. Кто-то поправлял прическу, наспех срывая с головы самодельные бигуди, кто-то тайком заглядывал в зеркальце, оценивая свой экстренный «макияж». Женщина остается женщиной. С приходом Геннадия Николаевича подследственным снова стали устанавливать телевизоры в камерах. Но это максимум, что может он сделать согласно инструкции. Дальше нельзя — закон.

Согласно закону же, женщин осудит суд, и отсюда в грязных спецвагонах развезут их по тюрьмам и колониям страны. А на стенке останется незамысловатая полустертая надпись: «Света + Ира = любовь». В холодном спецвагоне увезут на север Иру, где-то на испепеляющем юге окажется Света. И не исключено, что будет положено начало еще одной маленькой человеческой трагедии. А в редакцию, может, придет еще одно сокровенное письмо, подобное этому:

«Я и Татьяна отбывали в одном отряде. Однажды я повздорила с человеком от администрации. И когда он узнал, что мы лыткаримся, то отомстил мне, перебросив Таню в другой отряд. Я не знаю, как дотяну до конца срока. Неужели ничего нельзя сделать!..»

Природа, не считаясь с пунктами сухого закона, диктует свое, вступая в противоречие с ним. Это еще одно из писем, пришедших в редакцию. Ввиду деликатности темы также опускаю фамилию и адрес.

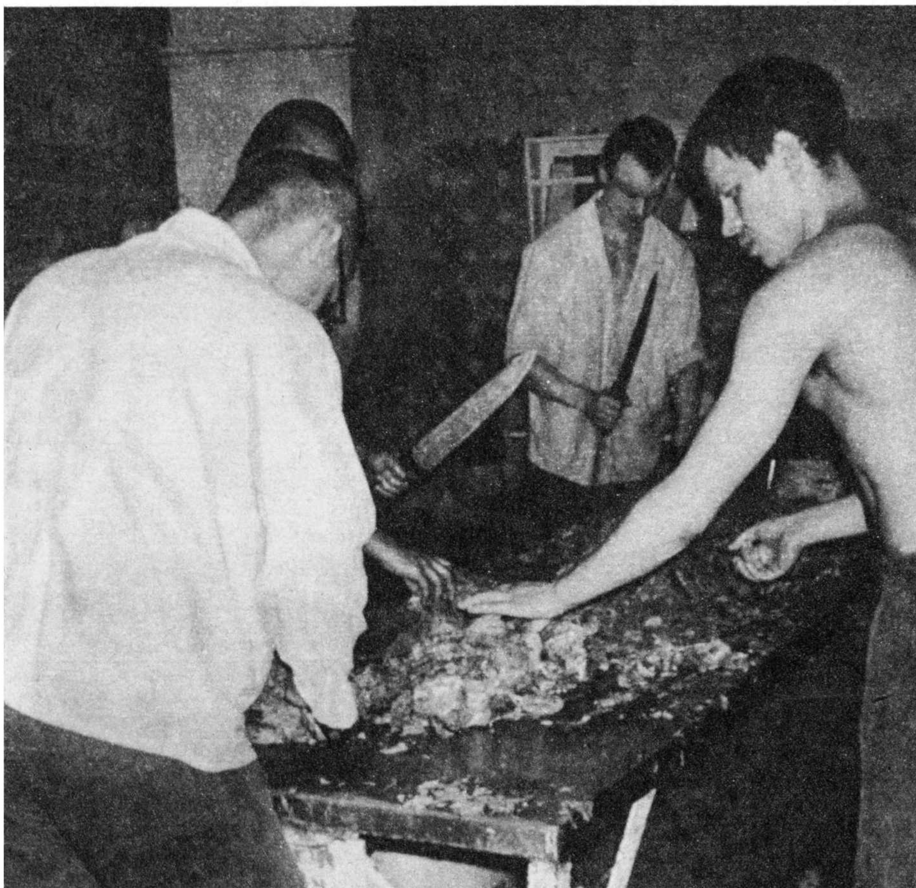
«Я, пожилая женщина, отбываю срок по ст. 104 за убийство мужа. За свои 65 лет всего насмотрелась, но здесь в колонии не могу больше смотреть на все это. Осужденная К. на моих глазах, приревновав свою со-

жительницу В. к осужденной О., размозжила ей голову лопатой...»

Трудно, иногда просто невозможно комментировать такие письма... Я понимаю, женщина переступила запретную черту закона. За это и должны наказывать. Пусть строго, пусть очень строго. Но наказание не должно превращаться в издевательство над живой плотью. По крайней мере в цивилизованных странах и женщин, и мужчин не лишают необходимого общения в местах заключения. Думаю, и у нас возможно такое. Ведь есть же спец. поселения для женщин и мужчин, где благословляются браки и создаются семьи... Согласен, что закон должен быть суровым, но ни в коем случае не бессмысленно жестоким — калечащим и без того хрупкие женские судьбы...

— С сахаром совсем беда,— в сердцах поясняет мне подполковник, машинально подписывая рапорт.— С трудом отвоевали у города одну тонну. А что такое тонна для 4200 заключенных... Ну, продержимся месяц, а дальше?

«Продержимся», «отвоевали»... Как на фронте. Впрочем, так оно и есть. Бутырка — это пороховая бочка. Здесь, где сосредоточился в основном высший свет уголовного мира (убийцы-рецидивисты, рэкетиры, налетчики-грабители), может случиться все что угодно. Если, допустим, нас на воле как-то можно урезонить, уболтать с высоких трибун, сославшись на некие трудности, то с заключенными этот номер не проходит. Они-то могут поднять «табачный» или, к примеру, «сахарный» бунт, непредсказуемый своими последствиями.

ПО ЭТУ СТОРОНУ РЕШЕТКИ

Проблемы, проблемы... Сколько их, порожденных обществом, неподъемным грузом оседающих в стенах наших изоляторов. Во всех СИЗО они одни и те же. С той только разницей, что в крупнейшем следственном изоляторе страны их во много крат больше. В десять раз больше требуется краски для камер, в пять раз больше мыла, продуктов. Это при наших-то пустующих прилавках. Вот и ломает в своем кабинете голову начальник изолятора. Есть у него «фонды»? Но кому нужны они в наше время? Гони дефицит — получишь дефицит взамен. Натуральный обмен. Так называемый рынок. А что могут предложить в обмен тюремные доставалы? Разве что отдельную камеру, которая, кстати, сегодня тоже большой дефицит.

— Юра, когда будем решать вопрос с лампочками? — не дожидаясь доклада, спрашивает начальник у вошедшего в кабинет старшего лейтенанта. (В камерах катастрофически не хватает лампочек, лопающихся, как мыльные пузыри. А свет должен гореть круглые сутки. Без освещения в перенаселенных камерах может произойти любое ЧП.)

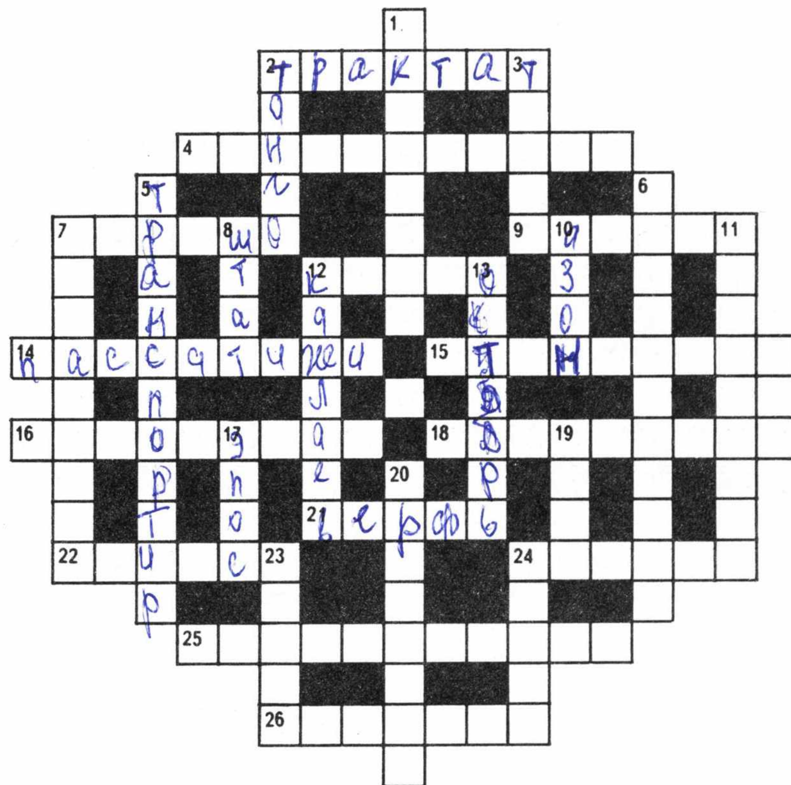
— Лампочек нет,— беспомощно разводит руками «старлей» и кладет на стол новый рапорт на покупку ниток, иголок, которых тоже нет в магазинах.

Но Бутырка — это не только пороховая бочка. Это и своеобразный барометр общественного мнения. Например, чтобы предугадать результаты выборов на пост Президента России, не обязательно было ломать головы над прогнозами. Достаточно было пройтись по камерам, чтобы понять, чем все кончится. Не подверженные влиянию предвыборной пропаганды, заключенные оказались неплохим индикатором. В итоге при 3181 голосовавшем за Бориса Николаевича проголосовал 2651 человек, за Рыжкова — 115, за Жириновского — 128, за Бакатина — 104, за Тулеева — 21 и за генерала Макашова — 9 человек.

Бутырка — это часть нашего общества. Это осколок зеркала, в котором отражаемся мы. И как бы ни клеймили по эту сторону решетки преступный, уголовный мир, он все-таки наше больное дитя. Как и мы, ждут здесь тех же перемен, обновления России. Как и нам, надоела им скотская наша жизнь.

Мы, живущие по эту сторону, должны вспоминать о них не только тогда, когда ломаются засовы, пылают взбунтовавшиеся колонии, а сорвавшиеся с тюремных нар вооруженные бандиты захватывают автобус с насмерть перепуганными детьми...

г. Москва,
следственный изолятор № 2

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Краткое изложение научного труда. 4. Пьеса для симфонического оркестра М. И. Глинки. 7. Стихотворение С. А. Есенина. 9. Положение в боксе, когда противник считается побежденным. 12. Травянистое растение, используемое для изготовления технических тканей. 14. Ручной слесарно-монтажный инструмент. 15. Начальная страница с заглавием книги. 16. Женщина-живописец, народный художник СССР. 18. Армянская поэтесса. 21. Предприятие для постройки судов. 22. Певучий характер исполнения. 24. Один из основных видов конного спорта. 25. Гимнастический спортивный снаряд. 26. Клавишный инструмент, используемый в симфоническом оркестре.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Система научных знаний о болезнях, их лечении и предупреждении. 2. Бальный танец. 3. Южное созвездие. 5. Приспособление для построения и измерения углов на чертежах. 6. Последовательница материалистической теории эволюции органического мира Земли. 7. Вводная часть декларации или международного договора. 8. Постоянный состав сотрудников определенного учреждения. 10. Газ, видоизмененный кислород. 11. Электромеханическая цифровая вычислительная машина. 12. Композитор, народный артист СССР. 13. Месяц календарного года. 17. Народно-поэтическое повествование. 19. Картина Б. М. Кустодиева. 20. Ленинградский артист балета, народный артист СССР. 23. Город в Житомирской области. 24. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 37

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Тугрик. 4. Мартос. 7. Рвение. 10. Размах. 11. Препарат. 12. Судак. 14. Тирада. 15. Ферма. 16. Бруни. 17. Рудня. 18. Купальница. 19. Кроки. 20. Макет. 23. Грамм. 24. Газета. 25. «Тапер». 29. Этимолог. 30. Марков. 31. Рыльце. 32. Нониус. 33. Кубань.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Термос. 2. «Гренада». 3. Крепь. 4. «Марта». 5. Тампере. 6. Сухона. 8. Демилитаризация. 9. Предприниматель. 13. Каракорум. 15. Фундамент. 21. Майоран. 22. Шпилька. 23. Герман. 26. Ремень. 27. Дэвис. 28. «Игрок».

1 руб. Индекс 70663